

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ. Том 2

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ. Том 2

ЭКСМО

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

ДЫРКА ДЛЯ ОРДЕНА

БИЛЕТ НА ЛАДЬЮ ХАРОНА

БРЕМЯ ЖИВЫХ

ДАЛЬШЕ ФРОНТА

ХЛОПОК ОДНОЙ ЛАДОНЬЮ

СКОРПИОН В ЯНТАРЕ

ЛОВИТЕ КОНСКИЙ ТОПОТ

СКОРО ПОЛНОЧЬ

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ

ВАСИЛИЙ ЗВЯГИНЦЕВ

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ

ТОМ ВТОРОЙ

ЧЕРНАЯ МЕТКА

ЭКСМО

МОСКВА

2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
3-45

Оформление серии *Е. Савченко*

Художник *А. Дубовик*

Серия основана в 2003 году

Звягинцев В. Д.

3-45 Мальтийский крест : фантастический роман : в 2 т.
Т. 2: Черная метка / Василий Звягинцев. — М. : Эксмо,
2010. — 384 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-46134-9

ISBN 978-5-699-46135-6

Судьбы двух реальностей, нашей, со всеми выкрутасами российской демократии, и альтернативной, где Россия — могущественная Империя, способная адекватно ответить на вызовы азиатско-африканского «Черного интернационала», неожиданно оказываются переплетены гораздо теснее, чем предполагали Шульгин, Новиков, Левашов и их соратники по «Андреевскому братству». Акции антикоррупционной «Черной метки» в первой, заставившие президента страны со всем вниманием отнестись к предложениям этой загадочной организации, и разборки в Одессе — во второй, обратившие на себя внимание Императора, походят друг на друга не только по конечным целям, но и... по составу участников, появления которых на «театре возможных действий» и представить было нельзя. Однако иногда невозможное становится возможным, неся с собой грядущие перемены...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-46134-9 (Т. 2)
ISBN 978-5-699-46135-6 (Общ.)

© Звягинцев В., 2010
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Мне, в размышлении глубоком,
сказал однажды Лизимах:
«Что зрячий зрит здоровым оком,
слепой не видит и в очках».

К. Прутков

ГЛАВА 16

Теперь Ляхову нужно было найти Фёста. Задача сама по себе не очень трудная, если он сейчас находится в Москве. . . . Своей Москве, естественно. Всего и нужно, что позвонить по специальному телефонному аппарату, связывавшему со специальным коммутатором в квартире на Столешниковом. Если там никого нет, звонок переадресуется в иную реальность, где существует так называемая «сотовая связь», и аналог примет его, где бы ни находился. Это чудо техники «соседей» по-настоящему восхищало Ляхова, поскольку никаких других, *принципиально* отличающихся изобретений в том мире не было. Разница между *там* и *здесь* чисто количественная. С отставанием, как они с Фёстом просчитывали, на 30— 50 лет, если не принимать во внимание гигантской политической и психологической разницы в жизнеустройстве общества. Причём такой, что тамошнему Ляхову и его соплеменникам здесь адаптироваться легко и просто, а наоборот — крайне затруднительно, если не невозможно. Без тщательной подготовки.

Фёст ответил на пятом или шестом гудке. Встретиться договорились завтра, прямо с утра. Для удобства — там же, на Столешниковом, чтобы

Вадиму в Академию не опоздать: на днях у него экзаменационная сессия началась. Он сам моментами не понимал, зачем это ему до сих пор нужно. И без того всё неплохо складывалось. Так он и сказал однажды Александру Ивановичу, но тот его осадил.

— Знаешь, в ином качестве ты нам особо и ни к чему. Лихих боевиков мы в любой момент сотню найдём. А в вашем мире хоть один человек без легенды, с *чистыми документами* нужен. Да и тебе самому... Что с нами будет, вдруг да исчезнем мы в неизвестном направлении, на годы или навсегда? Ни за что не ручаюсь, а тебе жить и жить. Академию закончишь, не просто «флигель» — генерал-адъютантом станешь. И вдруг лет через тридцать появляюсь я или кто другой из наших... Будет к кому обратиться в верхних эшелонах.

Одним словом — убедил. Тем более что, пользуясь возможностями квартиры, мог время жизни на учёбу не тратить, за исключением семинарских занятий. За час до экзаменов заехал, хоть три дня, хоть неделю просидел над учебниками, и пожалуйста — входит в аудиторию чисто выбритый, хорошо отдохнувший, знающий всё, что требуется по курсу, и многое сверх того. Непременные двенадцать баллов по любому предмету и в перспективе — занесение на мраморную доску выпускников, окончивших Военно-дипломатическую Академию Генерального штаба с золотой медалью.

Вадим-первый встретил его в хорошем гражданском костюме, значит, здесь на улицу выходить не собирался. Впрочем, при необходимости и переодеться ему труда не составляло.

Немного поговорили просто так, обменялись новостями, на случай, если бы опять пришлось экстренно друг друга подменять, пусть пока обстановка этого и не требовала. Секонд особенно подробно остановился на приключениях Чекменёва в Одессе и на роли девушек то ли в спасении, то ли в мягком интернировании Катранджи. После чего перешёл непосредственно к сути.

— Понимаешь, Александр Иванович довольно долго уже не даёт о себе знать, — ответил Фёст, выслушав. — И я третий месяц — в свободном плавании. Заниматься мне есть чем, но в основном по старым разработкам. Там у нас тоже не совсем понятные дела творятся. И во внешней политике, и во внутренней. Зачистку почти всех, кто к московскому делу отношение имел, мы произвели, но, увы и увы, истинные вдохновители вторжения так и остались неизвестными. Предполагается, что или из очередной, нам пока неизвестной параллели просочились, или являются стопроцентным продуктом Ловушки. Бактериофаги как бы. А мы, значит, с её точки зрения — чистые болезнетворные микробы, угрожающие существованию курируемого ею организма.

Оттого в нашем богоспасаемом отечестве и вокруг него творятся всякие малоприятные дела, политологами и конспирологами всех мастей представляемые результатом заговора тёмных сил собственного разлива. Кто на либерал-демократов грешит, кто на сионских мудрецов, кто на возрождающийся тоталитаризм. Весело, одним словом.

— Не понял, — удивился Секонд. Он-то, будучи человеком общества с совсем другим менталитетом, был полностью уверен, что после раскры-

тия планов межвременных заговорщиков, ликвидации их материально-технической базы, изъятия всех хоть сколько-нибудь значимых фигурантов всё естественным образом и закончится. В этой России так оно и случилось. Если не считать эксцесса в Одессе. А на *той* стороне вышло почему-то по-другому.

— Завидую, — без всякой насмешки ответил Фёст. — Тому, что не понимаешь. Хорошо, значит, живёте. Точно так же большинства моих проблем не понял бы нормальный обыватель Монако, Андорры или княжества Лихтенштейн. Швейцарец и исландец, скорее всего, тоже. Но наша Россия — страна пространственная, с очень богатым историческим опытом, а также крайней гибкостью мышления её достойных представителей. Весьма развитой за семьдесят три года Советской власти, которая вас счастливо миновала.

Поэтому, наподобие какой-нибудь амёбы, порубленной на части, вся та масса (или, может быть, лучше сказать — эгрегор), породившая саму идею и техническую возможность агрессии, очень быстро восстановила силы и целостность, заново консолидировалась, переформатировалась, и теперь мы имеем... А что мы имеем? — Вадим-первый невесело усмехнулся, потянулся к сигарному ящику. — Мы имеем то, что случается, когда на поддороге бросаешь лечение антибиотиками. Или, если несколько иначе... «Когда будут наказаны жестокие из сильных, их место займут сильные из слабых. Тоже жестокие... В конце концов придётся карать всех». Дальше объяснять не надо?

— Но так как же? Неужели Александр Иванович и прочие товарищи этого не понимали?

— Да всё они понимали. Со свойственным ему деликатным цинизмом Шульгин однажды сказал, что это — не лечится. А другого народа на место нынешнего ему взять неоткуда. Почему «Братство» и предпочитает охранять Реальность на дальних рубежах, предоставив Главную Историческую последовательность имманентной ей участи.

— Но как тогда понимать всё остальное? — Секонд был явным образом обескуражен. Настолько прямо и с отчаянной безнадёжностью ни Фёст раньше, ни сам Шульгин с ним не говорили. Наоборот, складывалось впечатление, что после некоторых тщательно просчитанных вмешательств и корректировок в том мире постепенно станет не хуже, чем в этом. А теперь что получается? Тонущий крейсер, который некому и незачем спасать?

— Не всё так мрачно, — Вадим-первый понял его мысли, улыбнулся ободряюще (хотя кто на самом деле нуждался в ободрении?), — нам не привыкать. Ляг фотоны-гравитоны чуть в другой транспозиции¹, сидел бы ты сейчас на моём месте, а я — на твоём. И опять каждый считал бы, что только его мир настоящий, а другой — химера.

Они неоднократно обсуждали эту тему, но снова и снова что-то тянуло к ней возвращаться. Да и странно было бы, если б иначе.

— Мы с тобой оба врачи. Наше дело — лечить, пока есть хоть малейшая надежда. Вот и лечим. Если не произойдёт катастрофического срыва, глядишь, и обойдётся. Не каждая флегмона гангренной или сепсисом заканчивается.

¹ Транспозиция — обмен местами элементов какого-либо процесса.

Тут, конечно, не поспоришь.

— Тебе, наверное, легче, чем мне, живётся. Да и то не наверняка. У нас недавно результаты всемирных социсследований опубликовали, насчёт понятия «счастье». Так получилось, что жители Бангладеш (это такая страна, возникшая на месте Восточного Пакистана, площадью чуть больше Венгрии, но с населением 120 млн человек), по всем показателям чуть ли не беднейшие в мире, ощущают себя в пять раз счастливее, чем шведы или французы. Так что всё сугубо субъективно.

У нас вот на Кавказе очередная религиозная война разгорается, на Дальнем Востоке проблемы с деградацией инфраструктуры и китайской опасностью обостряются. И надо с этим что-то делать. Государственная власть мечется. Либо очередная тотальная война, по лекалам Еромолова и Барятинского, либо... Хрен знает что. Ни одна самая красивая девушка не может дать больше того, что она имеет, говорят французы, «ля плю белль филь...» и так далее. Равно и наши руководители. Куда ни кинь, всё клин. Приходится лично мне сейчас на темы процветания державы и наведения конституционного порядка задумываться. Единолично.

— Ну и как, успешно?

— Да пока справляюсь. Осталось только через несколько врожденных предрассудков переступить — и порядок. В одном тебе завидую — не попалась мне у себя девушка, вроде твоей Майи...

Фёст увидел лёгкое движение лицевых мышц Секонда и продолжил успокаивающе:

— Да ты не нервничай. Я, кажись, её у тебя отбивать не собираюсь. Характеры у нас давно и сильно разные. С тобой. С ней — тем более. Но по-

чему так случилось — интересно. Должен же и у неё быть аналог?

— Возможно, и есть. Но вы с ней не пересекались до сих пор почему-то. Ты у Шульгина не спрашивал? Возможно, всё ещё впереди.

— Вот ещё... — И сменил тему: — А не хочешь ко мне в гости сходить? Хоть на денёк. До третьих петухов. Ни разу ведь не был.

— Отчего и не сходить? — внезапно Ляхов испытал весёлую бесшабашность. — Только ведь Шульгин предостерегал...

— По-моему — ерунда. Я же с тобой здесь сижу — и ничего. Они сами туда-сюда непрерывно шастали. Можно рискнуть. Офицеры мы или твари дрожащие? Левашов с Лихаревым откуда твоих девчонок переправили? Чуть ли не с того света?

— Возможно, прямо с того. — Секонд уже не раз задумывался над этой загадкой и всё больше утверждался в своём мнении. — Уж больно много нестыковок, а спросить не у кого. Лихарев уму-разуму научен — без разрешения старших товарищей правду не скажет.

Вдруг его осенила новая идея, неожиданная, в чём-то забавная и наверняка могущая быть полезной.

— Майи своей, говоришь, тебе не хватает? Могу тебе кое в чём помочь. Мы ведь до сих пор процентов на девяносто — одна и та же базовая личность?

— Процентов не считал, но что-то в этом роде.

— Тогда есть кое-что предложить...

У него в кармане лежал пакет с полусотней фотографий, приготовленный для так и не состояв-

шегося разговора с Чекменёвым на «женскую тему». Там были изображены «валькирии», в военной форме на штурмполозе, в летних платьях и костюмах на палубе «Валгаллы» и на улочках городков и деревень на островах Южных морей, в купальниках на коралловых пляжах, на досках сёрфов и виндсёрфов.

И ещё Майя снабдила Вадима лично отобранными снимками из бани, выступая в роли не ревнивой жены, а партнёра и сотрудника. Ляхов думал их показать генералу, если тот начнёт слишком настойчиво вникать в загадку появления «этих феноменов». С помощью имевшихся в квартире приборов, оставшихся от Лихарева, часть фотографий была перемонтирована и стилизована так, что подтверждала как минимум два последних года земного существования девушек. В разных местах — Москве, Париже, Лондоне, Хабаровске, и в разном качестве.

Теперь онигодились.

Передавая стопку Фёсту, Секонд почти демонстративно, как с карточной колоды, снял несколько верхних и отложил на край стола, «рубашками вверх».

— А там что?

— А там — потом. Смотри, что дал.

Тот начал с явным интересом. Что девушки хороши сами по себе, это понятно. Но сейчас подходил не как ценитель «ню» и остального, а как профессионал.

— Вот они, значит, какие, воспитанницы мадам Дайяны с Валгаллы.

Секонд сразу, как только они решили с Майей устроить «валькирий» на военную службу, сооб-

шил об этом аналогу, и о том, что они направлены в новозеландский форт для дополнительной подготовки и специализации, тоже доложил. Но повидавшись с новыми *гостьями* лично этот Вадим не нашёл времени. Не до того ему было.

— Они. И на вид супер, согласись, и боевое крещение выдержали с честью. Как минимум по «Анне» государь им отвесит. А может, и чего посolidнее.

— И что? Предлагаешь из них невесту выбрать?

— Почему бы нет? В отличие от земных, любая не только внешности отменной, но и нравственных качеств. Не изменит, не предаст, всегда поможет, а случится — и защитит. Со временем каждая ничуть не хуже новиковской Ирины будет...

— Смешно, ты не находишь?

— В прямой постановке и вправду смешно. А если подойти к вопросу прагматически? Нам с тобой нужна хорошая связная, чтобы по мелочи каждый раз не отвлекаться. И не только связная, а помощник, порученец, секретарь-референт, телохранитель. Постоянная смотрительница квартиры и входных-выходных порталов. Я знаю, ты там у себя сейчас фактически оставлен на произвол судьбы. В своём праве и с немалыми возможностями. А всё же?

— Правильно рассуждаешь. Жаловаться мне не на что. А скучно моментами бывает. Как, наверное, Роману Абрамовичу.

— Это — кто? Не слышал. А фамилия?

— Это и есть фамилия. Абрамович. Отчества не помню. Один пацан отечественный. Миллиар-

дер. Деньгу зашиб, но до сей поры понять не может — зачем и для чего.

— Мы с тобой наверняка в лучшем положении, — кивнул Вадим-второй. — Этого Романа на наш перевальчик бы. — Он мечтательно усмехнулся. — Или пуля между глаз, или догадался бы о смысле жизни... Пушкин предпочитал в случае, когда мысли лишние в голову придут, откупорить шампанского бутылку, а я — свой винтарь вспоминаю и сопутствующие моменты. Хотя и потом разное случалось, а того — не забудешь.

Фёст кивнул. Ему объяснений не требовалось. До момента появления ударных вертолётов судьба и воспоминания у них были общие¹.

Он ещё раз перебрал фотографии. Разложил на столе, как карты пасьянса. Налево — в одежде, направо — «о натюрель». Посмотрел, подумал. Смотреть было на что. Хорошо, что оба врачи и на анатомические подробности способны почти не отвлекаться, воспринимая их так же, как и иные физические признаки пациентов.

— Вот эта мне отчего-то больше других нравится, — показал снимки девушки с длинными волосами платинового оттенка, падающими на плечи, мило и смущённо глядящей в объектив. Причём, как отметил Секонд, карточку, где она сидела на диване голенькая, в позе Русалочки с копенгагенской набережной, но чуть более откровенно, поскольку в чисто женской компании стесняться ей было нечего, Фёст, будто невзначай, задвинул ниже других.

¹ См. роман «Дырка для ордена».

Интересный штрих. Оба они мыслили и чувствовали почти одинаково, и тем не менее...

— Как же её..? — Ляхов сделал вид, что вспоминает. — Ну, да! Вяземская, Людмила. Имя соответствует, правильно? Слегка удивляюсь, что именно она тебе глянулась, однако — понимаю. Тот самый момент, где у нас *расхождение* намечается. Помнишь, не помнишь — лет до восемнадцати я влюблялся исключительно в Людмил. Три было. Потом Натальи пошли. Тоже три. Надеюсь, вторая и третья Майя мне не встретятся.

— И у меня Людмилы были. Одну, в семнадцать, обожал до потери самоуважения. Она меня понять не захотела. Её очаровал сорокалетний композитор, посвятивший ей ораторию...

Секунду показалось, что в голосе аналога прозвучала незабытая горечь.

— С Натальями проще получалось? — поинтересовался он, чтобы сравнить. У него самого флирты с Людами и Милами получались лёгкими, приятными, лишёнными драматизма.

— Не скажи, — ответил Фёст и замолчал, снова вспомнив нечто. Вертя в руках фотографии.

— А я знаю, почему тебе Вяземская понравилась, — провокативно заявил Вадим. Не то, чтобы издевался над аналогом, просто захотелось ещё кое-какие соображения проверить.

— Поясни, — ему тоже стало интересно, насколько далеко распространились расхождения личностей, или — сохранились сходства.

— Она — самая беспроблемная. Я это в яви увидел, сначала на занятиях, потом и в настоящем деле, а ты — по фотографии почувствовал. И не ошибся. Почему и как она такая получилась — не

знаю. Но что есть, то есть. Однако сто из ста выбивает, что по фанерной мишени, что по живой... — неизвестно зачем добавил Секонд.

— Бывает, — почти равнодушно ответил Фёст. — Нас с тобой очки никогда особенно не волновали. Попал — не попал, вот и весь критерий. Теперь покажи ту, что спрятал.

— Пожалуйста. — Ляхов подал веером развёрнутые «три карты» с изображением Анастасии.

— Ну и что? — Фёст не понял игры двойника. — Не хуже, не лучше. — Однако в пальцах вертел как раз ту карточку, где Вельяминова была застигнута (случайно, конечно) в очень изящном повороте. Плечо приподнято, правая рука на уровне глаз, очень красиво прорисован переход талии в бедро и тот самый «глютеус», что и врачей заводит.

— Так уж?

— Нет, чертовщинка в глазах явно чувствуется, — начал сдавать позиции Вадим. — Но это, скорее, качество фотографии. А так — ничего сверхъестественного. И что?

— Как будто нас можно удивить сверхъестественным. Я попробовал на тебе проверить, что же именно в этой соплячке есть *этого*? На меня — подействовало. На тебя, вижу, тоже. Мой лучший помощник Уваров потащился сразу... Жениться собирается.

— Уварова — помню, — сказал Фёст, только чтобы не промолчать.

— Да и бог бы с ним, с Уваровым, — махнул рукой Секонд. — В его двадцать семь холостых лет — на полковую телефонистку западешь... Да ладно,

сам знаешь. — Действительно, они оба это знали одинаково, при том, что услугами именно того типа девушек ни тот, ни другой не пользовались. По причине врожденного эстетства.

— Дело здесь ещё и вот в чём. По какой-то причине она и Новикову понравилась. Не в том смысле, а просто обратил он на неё внимание и как бы взял под своё покровительство. Есть мнение, что над психикой её он поработал, отчего от прочих сия девушка сильно отличается. Настолько, что сам господин Чекменёв заинтересовался. Со своих специфических позиций. И сдаётся мне, имеет виды... К государю-императору её подвести. Подарочек, так сказать, сделать.

Фёст рассмеялся.

— Надеюсь, ты-то этого не допустишь?

— Исключительно из-за Уварова. Там у них совершенно шекспировские страсти. А вообще вариант, сам понимаешь, неслабый. Дайяна, между прочим, девочек именно для использования в роли *агентов влияния* на важных людей готовила. Ещё одну из их команды можно и к Катранджи подвести. Представляешь пассаж?

— А третью — к папе римскому, — усмехнулся Фёст. — Четвёртую — к нашему президенту. И так далее. Стоит ли умножать сущности сверх необходимого? От этого, похоже, все проблемы. Систему нужно максимально упрощать, а вы опять начинаете громоздить... Император, Катранджи... Я бы не затевался.

— Пожалуй, ты прав. Тогда обрубим. Если радикально — стоило бы вместо Вяземской тебе Вельяминову предложить. Великолепная помощница, уникальное оперативное и даже стратегиче-

ское чутьё. И из-под удара здесь выводится. Если Олег её всерьёз захочет, мне трудновато придётся...

— А Уваров как к такому отнесётся?

— Да, ему точно не понравится. Ей, наверное, тоже. Только-только начала понимать, что такое любовь, — и расставаться.

— Тогда остановимся... — Фёст снова перебрал фотографии, — на Вяземской и остановимся. А чего это они обе на «В»?

Теперь засмеялся Секонд.

— Майя с Татьяной дурака валяли. Взяли и всем фамилии для паспортов по справочной книге Петербурга выбрали. Лень им было страницы листать. Вельяминова, Воынская, Варламова, Витгефт, Верещагина, Вирен, Вяземская...

— У Колбасьева (или у Соболева) ещё смешнее описано. Там комфлота на Балтике затеял на эсминцы офицеров по фамилиям подбирать. На один — всех Ивановых, на другой Петровых и так далее. Лучше всего на «Забияке», кажется, вышло. Курочкин, Курицын, Цыплавов, Петухов, а командиром — Куроедов. Кто-то даже стреляться с горя собрался... И как, на службе столь нарочитым фамилиям никто из кадровиков не удивился?

— Ты знаешь, подозреваю, даже внимания не обратил.

— Без фантазии народ. «Мы ленивы и нелюбопытны» — кто сказал?

— Вроде Пушкин, но точно не помню.

— Вот и я не помню. Что подтверждает истинность сентенции. Так когда я могу в натуре со своей партнёршей познакомиться?

— Вот прямо сейчас, если угодно. — Секонд снял телефонную трубку и позвонил Уварову.

— Господин полковник, прошу не отказать в просьбе. Немедленно, если вас это, конечно, не затруднит и не идёт в противоречие с интересами службы, командуйте подпоручика Вяземскую для выполнения специального задания. Сроком на две недели, с выездом за пределы гарнизона. Проездные документы и суточные выписывать не нужно. Эти вопросы Управление берёт на себя. Прибыть... — он назвал известный Валерии адрес, — сразу по готовности. Форма одежды гражданская, при себе иметь личное оружие. За исключением полковника Тарханова о факте данного задания никого информировать не нужно...

Ляхов научился у Шульгина разговаривать с людьми, даже ему прямо не подчинёнными, таким тоном, что возможности не то чтобы возражений, а даже излишних вопросов обычно не возникало.

Сейчас, вдобавок, Вадим ощущал через три километра проводов явное облегчение в голосе Уварова. Ведь могли бы вызвать не Вяземскую, а Настю. И он точно так же вынужден был бы выполнить и этот приказ. По смыслу субординации — не совсем законный, так кто станет разбираться? Флигель-адъютант Императора никому (кроме дежурного генерал-адъютанта) не должен давать отчёта в смысле своих действий. А если этот флигель-адъютант ещё и зять Генерального прокурора и вдобавок старший боевой товарищ, «альтефронткамрад» — никак не поспоришь!

— Будет исполнено, Вадим Петрович. На своей машине доставлю.

— Тоже правильно. Подъезжай...

— Как думаешь, ему стоит видеть нас вдвоём? — с сомнением спросил Фёст.

— Ни к чему. Достаточно, что корниловец Не-надо нас вычислил, но в силу характера не придал значения. Сначала я с Уваровым и Вяземской поговорю, ты подождёшь в той половине, потом его проводим, и я тебя представлю девушке как брата-близнеца. Тогда и сходим в вашу Москву прогуляться. Мне самому зверски интересно...

Уваров сообразил, что его подопечную старший начальник сегодня решил использовать не в «одесском варианте». То есть — не в качестве боевика по индивидуальной программе. Он слегка удивился, отчего полковник Ляхов, ничего не делающий «просто так», выбрал для своих целей именно Вяземскую, ничем не выдающуюся среди подруг. Даже в Одессе она всё время оставалась в резерве. Разве только для некоторых случаев очень может пригодиться невинный взгляд *кагро*-вой блондинки из анекдотов. Отлично маскирующий её истинные способности и возможности. Впрочем, такой точно вопрос можно было отнести к любой девушке — все словно на одну колодку сделаны, и у всех — своя «изюминка».

Значит, намечается очередная интрига, до которых очень охоч Вадим Петрович, человек большого ума и ещё большей хитрости.

И ему нужна не кто иная, как Людмила. Немного подумав, Валерий согласился — для работы в одиночку, в смысле — без команды, но под личным руководством Ляхова, Вяземская вполне может оказаться идеальной фигурой. Как по причи-

не внешности, так и характера. На всякий случай он пригласил к себе не Анастасию, что было бы естественно, а поручика Полусаблина, подавшего уже третий рапорт с просьбой о переводе в нормальную часть.

— Я же не извращенец, господин полковник, — на грани срыва объяснял Уварову поручик — очень хороший строевик и контртеррорист, но как человек — абсолютно чуждый восприятия женщин равноправными существами. По какой причине на свою должность и был выдвинут.

— Разговоры их мне надоели, построение в трусах! Издеваются ведь: по уставу на утреннюю зарядку — в одних трусах, правильно. Но вам и ещё кое-что прикрывать надо! Так ведь нет, назло выставляются. Двадцать шесть баб — стоворились, и на каждой тумбочке Устав лежит, где закладка на пункте семнадцатом — в трусах, мол, и точка. В дождливую и грязную погоду разрешается надевать сапоги. Я им разве что плохое сделал? А доведут — лишнюю пробежку по штурмполосе назначаю. Смеются. Бегают.

— Ладно, Геннадий, обещаю — завтра на нормальную роту перекину, если тебе девки в трусах не нравятся. На мужиков насмотришься.

Плеснул поручику «высочайше утверждённые» сто грамм, угостил дорогой, не по обер-офицерскому званию папирсой.

— Про Вяземскую мне доложи, как ротный командир.

— Что услышать хотите? — мгновенно подтянулся поручик. Какими такими прелестями дразнили простодушного командира его под-

чинённые — один вопрос. Что докладывать официально и по команде — совсем другой.

— Только боевую и психологическую характеристику. Для специального задания её начальство вызывает.

— Смотря какое задание. Я бы, честно сказать, для работы нелегалами в тылу врага только её себе в напарницы и выбрал. Ещё раз прошу прощения, господин полковник, все остальные, а особенно — подпоручики Вельяминова и Темникова в случае чего важное задание провалить могут, по причине неудержимой азартности и нежелания принимать командирские приказы в качестве последней, обсуждению не подлежащей инстанции. Проще говоря — многовато о себе понимают.

В какой-то мере Валерий с ним согласился.

Волинская, Витгефт, Вирен, да и его Настя — слишком бросаются в глаза, вызывают у мужчин не только обострённое сексуальное влечение, но и опаску. Что с наглядностью подтвердилось в Одессе. Зато при виде Вяземской никто даже из самых опытных боевиков, кем бы они ни были, *на автомате* не сообразит, что этой «глупышке» с эффектной грудью и полупустыми, но столь головокружительными сиреневыми глазами хватит десятой доли секунды, чтобы выхватить из-под юбки пистолет и вложить весь магазин в центр мишени на предельной дистанции. Со скоростью, позволенной автоматикой «глока» или «беретты». Если ей придётся расправляться с противником без помощи оружия, это будет выглядеть ещё эффектнее и страшнее.

Как в фильме ужасов про злых волшебниц и оборотней.

— Хорошо, поручик, если до утра не передумаешь — пойдёшь ротным в третий отряд. Появилась вакансия.

Уваров привёз Людмилу через час с небольшим, то есть практически мгновенно, как по настоящей тревоге. Наверное, ему самому было интересно, для чего она понадобилась, и Валерий надеялся что-нибудь разузнать при личной встрече. Девушка была в лёгком кремовом плаще поверх неброского светло-серого костюма, подходящего почти к любому случаю, с маленьким элегантным чемоданчиком в руке.

«Пожалуй, — подумал Фёст, наблюдая за своей избранницей по видеоэкрану из второй половины квартиры, — в этом виде с ней можно и в мою Москву идти, не переодеваясь. Там сейчас каждый носит, что хочет, и никому это на улицах в глаза не бросается. В другие, специальные места, конечно, придётся подбирать туалеты по обстановке. Но как хороша, чертовски хороша! Фотография и половины её шарма не передаёт. Неужто и мне наконец повезло?»

— Любопытствуешь, понятное дело, — сказал Ляхов Валерию, провожая гостей в кабинет. Девушка осматривала интерьер внимательно и цепко, но непосвящённый принял бы её взгляд за скушающе-безразличный.

— Только я и сам сейчас мало что знаю. В смысле — какая работа предстоит. Просто придётся подпоручику Вяземской в течение некоторого времени поработать в роли классической эс-

корт-леди с одним человеком. Не потому, что предполагается угроза жизни и безопасности клиента, скорее — наоборот. Нужно будет в процессе сопровождения фиксировать в памяти всё происходящее, его контакты, суть разговоров, телефонные звонки. По возвращении — исчерпывающе доложить. И только...

Людмила, понимая, что подробный инструктаж в любом случае состоится позже, сейчас просто кивнула головой.

А Уваров был слегка разочарован. Обычно у «печенегов» принято подробно излагать «боевой приказ», то есть — смысл, цель и детали предстоящей работы. Но и мысли о том, что полковник ему не доверяет, Валерий не допускал. Слишком хорошо они были знакомы. Значит, есть причины к такому поведению, и незачем больше об этом думать. Придёт время — узнает. Или — нет.

— Может быть, лучше двоих послать? — предложил он из чисто деловых соображений. — Опыта у Вяземской не так много, мало ли как сложится? С негласным прикрытием всё же надёжнее. В людях у нас недостатка нет, серьёзных заданий в ближайшее время не предвидится. Ей-ей, так бы вернее было...

— Не выйдет, — сразу ответил Ляхов, словно уже обдумал такой вариант. — По предполагаемым обстоятельствам нашему клиенту вторая эскорт-леди не положена. У него с *этой* должны быть якобы довольно интимные отношения. Значит, напарница просто не сможет постоянно находиться от них в зоне прямой видимости. А без этого затея не имеет смысла. Ну, сумеют они раз-дру-

гой пересечься, не вызывая подозрений, и только. Твой вариант — для других случаев.

— Ну, вам лучше знать. Тогда я поеду, пожалуй, если ничего больше не требуется.

— Езжай. На связи будем постоянно. Если Людмиле поддержка потребуется — всю группу за полчаса переправишь.

— Смотри, Вяземская, — то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Уваров специально для Ляхова. Всё, что считал нужным, он наверняка разъяснил девушке по дороге. — Не подведи взвод. Старайся. Ты у нас первая на индивидуальное задание идёшь.

— Так точно, буду стараться, Валерий Павлович, — спокойно и с достоинством ответила та, уже начиная настраиваться на роль. Ни словом, ни взглядом не показала Уварову, что они с Вадимом Петровичем знакомы больше трёх месяцев и где только не побывали.

Когда Уваров ушёл, Вадиму показалось, что Людмила вздохнула с облегчением. В чём дело? Неужели в присутствии подполковника подчинённые чувствуют себя неудобно? Раньше он такого не замечал. Впрочем, женщины есть женщины. Что-то могут воспринимать не так, как строевые офицеры. Или — отгадка совсем проста — ревнуют. Если командир отдал явное предпочтение одной из семерых (или из полусотни), как девушке, а не сотруднику, вторичных половых признаков лишённому по умолчанию, — тут простор для страстей и интриг.

Ладно, понаблюдаем. Да и плановая диспансеризация через месяц, пусть Бубнов обратит вни-

мание на вероятность эмоциональных отклонений именно у валькирий.

— Располагайся как дома, Люда, — предложил он. — Или Мила?

Всегда проблема с именами, как их сокращать. Одним носителям всё равно, «хоть горшком назови», особенно если это делает начальник, а вторые относятся трепетно, если не болезненно. За время совместного плавания на «Валгалле» он с девушками в слишком доверительные отношения не вступал, почти постоянно находясь под строгим прищотом Майи.

— Лучше — Люда.

— Договорились. Твой будущий клиент пойдёт примерно через полчаса. Настраивайся. Чаю предложить, кофе или чего поинтереснее?

— Если есть — какого-нибудь очень дорогого и редкого сухого вина...

— Так! — Ляхов посмотрел на неё с уважением. — Начинаем работать? Хороший ход. Причём отныне ты станешь утверждать, что пьёшь *только и именно?* А ведь залегендировать придётся, чтобы не выглядело пустым капризом или хуже того...

— Вадим Петрович, не беспокойтесь. Как раз этому нас учили *очень хорошо*.

— Ясно. Кто бы спорил, только не я. Тогда действуй, раз сама затеяла. В третьем доме от нашего, с левой стороны есть очень хороший магазин «Сомелье». Быстренько туда, выбери, что сочтешь нужным, бутылок пять, для начала. И уж потом не отступай. Денег дать?

— Дайте, — не смутилась Вяземская. — На то, что я выберу, моих карманных не хватит, а чеко-

вую книжку не захватила. Вы ведь не предупредили, какое будет задание.

— Правильно сделала. Там, куда направишься, она без надобности. Клиент за всё будет платить.

Подпоручик убежала, и когда за ней хлопнула входная дверь, в кабинет вошёл Фёст. Весёлый.

— Нет, прямо здорово. Чуть не подумал, что вы для меня репетировали. Хороша девчонка. А на вид...

— Так ты же по виду и выбирал, — поддел аналога Секонд. — Поговорить с ней у тебя случая не было. На «поглупее» ориентировался?

— На самую бесспорную красоту. Без дополнительных отягощающих факторов. Ты «Лезвие бритвы» если и читал, то в весьма зрелом возрасте. А я — в девятнадцать лет за одну ночь при свете керосиновой коптилки семьсот страниц проглотил. Под полсамовара крепкого чая и две пачки дешёвых сигарет. Впечатления — непередаваемые. А у нас в одной газетке буквально на днях статейку напечатали, сексологи-сексопатологи, будто общение с чересчур красивой, по меркам среднего мужика, девушкой вызывает на пятой минуте выброс адреналина, примерно как при первом прыжке с парашютом. Что не есть полезно. В дальнейшем ведёт к органическим изменениям.

— Не замечал, — ответил Секонд, разливая по рюмкам коньяк, пока Вяземская не вернулась. — И с девушками суперкондиционными общался, и с парашютом прыгал. Как видишь — цел и совсем ничего не атрофировалось...

— Так ты же себя когда-нибудь «средним» считал? Если уж попросту — не возникало ли у тебя

мыслишки, что это ты оказываешь девушке *честь*, позволяя ей продемонстрировать свои чувства?

— Бывало. Как и у тебя, надеюсь... Ты ей *честь*, а она тебе — *удовольствие*.

Они дружно выпили, одинаково усмехаясь. Как в зеркало глядя.

— Нарциссизм это называется, — хором сказали аналоги и также хором рассмеялись.

— Что не есть полезно. — Секонд успел раньше.

— Поэтому выбранная мною *подпоручик* сможет производить вышеназванный биохимический эффект на всякого, на кого укажу пальцем, — продолжил Фёст, — и ни до кого сроду не дойдёт, что она ещё и зверски умна, эрудированна и профессионально подготовлена, как Джеймс Бонд и Штирлиц сразу.

— Это точно. Самые проницательные в ней кое-что от Бонда, может, и разглядят, а вот от Штирлица — вряд ли. Я бы, кстати, мадам де Сталь вспомнил или совсем уже пресловутую Лию Брик.

— Что? — поразился Фёст. — В твоём мире Лиля Брик тоже была?

— А куда ж ей деться? — не понял реакции аналога Секонд. — К моменту нашей общей революции она была уже в большом авторитете, и *наши* тридцатые-сороковые годы прошли под совиным крылом этой зверски способной, но крайне мне неприятной женщины. В разведчицы я бы её взял, но она предпочла карьеру дешёвой стукачки.

— На эту тему с Шульгиным бы тебе поболтать в свободное время и с Яшей Аграновым, из всех этих возвышенных фигур стукачей и наделавшего. Задёшево, к слову.

Секонд прервал разговор, интересный, но слишком далеко уведивший от темы.

— А против кого ты Вяземскую собираешься использовать?

— Если бы знать, — засмеялся Фёст. — А чем плохо — новую Брик ввести в наше ужасно бес-толковое и лишённое намёка на шарм общество? Уж поинтереснее, чем с нынешними дивами гламура, может получиться. Если всерьёз — у меня сейчас два проекта. Один внутренний, другой, скорее, внешний. Расскажу чуть позже...

Фёст прервался, потому что тренькнул дверной звонок. Очень коротко.

— Ну, поглядим, какие у нашей валькирии вкусы...

Вкусы оказались ничего себе. Елисеевское¹ вино типа «Изабелла», но с плантаций и завода на Майорке. Тысяча девятьсот девяносто первого года. Двадцать пять рублей бутылка с номером партии и фамилией винодела на рукописной этикетке.

— Вот я и есть ваш работодатель, — сказал Фёст, разыскав в буфетной штопор и откупоривая вино. — Это, значит, мне впредь предстоит угощать вас исключительно этим? Ну, ладно, не разочуюсь... Правда там, куда мы направимся, такого вина не водится, придётся замену подыскивать.

Вяземская недоумённо переводила глаза с одного мужчины на другого.

¹ Русский купец Елисеев, известен одноименными магазинами в Москве на Тверской и в Петербурге на Невском, построенными по единому проекту в начале XX века. Планировал открыть сеть таких же магазинов по всей Европе, а также собирался приобрести обширные виноградники во Франции и Испании. В данной реальности проекты осуществились.

— Бывает, Люда, в нашей работе всё бывает, — успокаивающе сказал Секонд. — Считай, что перед тобой мой брат-близнец, о существовании которого никто не подозревает. В оперативных целях и тебе некоторое время придётся его сопровождать. В Москве. Но — чуть-чуть не такой. Ты ведь выросла на Таорэре, и готовили тебя изначально не к здешней жизни, а как раз к той. На Главной исторической последовательности, при бывшей Советской власти. Наверняка немного удивилась, оказавшись в нашем Кисловодске. Вокруг всё оказалось не тем, правильно? На пароходе мы с вами несколько подкорректировали картину окружающего мира. Приехали в Москву и начали служить в отряде, воспринимая окружающий мир как должное.

А мой брат живёт там, куда ты должна была попасть после выпуска, если бы... Но теперь это неважно, раз такая коллизия случилась... Ничего страшного. Вскоре мы эту ошибку исправим.

Мужчины выпили свой коньяк, Людмила сначала медленно, оценивая вкус, в несколько приёмов осушила бокал до дна, только потом кивнула.

— Значит, вы хотите послать меня в мир так называемой Главной исторической последовательности. Понятно. С ней я действительно теоретически была знакома гораздо лучше. И работать должна была начать в тысяча девятьсот пятидесятые годы...

Фёст насторожился. За время, проведённое в «Братстве», он был достаточно наслышан об агграх и форзейях, о том, как сталкивались и пересекались их пути с путями старших товарищей.

Проштудировал, в качестве учебного пособия, записки и дневники Новикова и Ростокينا.

— В пятидесятых? Здесь, в Москве?

— Откуда же мне знать? Куда направят. В Москву, на Дальний Восток или в любую точку мира, где найдётся вакансия.

— Не знаю, не знаю. С твоей внешностью в СССР пятидесятых, мне кажется, трудно было бы найти подходящую для инопланетной резидентки нишу. Я их, конечно, представляю только по книгам, фильмам и чужим воспоминаниям, но...

Комсомольскую или партийную работницу с такими внешними данными даже вообразить трудно. Кинозвезду — тоже. Тогда царили Орловы, Серовы и тому подобные «красавицы». Да на тебя бы просто оборачивался на улице каждый второй мужик моложе пятидесяти. Женщины — каждая первая. Какая уж тут оперативная работа. Вот Ирина Владимировна Седова в семидесятые вписалась идеально, а в пятидесятые... Там офицер-фронтовик был бы на месте, никак не секс-бомба. В Америке, во Франции — там да!

— Откуда мне знать, — безмятежно ответила Людмила и взмахнула ресницами. — Мы до самого выпуска понятия не имеем, кого из нас сделают. А когда вдруг случилось то, что Дайяна назвала «катастрофой», все покатилося по инерции. Все потеряло смысл. Но она обещала, что просто так нас не бросит. Доведёт курс до конца. Нам и осталось всего ничего. Несколько месяцев индивидуальной спецподготовки, кондиционирование по намеченной роли — и вперёд, за орденами.

Она уже свободно оперировала профессиональной стилистикой.

— Наш человек, — уважительно отозвался Секонд.

— А я бы тебе должность нашёл, — вдруг сказал Фёст. — Именно там, в Москве. Сразу после пятидесят третьего, в «оттепель», в СССР начали возвращаться многие эмигранты, не запачканные активной антисоветской деятельностью. С детьми и внуками. Из Харбина, Европы, обеих Америк. Ты бы вполне вписалась. И с помощью главного координатора не составило бы труда устроить тебя даже в КГБ. После смерти Сталина в органах большая ротация началась, местечко в отделе по работе с иностранцами легко бы нашлось. Перспективное...

— Видишь, ты за три минуты придумал, так уж наверняка те, кому по чину положено, тщательнее планировали, — похвалил его Секонд.

— Нет, ты подожди, подожди... Вот нам и рабочая легенда, Люда, — Фёст оживился. — Не ты будешь моя эскорт-леди, а я — твой телохранитель и одновременно консультант. Очень, очень интересно. Всё поворачивается с ног на голову. Красавица-княжна Вяземская приехала в Россию, в поисках самоидентификации и прадедовских сокровищ, спрятанных в семнадцатом году в радиусе от Москвы до Харбина. В моей России это до сих пор очень модная тема. И ты нанимаешь меня, скромного частного детектива, чтобы я тебе помогал, защищал от ужасной русской мафии и коррумпированных чиновников. Прямо здорово выходит...

Секонд испытал нечто вроде зависти. Действительно, аналог, органичный и адекватный своей реальности, опять продемонстрировал преимущество человека совсем другого менталитета. Это по-

нятно. Он сам, после хроноклазма, парадоксов «бокового времени», вступления в «Братство» тоже ведь совсем не тот, что накануне назначения в Экспедиционный корпус. Однако тридцать лет, прожитых двойником в совершенно ином мире, — это несравнимо. Общий генотип, общая конструкция личности — данность, а вот жизненный опыт! Даже у разлучённых в младенчестве близнецов, один из которых жил в России, а другой, скажем, в Германии, он отличается меньше.

Да, за два года сотрудничества и совместной подготовки на курсах «Братства» они научились при необходимости подменять друг друга, и какое-то время этого почти никто не замечал, но всё же, всё же, всё же...

Они сейчас сидели в квартире, представлявшей собой очередной пространственно-временной парадокс. Две соединённых соседних, по планировке зеркально отражающих друг друга квартиры, *нормальных*, существующих на ГИП. Чтобы законным образом выкупить их у очередных собственников, пришлось приложить некоторые усилия, но в результате хозяевами одной стали Новиков с Ириной, второй — Сильвия с Берестиным. И к ним примыкала третья, межвременная, одно временно находящаяся и в той, и в другой реальностях. Для удобства общения в капитальной стене пробили дверь, и в распоряжении «Братства» оказалось громадное помещение, отделанное и обставленное в духе нынешнего времени, но гораздо более стильно, чем у большинства среднестатистических владельцев подобных апартаментов.

Самое же главное — путём не слишком сложной регулировки управляющей автоматики в межвременную базу теперь можно было переходить изнутри, не затрудняясь манипуляциями с блокуниверсалом на лестничной площадке. А уже через неё проникать в любую из освоенных реальностей. Впрочем, на всякий случай тысяча девятьсот двадцать пятый, тридцать восьмой и две тысячи пятьдесят шестой были заблокированы, и, чтобы попасть в них, требовалась специальная настройка модуля СПВ.

Сейчас за окном кабинета внизу один переулочек, такой, как и должен быть привычным здешнему Ляхову. Вымощенный диабазовыми брусками, с многочисленными магазинчиками для *понижающей* публики. Вон, напротив, двухэтажный магазин «Букинист». Существует здесь лет полтора. На первом этаже текущая литература, а поднимешься по двухмаршевой деревянной скрипучей лестнице — там книги девятнадцатого, а то и восемнадцатого века. Для ценителей. И не очень дорого.

Есть табачный магазин, винный, ювелирный, несколько комиссионных, специализирующихся на антиквариате и живописи. Этого достаточно.

Зато, пройдя через одну из замаскированных между книжными стеллажами дверей, по кругу вернёшься через соседнюю (если квартира тебя *знает*), окажешься в этом же кабинете, но за окном увидишь совсем другое. Ни нормальной мостовой, ни тротуаров, переулочек сплошь покрыт керамической плиткой дикого розоватого цвета. Кричаще-безвкусно оформленные магазины, вывески на смеси «французского с нижегородским»,

несколько кафе и ресторанчиков, обещающих какие-то «бизнес-ланчи», «суши» и «пиццы». Люди перемещаются слишком суетливо, без степенности и достоинства, положенных в респектабельном центре города.

Глупая и странная, на взгляд Секонда, жизнь здесь творилась. А главное — опасная. Отсюда приходили в его мир кавказские и западно-украинские наёмники с тяжёлым вооружением, «учёные», зомбировавшие тысячи людей и учинившие едва не удавшийся государственный переворот. Не государственный даже, цивилизационный.

Но ведь это, одновременно, и мир Шульгина, Новикова, всех остальных «братьев» и «сестёр». И Фёста.

Вадим по своей воле вряд ли туда отправился бы, даже на экскурсию, хватит с него боковых времён. Но если друг-брат зовёт — куда денешь? Долг платежом красен.

А пока Фёст беседовал с Людмилой.

— Что подготовлены вы все хорошо, я знаю. Моральными принципами не озабочены. Да и ни к чему они, верно? «Нравственно всё, что служит нашему делу»...

— Знаю. Это из Ленина. Изучали.

— Молодцы, в СССР девушка с высшим образованием сотню-другую подобных цитат должна была навскидку знать. А сейчас нужно текущие реалии западной жизни подучить. Чтобы хоть полчасовой разговор со случайно встреченным соотечественником выдержала.

— Дадите нужные материалы — выучу. Извините, как мне к вам следует обращаться? — спро-

сила Вяземская. Ей факт наличия близнецов (точнее не совсем близнецов) был безразличен. Нужно было понимание позиции.

— Да так и называйте. Вадим Петрович. Вам всё равно, а мне привычнее. Только на той стороне не путайтесь, если втроём рядом с посторонними окажемся.

— Не запутается. Пусть я там для простоты, для третьих лиц Пётр Петрович буду, — сказал Секонд. — Ты когда свой рейд предпринять собираешься?

— Сейчас. Тебе, Люда, сколько времени на подготовку нужно?

— Ровно столько, чтобы прочитать всё, что дадите.

— Нормально. Только с твоей «родиной» определиться надо. Что-нибудь поэкзотичнее и подальше... Вот! — хлопнул он себя по лбу. — Парагвай. Там и сейчас живут тысяч несколько потомков белоэмигрантов, геройски себя проявивших в войне с Боливией. Испанский знаешь?

— Свободно.

— Ну и всё. Сейчас в Интернете разыщем и карты, и фотографии, и тамошние газеты, журналы за последние год-два. Кинофильмы из парагвайской жизни — это вряд ли, но посмотришь несколько аргентинских, один чёрт. Короче — цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи...

— Это — Хрущёв. Из речи на XXII съезде КПСС, — вновь блеснула эрудицией Людмила.

— Точно, молодец! — восхитился Фёст, и Секонд отметил, что отнюдь не наигранно. Очевидно, что девчонка брату-аналогу на самом деле начинала нравиться. Стремительно. Он сам не пони-

мал механизма, обеспечивавшего валькириям столь мощную эмпатию. Но с первых дней общения с ними на «Валгалле» отчётливо понял, что любая, если поставит себе такую цель, сумеет заставить потерять голову даже его, знающего, с кем имеет дело. Там роль «графитовых замедлителей цепной реакции» исполняла Майя. Не хуже него ощущавшая исходящую от юных существ магнетическую силу.

У Фёста такого стопора нет. И слава богу. Сам себе, совершенно свободно, выбрал напарницу для работы. А если что-то большее — пусть будет счастлив. В любом случае Людмила красивее, умнее и психологически мотивированнее, чем любая женщина, какую он мог бы встретить (но так и не встретил) у себя. А ведь четвёртый десяток недавно пошёл!

Усадив Людмилу за компьютер и снабдив её десятком книг и толстой пачкой ежедневной и еженедельной прессы, они решили вдвоём прогуляться по *той* Москве. Родной Фёсту и плохо представляемой Секондом. Провести, как говорится, командирскую рекогносцировку.

Перед тем, как оставить девушку одну, Фёст её проинструктировал, в стиле Синей Бороды, проверявшего моральные качества очередной жены. В какую дверь входить можно, в какую нет, что можно трогать руками, что нельзя. Само собой, входную дверь никому не отпирать. Если зазвонит телефон, отвечать: «Секретарь Вадима Петровича. Кто говорит и что ему передать?» В самом крайнем случае, если, допустим, они до утра не вернут-

ся и никаких инструкций не передадут, таким вот образом выйти через эту дверь, и никакую другую, после чего явиться к Уварову и доложить. Иных действий не предпринимать, о случившемся забыть.

Ляхову-первому, честно признаться, последние полгода жить было просто скучно. После операции «Снег и туман»¹, когда за одну великолепную, сумбурную и азартную ночь в Москве было изъято около трёх сотен *важных* людей, от генералов всевозможных служб до воров разной степени авторитетности, ничего интересного в его биографии не случилось.

Цель операции, проведённой «Братством», ему была понятна. Параллельная Россия спасена от хорошо просчитанной и подготовленной агрессии плюс инвазии. А толку? Ему лично.

Подразумевалось, что заодно и *эта* РФ будет *почищена*. Ну да, факт имел место. Эффектный. Только он не хотел считать себя политиком. Он оставался по образованию и самоощущению врачом. Военно-полевым хирургом. Почистить, как в Крымскую войну, огнестрельную рану от обрывков грязной портянки и раздробленных мышц, костей — можем, причём без анестезии, за отсутствием оной. И очень старательно. А дальше? Ладно, те доктора насчёт стафилококков и стрептококков понятия не имели, кроме смутных подозрений, а он-то, капитан медслужбы, — имеет.

Оттого не возлагал на акцию «Братства» далекие идущие надежды. В чём немедленно и убедился.

Завершив операцию, старшие братья почти не-

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью».

медленно переключились на какие-то новые дела. Да и понятно: приняв на себя функцию «защиты Реальности», неизвестно как понимаемой в широком смысле, много ли сил и внимания останется для того, чтобы одинаково с каким-то Ляховым воспринимать окружающую его действительность? Хорошо, вообще не забыли, как хам-полковник через минуту забывает сержанта, только что тащившего его из-под бомбёжки или миномётного огня. Хорошо, стряхнёт землю с фуражки и кивнёт адъютанту: «Напиши *этого* на «ЗБЗ»¹. А нередко вообще простое «спасибо» не скажет.

В результате в распоряжении Ляхова-первого осталась вся Россия ГИП в виде подконтрольной территории, огромные возможности, материальные и технические, и никакой разумной цели. До особого распоряжения.

Конечно, возможностями «Братства» в полном объёме он не располагал. Ему, кроме квартиры, со всем, что в ней находится, было оставлено только право распоряжаться очень большими, но всё же не запредельными суммами. Ну, и все наработанные Шульгиным и Новиковым связи.

Александр Иванович так и сказал, при очередном прощании:

— Ты у нас остаёшься на хозяйстве. Смотрящим. До тех пор, пока нам снова что-нибудь не потребуется в этой реальности (или ты сам не потребуешься в другом месте), живи, как хочется. Хоть как Корейко, хоть как граф Монте-Кристо... — Улыбнулся одной из своих знаменитых улыбок,

¹ Медаль «За боевые заслуги», почётная по статусу, но дискредитированная бесконтрольной раздачей не по назначению.

одновременно и застенчивой, и циничной. — Как любому из нас, единственным подсказчиком в вопросе «тварь я дрожащая или — *право имею?*» остаётся твоя совесть. Или, если попроще — *экзистенциальное Я*. Вдруг что-то экстраординарное случится — знаешь, куда сбежать. Хочешь — к аналогу своему, хочешь — в Новую Зеландию. Или со мной связывайся, если найдёшь.

На том они и расстались. Вадим Ляхов-первый начал индивидуальное существование.

Какое-то время вёл, как принято было писать в девятнадцатом веке, *рассеянный образ жизни*. Добирал то, что упустил до встречи с Шульгиным. А что тут странного? Армейский капитан, внезапно превратившийся в Креза, холостой, лишённый какого угодно контроля и не имеющий ни перед кем никаких обязательств.

От нечего делать разыскал свою давнюю любовь. Был уверен, что она его давно забыла, а оказалось, что нет. Пусть и вышла семь лет назад замуж, обзавелась двумя детьми, а вышло всё очень хорошо. На его взгляд. Она оказалась свободна (надо же так случиться!) на целых две недели. Муж с детьми уехал на Канары, а её не отпустили дела.

Ничего почти не придумывая, Вадим сказал ей, что служит в миротворческих частях ООН, далеко отсюда, а сейчас почти невзначай залетел в Москву. Случай подвернулся. Сентиментальность заела, вот и разыскал её через ЦАБ ГУВД¹. Способ, не каждому доступный, *уважающие себя люди* (или те, кому есть чего опасаться) давным-давно

¹ Центральное адресное бюро Главного управления внутренних дел МВД РФ.

изъяли свои данные из всех телефонных книг и адресных справочников. Зато эта возможность мгновенно повысила в глазах бывшей подруги его социальный статус.

И был Вадим приятно удивлён, когда в первый же вечер, после ностальгических воспоминаний в ресторане «Седьмое небо», она согласилась пойти с ним. Прямо в прихожей, как только он помог ей снять плащ, чужая, казалось бы, женщина сама подставила ему губы, а потом за руку повлекла к ближайшему дивану.

Ей, в общем-то, нечего было так уж стесняться. И она была его первой девушкой, и он — первым у неё мужчиной, а если потом предпочла другого, этот факт ничего не отменял. Была у них любовь, суматошная и сразу какая-то бесперспективная, но ведь была же!

Пять интересных вечеров и восхитительных ночей они провели вместе, Фёст начал уже задумываться — что же дальше? Не был он, истосковавшись по женской ласке, против продолжения устраивавшей его связи. Пусть даже в таком, *неправильном* качестве. И тут она сама сказала, что — хватит. Очень, мол, приятно было вспомнить молодость, но через неделю семья возвращается, и ей нужно восстановить душевное равновесие. Вадим её понял. Чего тут не понять?

Пришлось искать другое занятие.

Окружающая действительность раньше, до встречи с Шульгиным, со своим аналогом и параллельным миром, не вызывала у него слишком негативных эмоций. Данность есть данность. Как в химии — процесс протекает, если может протекать

таким именно образом. В любом случае из реакции соли и кислоты «це два аш пять о аш»¹ *никаким образом не получится, как бы этого ни хотелось!*

Но вот теперь *обычная жизнь* его раздражала чрезвычайно. Особенно в сравнении с миром Секонда. Тоже не сахар, если внимательно разобратся, и всё же — земля и небо!

А у него ведь остались все концы операции «Снег и туман», и выходы на верхние эшелоны организации «Чёрная метка». Безусловно, придуманной для одной-единственной цели, но в то же время — сумевшей зажечь собственной жизнью. Вошедшие в неё сотни старших офицеров и генералов почувствовали вкус *«настоящей службы»*. На благо Отечества, а не хрен знает кого. Только раньше выхода не было, а теперь он вдруг появился!

О таком многие мечтали всю жизнь, прямо с лейтенантских погон, а то и раньше. Когда можно и нужно делать только то, что считаешь единственно правильным, не прогибаться перед начальниками, трусливыми, продажными или просто до предела некомпетентными. А самое главное — ощущать принадлежность к касте или клану, где все спаяны общими убеждениями и единым, так сказать, *менталитетом*, сколь ни истрёпано в последнее время это слово.

Один пошловатенький публицист даже произвёл от него новую конструкцию: «литет мента».

А те генералы, полковники и — далее, по нис-

¹ Формула этилового спирта, если кто не знает.

ходящей хотели просто *служить!* Лучше — за хороший оклад денежного содержания, но можно и без, лишь бы не так, как пел Городницкий:

И что тебе святая цель,
Когда пробитая шинель
От выстрела дымится на спине?

Фёст, пользуясь базой данных левашовского компьютера и лихареvского Шара, начал реанимировать *загрававшую* после лихих чисток прошлого года организацию. Теперь уже *под себя*. Очень правильно, что Новиков с Шульгиным выстраивали её не *вертикально*, а как *сетевую структуру*. Вадим начал приглашать к себе самых разных людей, не ставя никаких конкретных задач, просто знакомясь, представляясь то эмиссаром «Меча и орала», вроде Остапа Бендера, то таким же, как собеседники, офицером спецслужб, что было истинной правдой, только облечённым кое-какими полномочиями. Беседовал иногда на понятные, иногда — не совсем темы. Зато деньги раздавал без расписок, под честное слово.

Это очень сильный ход, даже в кругу бесребреников и идеалистов. Когда сотни тысяч рублей, а иногда — долларов и евро выдаются из рук в руки без всяких условий. Просто так. Сидит в роскошно обставленной гостиной или кабинете тридцатилетний парень напротив сорокапятилетнего генерал-полковника, приглашённого обсудить взаимно интересные вопросы, поднятые ещё Андреем Дмитриевичем или Александром Ивановичем, да как-то подзабытые, курит неумеренно, угощает виски или коньяком и говорит: «Поймите меня, Кирилл Мефодьевич (хорошо хоть — не Ук-

роп Помидорович¹), я вам сейчас вот эти раскрашенные бумажки даю зачем?

— Ну и зачем? — спрашивает генерал-полковник, изображая недоумение. Если изображает — хорошо! Если всерьёз — пора прощаться навсегда.

— Да чтобы вы своих людей простимулировали до уровня, когда им взятки со стороны брать скучно будет. Чтобы не они *снизу вверх* платили, а, как положено, от руководства получали, за образцовое выполнение служебного долга...

Мы, сами понимаете, взять на себя полностью функции министерства финансов и всяких прочих министерств не можем, но кое-какими возможностями располагаем.

— Ну и зачем это всё? — спрашивает какой-нибудь товарищ посообразительнее. — Вам, как организации, и мне, как функционеру? Разовые акции, и даже весьма эффективные, мы проводить можем, но систему ведь изменить не в силах. Государственную власть поменять, конструкцию правоохранительных и правоприменительных органов целиком. А без этого — сифилис зелёной лечим?

— В семнадцатом году поменяли. Не уверен, что хорошо получилось. На второй эксперимент в России людей не хватит. Умные народники в девятнадцатом веке проповедовали «теорию малых дел». Вот и будем заниматься *малыми делами*, каждый на своём месте. Прошлый раз неплохо получилось. Как я слышал, полторы сотни особо вредных элементов изъяли «с концами», ещё на пару

¹ Принятое в сталинских лагерях обращение уголовников к интеллигентам, осуждённым по 58-й статье.

тысяч страху навели. Работать хоть немного легче стало?

— Немного легче, — согласился один из заместителей начальника столичного ГУВД. — Главное, теперь все друг друга боятся. Кроме наших, конечно, — он имел в виду членов и сочувствующих «Чёрной метке». Так всё запуталось, что никто не понимает, с кем прежние дела вести можно. Сегодня со старым приятелем с глазу на глаз *вопрос перетрёшь*, а завтра в СИЗО окажешься, по санкции прокурора, который, в свою очередь, кого-нибудь из президентской администрации опасается. Зато другая беда обозначилась — многие вообще ничего делать не хотят, ни плохого, ни хорошего. Сидят в кабинетах и сутками в потолок смотрят, жизненные перспективы обдумывают. В отставку подавать или за бугор сваливать, пока загранпаспорта не отменили...

ГЛАВА 17

Обо всём, что с ним здесь происходило, не скрывая накатывающейся временами мизантропии, Фёст и рассказывал Секонду, пока они неспешно шли по Бульварам, и Вадим-второй постепенно адаптировался к выглядевшему совершенно чужим городу. Нет, на самом Бульварном кольце сохранилось достаточно зданий из «общего» времени, но и только. Всё остальное просто было в глазах кричащей чужеродностью, аляповатой и безвкусной роскошью. Как если бы встретить девушку, некогда прелестную простотой и изяществом в поведении и одежде и вдруг раз-

малёванную совершенно не сочетающимися помадой, румянами, тушью, увешанную серьгами, цепями и браслетами «самоварного золота», разодетую в декольтированное чуть не до талии платье дикой расцветки.

Так Ляховым воспринимались витрины, рекламы, заполонившие улицы, переулки, даже тротуары автомобили непонятного экстерьера, общий вид и плебейские манеры публики.

Упаси бог жить в такой Москве. Как ему повезло в сравнении с Фёстом!

— И в чём же я могу тебе помочь? Сам ведь говоришь, что безнадёжно... Революцию нам с тобой вдвоём не учинить. А если устроить какое-нибудь пропунсиаменто — что толку? С вашим человеческим материалом.

— Толк-то быть может, — смутно усмехнулся Фёст. — Имеются у нас примеры, когда именно перевороты, а не «социальные революции» эффект приносили. Вопрос только в том, кто и с какими целями власть захватывает...

— И с опорой на какие силы, — согласился Секонд. — У нас с Олегом такие силы были, а у вас — что-то не похоже, судя по тому, что я успел узнать. Ну, был бы ты, как я, хотя бы полковник гвардии, флигель-адъютант, смог бы выступить в качестве этакое нового Бонапарта. А за тобой ведь армия не пойдёт, и вообще у вас не страна, а не пойми что. Ни у кого ни малейшей политической воли. В таком состоянии на баррикады не ходят, в «железные колонны» для поддержки какой угодно идеи не выстраиваются...

— Со стороны поглядеть — так оно и есть. Но

я-то не со стороны, я тут жизнь прожил да второй год в «Братстве» состою...

— И что? «Братство», кстати, в дела ГИП вмешиваться не рискнуло...

— Не то слово. Рискнуть — не рискнуть, для них вопрос не стоит. Целесообразно — нецелесообразно, вот в каких категориях идеи рассматриваются. Они решили: в рамках их нынешних забот заниматься переустройством этой самой ГИП просто ни к чему. Есть много куда более важных, опять же с их точки зрения — времён и реальностей. А эта, попросту говоря, «базовый элемент». Или — несущая частота. Вокруг неё всё крутится, а она — просто данность...

«Всё будет так, как должно быть, даже если будет иначе», — любит Александр Иванович повторять, цитируя неизвестно кого. Но мне такая позиция не нравится. И страшно руки чешутся что-нибудь в нужном направлении подвернуть...

Они дошли уже до Чистопрудного бульвара, и Фёст предложил заглянуть в заведение поприличнее, выпить по чашечке кофе, покурить спокойно. На ходу курить он с молодых лет не любил.

Такое немедленно нашлось, пусть и с дурацкой вывеской «Кафе-бар «Медея». У дверей имелась предупреждающая табличка: «Господа! Это частное кафе. Любому посетителю может быть отказано в обслуживании без объяснения причин».

— А как же свобода личности и права человека? — удивился Секонд.

— Как будто у вас любого забулдыгу в «Националь» или «Медведь» швейцар пустит...

— У нас он и сам не помыслит близко подойти...

— Видишь, какая классовая сегрегация. А у нас всем позволено всё, вот и приходится владельцам себя и гостей таким образом от неприятностей оберегать. «Фейс-контроль» называется.

Сами они прошли беспрепятственно, охранник скользнул по приличным господам безразличным взглядом и нажал кнопку, отпирающую турникет.

— Тауглих! — вспомнив Швейка на призывной комиссии, сказал Фёст.

Выходя в город, они приняли меры, чтобы не привлекать лишнего внимания своим сходством. Секонд приклеил усы и шкиперскую бородку, а Фёст надел фотохромные очки. Да и причёски у них были разные. А что рост и сложение одинаковое, так кому до этого дело?

Нашли удобный столик в углу, сделали заказ. Секонд ждал продолжения беседы, поскольку они подошли к самому, на его взгляд, интересному, но двойник сделал останавливающий жест.

— Подожди, — и кивнул на компанию, разместившуюся в пределах слышимости.

Четверо мужчин и с ними две дамы, возрастом между тридцатью и сорока, некрасивые, но ухоженные и весьма прилично одетые. Сидят, судя по количеству посуды на столе, довольно давно. Разговаривают громко, не обращая внимания на многочисленных посетителей. Больше всех тот, что сидит к *братьям* лицом, отчего его и слышно лучше всех, несмотря на музыку.

Крупный экземпляр, даже скорее толстый, с круглым щекастым лицом и растрёпанными вьющимися волосами, похожий на Дюма-отца в соро-

калетнем примерно возрасте. А также и простым клетчатым пиджаком старомодного покроя.

Витийствовал он почти о том же самом, о чём только что Фёст с Секондом рассуждали, но не сколько в ином ключе.

Речь шла о судьбе страны, только относился к ней этот раблезианский тип совсем иначе. Он с азартом, будто на митинге, доказывал своим собутыльникам, что *это* государство просто не имеет права на существование. Как таковое. Если оба Ляховых сожалели о том, что власть чересчур слаба и не может навести пристойного цивилизованной державе порядка, то сейчас они слышали противоположное:

— Россия томится под властью кровавой чекистской диктатуры, авторитаризм нечувствительно превращается в фашизм. Народ страдает одновременно от нищеты и щедрых подачек, раздаваемых за лояльность на выборах. Не имеет возможности открыто выражать своё мнение, но настолько пассивен, что самые пламенные трибуны не могут даже в Москве собрать на «марши несогласных» больше нескольких сотен человек. Вгоняющий в отчаяние застой общественной мысли не оставляет шансов на достойное существование ничему мыслящему. Всё вокруг зловонное болото, тлен и распад... Как в худшие годы брежневского застоя, помноженного на поздний сталинизм...

Секонд слушал, весь обратясь в слух, и очень ему эта филиппика напомнила вечер встречи с Майей в Доме актёра. В этом толстом жуире, явно не бедном, хорошо, даже чрезмерно питающемся, вволю пьющем, мало было общего с аскетичной фанатичкой Казаровой. Кроме одного — патоло-

гического неприятия окружающей действительности, какой бы она ни была.

О причинах можно задуматься. У кого — своего рода психопатия, у кого — пресыщенность и жажда острых ощущений. Особенно, если авторитет в «референтной группе» обеспечен, а реально-го риска от своего «свободомыслия» — никакого.

— Пусть сильнее грянет буря, — не очень громко, но отчётливо сказал Фёст, когда толстяк сделал паузу, чтобы перевести дух и опрокинуть следующую рюмку.

— Что? — Вития медленно поднял глаза и будто впервые увидел соседей.

— Это ты, Вадим? Надо же, какая встреча!

— Горький, Максим. «Песня о буревестнике», — как бы не обратив внимания на следующие слова, ответил Фёст. — Ужасно всё похоже. Только «великому пролетарскому» хоть в какой-то мере позволительно было опасные глупости публично провозглашать, поскольку обитал он в начале XX века. Главное, «долой самодержавие», а там видно будет. И у «буревестника» было куда бежать — вила на Капри и всё такое. А ты куда побежишь, если снова грянет?

— Да ладно тебе, — после секундной растерянности нашёлся тот. — Выбрал место для дискуссий. Подсаживайся к нам, выпьем, поговорим...

Фёст кивнул, соглашаясь.

Представил Секонда, как и условились, своим братом, только что приехавшим из Сан-Франциско погостить.

— А это Миша Волович, звезда отечественной журналистики. Ежедневно выступает в прессе с разгромными инвективами в адрес чего угодно, и,

что самое забавное, при полном отсутствии у нас свободы слова, собраний и печати его издают массовыми тиражами, прилично платят и ни разу не посадили в «холодную» даже на месяц-другой, что при сверхлиберальном батюшке-царе Николае всё-таки практиковалось. Не говоря о более серьёзных статьях тогдашнего «Уложения о наказаниях».

Встреча и начавшаяся дискуссия с Воловичем и его компанией показалась Секонду не только интересной и поучительной, но и просто забавной. Надо же — в чужой только что мир явился, где всё, кроме собственного аналога и кое-каких архитектурно-топографических совпадений с во всём прочем *иной* Москвой, не было ничего близкого и понятного. Но не прошло и часа — возникло ощущение, будто с одной стороны улицы на другую перешёл. Витрины другие — и только, а люди — те же самые, пусть и воспитанные в абсолютно чуждых условиях «советской власти». Но с психологией, в своих основах не требующей специального изучения и даже особенной корректировки. Что, таких, как этот Волович, у себя в «Приюте репортёра» на Арбате не встретишь? Да каждый второй из тамошних завсегдатаев с ним мог бы местами поменяться, без ущерба для текущего литературного процесса. В обеих реальностях.

Конечно, и белые офицеры — Ненадо, фон Мекк и Оноли — отважные гранатомётчики, генерал Берестин, полковник Басманов, другие корниловцы и марковцы, геройствовавшие в Москве и Берендеевке, — поначалу показались Секонду непонятными. Своей слегка наигранной бравадой, готовностью кидаться в бой с такой отчаянностью,

что враг терял боевой дух и моральные устои (и без того слабо мотивированные), а то и сфинктеры у него расслаблялись не по обстановке. Но на второй час совместных действий бойцы, разделённые тремя поколениями, начали понимать друг друга настолько хорошо... Секонд вспомнил картинку — сидят на ограждении скверика два поручика, Колосов-штурмгвардеец и корниловец Ненадо. Угощают друг друга куревом, один — сигаретами, другой — папиросами. И уж так им всё понятно в своём нелёгком ремесле. Хотя разница в возрасте — больше восьмидесяти лет.

Так что, в принципе, жизнь везде одинакова.

Секонд представился как бы начальником своего брата, топ-менеджером головного офиса всемирной «Комиссии по изучению и рационализации паранормальных явлений», отчего сразу вырос в глазах окружающих. Эти ребята традиционно относились к любому иностранцу, пусть и родных кровей, с заведомым почтением.

Как писал Салтыков-Щедрин: «Хорошо иностранцу, он и у себя дома иностранец».

Прилично разогретый журналист немедленно начал вышучивать Фёста. Вот, мол, человек, сам в конторе, на западные гранты существующей, работает, а других осуждает.

— И в чём же осуждает? — осторожно спросил Секонд, взглядом попросив брата помолчать.

— Да как же в чём? Ты же сам только что слышал! Мы, можно сказать, живота не жалея...

Секонд, назвавшийся Петром, выразительно посмотрел на его живот. Обе дамы дружно фырк-

нули, оценив тонкость юмора. Волович не смутился, даже сильнее эту часть тела выпятил.

— ... Не жалея, боремся за то, чтобы хоть как-то раскатать эту страну, мобилизовать здоровые силы, заставить повернуться лицом к демократии. Это ведь вообразить невозможно — чемпиона мира за организацию митинга «Долой президента» заталкивают в автозак и целый день держат в КПЗ. Хорошо хоть не избили. Это — свобода?

— А в той стране, что вашей братии гранты и премии выписывает, своего чемпиона мира по тем же шахматам, Фишер его фамилия, не так давно хотели на десять лет в тюрьму упаковать за то, что в Белграде несколько партий сыграл. Это — свобода? — несколько даже лениво спросил Фёст.

— Ты, это, разные вещи не путай. Поддержка тоталитаризма и борьба с тоталитаризмом — совершенно разные вещи, — несколько картинно возмутился Волович. — И вообще не вмешивайся, я не с тобой сейчас разговариваю. Твои взгляды я знаю.

— Ну, пусть люди послушают, — не обратив внимания, продолжил Фёст. — То есть всё дело в торговой марке. Продаем «свободу» — можно делать, что хочешь. Хоть Хиросиму бомбить, хоть Дрезден, хоть Белград, хоть Саддама вешать.

Я тут недавно читал в одной из ваших газеток, что советские солдаты, войдя в Германию, сто тысяч немок изнасиловали. Может, это и нехорошо (если правда), но люди хоть удовольствие получили. А те триста тысяч женщин и детей, что в огне Дрездена, Гамбурга, Кёльна сгорели тремя месяцами раньше, — им приятнее? Причём, в отличие от наших солдат, четыре года на передовой отвое-

вавших, семей и домов лишившихся, пилоты «летающих крепостей» бомбили с десяти километров, ничем не рискуя...

И никто за это твоих друзей-америкосов и англичан не обвиняет, даже сами немцы. Нормально? Теперь переключились на борьбу с «тоталитаризмом», причём не китайским, не саудовским, не грузинским — исключительно российским — тут опять: кому положено — в «белых одеждах», а прочие — нишкни!

Вот вообразим, что в Америке появятся издания, шесть раз в неделю пишущие, что существующий в ней режим — имперский, неоколониальный, подавляющий *истинные* права человека, насаждающий совершенно несправедливую избирательную систему, специально для угнетения свободомыслия придуманную «политкорректность», доктрину Монро и поправку Джексона-Веника. Такой режим, естественно, должен быть разрушен до основания и заменён, скажем, на швейцарский вариант «непосредственной демократии». Причем станет достоверно известно, что и сами газеты, и их журналисты получают деньги прямо из рук российских властей. С опубликованием конкретных сумм. Долго такие газетёнки просуществуют и что дальше будет с этими «продажными писаками»?

— А братец прав, — подключился Секонд. — Всё так и есть. Я тоже не понимаю, как можно за чужие деньги проклинать собственную страну. Американцы, при всех своих недостатках, правильно мыслят: «Права она или нет, но это моя родина». Если тебе так уж здесь невмоготу, приезжай к нам, помогу работёнку найти. По способно-

стям. Есть у меня знакомый редактор приличной газеты. Штук пять баксов в месяц положит, а дальше — как себя проявишь...

Волович изобразил губами почти непристойный звук. И само предложение, и сумма показались ему абсурдом.

— Да ты, Пётр, сам в свободный мир отсюда съехал, — выкрикнул он, покрываясь красными пятнами. И даже задышал прерывисто. — Не по душе, значит, в России-матушке жить?

— Я — не съехал. Просто мой офис в известном городе сейчас располагается. Паспорт у меня российский. Ни грин-карты, ни гражданства не просил и не собираюсь, хотя мог бы получить в любой момент. Главное — ни слова нигде против России не сказал, не написал. Хоть за деньги, хоть «по велению сердца».

— Самая твоя главная беда, Миша, — ласково сказал Фёст журналисту, — что в любом случае ты в проигрыше. Выйдет то, к чему призываешь, всё выльется минимум в октябрь девяносто третьего, только гораздо хуже — в новый октябрь семнадцатого. И поставят тебя к стенке за твою непролетарскую внешность. Поскольку в прежних твоих заслугах перед *демократией* озверевшей толпе разбираться будет некогда. Доведёте власть своими провокациями до нервного срыва — опять же посадят или просто шлёпнут профилактически. Примеры приводить нужно?

— Да ну вас к чёрту, — отмахнулся журналист, опрокидывая в рот рюмку. — Ссориться не хочется, и человеческого разговора не получается. Кто ты такой, чтобы я тебя убеждать и просвещать старался?

— Уж точно не тот, к кому ваше «свободолюбивое сообщество» адресуется. На самом деле вы и сами не понимаете, для кого пишете. За сколько — понимаете, а для кого — нет. Те, кто способен бунтовать и воевать с «ненавистным режимом», ваших газет просто не читают. Отчего власть и относится к ним с полным безразличием. А те, кто до сих пор читают, — нынешней жизнью вполне удовлетворены и на баррикады тем более не пойдут. Так что зря ваши хозяева денежки тратят... Но рано или поздно одумаются, мне кажется, и придётся вам... Кому — на паперть, кому — на панель.

Сказал и даже ладонью по столу прихлопнул для убедительности.

А Волович ссориться действительно не хотел. По какой причине — его дело.

— Не понимаю я тебя и никогда не понимал, — сказал он примирительно. — Как будто ты сам всем доволен и не хотел бы жить при настоящей демократии.

— Лет через двести проживём, если всё пойдёт ровненько и без новых потрясений. Ты же, мать твою, историю явно учил, неужто не помнишь, что весь наш бардак от безрассудной торопливости, ни от чего больше! Только-только власть начинает цивилизоваться и благие намерения проявлять, как тут же ей от «прогрессивной интеллигенции» такой ворох невыполнимых претензий и требований, а то и бомба под ноги, что волей-неволей приходится очередной раз порядок наводить. И всё по новой.

Уже на нашей памяти кто мешал в девяносто первом, «распри позабыв», дружно начать строить

«демократическую Россию»? Как испанцы после смерти Франко. Это ведь не Ельцин начал, это «народные избранники» до гражданской войны чуть-чуть не довели. В общем, хватит! — Фёст встал. — Хотели с братом кофейку попить, а тут опять бессмысленная трепотня! До скорого. Извините, если что не так.

Он раскланялся.

— Слушай, давай я с тобой интервью сделаю, — вдруг предложил Волович, который, по ощущениям Секонда, должен был смертельно обидеться. — Альтернативные варианты развития российского общества. В таком вот ключе. На телевизоре...

Профессионал, однако. С одной стороны: «Плюй в глаза — божья роса». С другой: «С миру по нитке — голому верёвка».

— Толку не вижу. В прямой записи всё равно не пустите, а плёнку покромсаете, как захотите. В газете — пожалуйста. Короче, я тебе завтра позвоню. Разговор есть. По делу.

— И чего ты с ним завёлся? — спросил Секонд, когда они вышли на прохладный ночной бульвар. — Он ведь почти то же самое, что и ты, говорил. Чуть с других позиций, но по смыслу...

— В том и дело, что позиции у нас разные. Как на перевале. У нас с тобой и моджахедов. А остальное действительно одинаковое.

— Это верно. Так что же ты всё-таки делать собираешься, при наличии вокруг беспросветно-серой массы, бессильного руководства и подобных оппонентов?

— Есть кое-какие соображения. Безвыходных положений ведь не бывает, говорят. Тем более, как ты должен помнить, на первом нашем представлении «Братству» речь шла о том, что и твоя реальность целиком, и часть моей, начиная с семьдесят шестого года... — Фёст вдруг замолчал с таким лицом, будто увидел перед собой прогуливающегося по бульвару некробионта.

— Ну, помню, являются либо порождением, либо объектом воздействия Ловушки Сознания. А чего это ты осёкся?

— Год семьдесят шестой, сказал тогда Шульгин, это момент встречи Ирины с Андреем на мосту. С него и началась вся эта история. И только сейчас до меня дошло, что это ведь год моего рождения... А ты, по своему счёту, родился на год позже. Так?

— Получается так, — согласился Секонд и тоже задумался, поражённый таким совпадением.

— И месяц совпадает тоже. Я, повторяю, в тот раз, поглощённый избыточными впечатлениями, совершенно не обратил внимания и не удосужился спросить насчёт дня. Но и без того наклёвывается гипотеза не хуже прочих. Если я родился в результате (случайно или целенаправленно — другой вопрос) включения Ловушки, инициированного той самой встречей на мосту, тогда становится понятным очень и очень многое... Хотя бы в наших с тобой биографиях.

— Прежде всего — каким образом в реальностях с совершенно разной историей смогли появиться столь полные аналоги, как мы с тобой...

Этот вопрос с самой первой встречи вызывал у обоих Вадимов больше всего недоумений. На са-

мом деле, если реальности двух почти идентичных миров разошлись примерно в восемнадцатом году, где точкой МНВ стала гибель генерала Корнилова, возможность даже рождения, не говоря уже о встрече и женитьбе аналогов их отцов и матерей, уходила в область отрицательных величин. Теперь же всё объяснялось легко и просто. Телеологически¹.

— Кроме того, Александр Иванович предназначил нам с тобой роль такого сдвоенного предохранителя. Отслеживать и корректировать изнутри процессы, способные нарушить хрупкую гармонию между нашими временами. Отчего и не велел без крайней необходимости встречаться на *этой* стороне.

— Так зачем же мы это делаем? — удивился Секонд.

— Слушай дальше. Там же, в «Братстве», в моём присутствии неоднократно велись разговоры, что им хотелось бы организовать подобие конвергенции между твоей и ростокинской реальностями. Где-то лет через двадцать-тридцать, якобы, это возможно...

— Лично мне такое трудно представить.

— Мне тоже, но, по их мнению, под воздействием Гиперсети в мозгах миллиардов людей произойдут столь внешне логичные и незаметные изменения, что они поверят и в своё общее прошлое,

¹ Телеология — реакционное идеалистическое учение, согласно которому всё в природе устроено целесообразно, и всякое развитие является осуществлением заранее predetermined целей, т.е. несовместимо с научным пониманием закономерностей и причинной обусловленности явлений природы (см. Философский словарь, М., 1972).

и в полную адекватность вновь возникшего миропорядка. А без этого, мол, мировая ткань разползётся, как ветхое одеяло, и вообще всему наступит амбец...

— Такое рассуждение я тоже слышал...

— Но я ещё не закончил, ты слушай, слушай... — Несколько нервничающий Фёст приостановился, всё-таки закурил сигарету.

С Мясницкой они свернули в сторону Кузнецкого моста, а оттуда уже и до дома недалеко. В переулках было потише, людей совсем немного из-за позднего времени, и разговаривать стало куда легче.

— Как ты помнишь, после московских событий наши друзья к своей идее словно бы утратили интерес. Занялись чем-то совсем другим, причём меня в известность о сути своих дел не поставили. Разбежались по мирам и временам, кто поодиночке, кто сбившись в очередные «кружки по интересам». Нам в них места не нашлось...

— Неудивительно. Боги с Олимпа тоже спускались на Землю или по конкретным поводам, или от скуки... — Секунду было интересно, но не очень. Его по-прежнему больше занимала окружающая действительность.

— И я о том же. Когда я последний раз встретился с Новиковым, он выглядел, с чисто медицинской точки зрения, несколько потерянным. Я даже удивился. Спросил, в чём дело. Он начал что-то плести насчёт «кризиса среднего возраста», потери вкуса к жизни и ощущения никчёмности происходящего. Блока процитировал: «Ночь, улица, фонарь, аптека. Бессмысленный и тусклый свет.

Живи ещё хоть четверть века, всё будет так. Исхода нет».

— Депрессия, одним словом. Можно понять... Лариса вон тоже на всё наплевала и, якобы насовсем, решила переселиться в наш Кисловодск. Однако недавно тоже куда-то умчалась.

— А Новиков, наоборот, мне сказал, что ему ни моя, ни твоя реальности не интересны. «Делать мне в них совершенно нечего. Возглавить «Чёрную метку» и в качестве какого-нибудь глубоко законспирированного «сионского мудреца» наводить порядок в этой России? Для чего? Пусть сами разбираются. Если у Секонда (тебя он тоже вспомнил) что-то не так пойдёт — поможем, чем потребуется. Но жить я предпочитаю не здесь».

— Оно, пожалуй, и к лучшему, — заметил Вадим-второй.

— Может быть. Но дальше ещё забавнее. Оказывается, Шульгин очередной раз влез в Гиперсеть и закоротил Узел, отвечающий за все земные реальности. Теперь, будто бы, никакое вмешательство *извне* нам не грозит. То есть получается, что в пределах наших сочленённых реальностей мы с тобой можем и имеем право предпринимать любые действия. Любые! Без оглядки на Держателей Мира, Хранителей Реальности, законы исторического материализма и всякий там детерминизм. Но желательно, добавил в заключение той странной встречи Андрей Дмитриевич, чтобы эти действия вели к *улучшению условий человеческого существования*. Это обязательно...

— Чересчур расплывчато, — пожал плечами Секонд. — Не может быть *человеческого существа*.

★
 вования вообще. Для каждого индивида оно конкретно и неалгоритмируемо.

— Мы не на философском семинаре. Главный смысл, как я его понял, — нам даётся карт-бланш на любые поступки, кажущиеся нам правильными...

— Очередной тест? Или выпускной экзамен из кандидатов в «действительные братья»?

— Возможно и такое. Как там у вас на флоте говорят — допуск к самостоятельному управлению? — Фёст слегка завидовал аналогу, удостоившемуся случая покомандовать настоящим боевым кораблём и успешно с этим делом справившемуся.

— Как бы там ни было, я у себя никакими улучшениями заниматься не собираюсь. Как однажды определено: «Ты должен действовать строго в пределах отведённой тебе роли. Сам для себя будь кем хочешь, а для окружающих останься прежним. Ни в коем случае не подстраивай поступки под *воспоминания о будущем*». Твои слова?

— Да помню я, помню. Если хочешь, давай и этой инструкции следовать. Раз уж мы на экзамене. Но мне такого приказа не было.

В самом тёмном месте Фуркасовского переулка Секонд вдруг приостановился.

— Тебе не кажется, что сейчас с нами что-то произойдёт? Холодком по спине потянуло. — Он сунул руку в карман пиджака, где по привычке своего времени всегда носил пистолет.

Фёст оглянулся.

— Да вроде ничего такого. Сейчас на улицах почти не шалят, а специально за нами никто не шёл, я постоянно проверялся.

— Ну, бог с ним. Двигаем дальше. Наверное,

это твоё время и наш разговор так на меня действуют.

— Бережёного, конечно, бог бережёт, и «ходить надо опасно», как в Библии сказано, но сейчас в центр выйдем, а там уже недалеко.

Секонд сам себе удивлялся, но так и не счёл нужным или возможным рассказать аналогу о долгих беседах, что они вели на «Валгалле» с Воронцовым. Очень может быть, таким образом он пытался как можно дальше развести личности, свою и Фёста. Мало кто может представить, как тяжело разговаривать с собственным отражением в зеркале. Пусть лучше у каждого будет всё больше и больше личных черт, привычек, воспоминаний. Получится у Фёста с Вяземской — они разойдутся ещё дальше. Ничто так не способствует самоопределению мужчины, как надёжная, готовая стать «второй половинкой» подруга. И, глядишь, постепенно они станут на самом деле только братьями. В генетическом смысле.

Он сказал другое:

— Не слишком мы сложную легенду для Люды придумали? Она, пожалуй, может пригодиться в каких-то вариантах, а ведь куда проще — очередная твоя «паранормальная» сотрудница. Моя, допустим, ассистентка, приехала ознакомиться на месте с феноменом мистических озарений в политических кругах. С такой научной темой можно в любую структуру проникнуть и самые дурацкие вопросы на полном серьёзе задавать. Паспорт ей выправить, хоть американский, хоть наш — и всех делов.

— Тоже верно, — согласился Фёст. У него сейчас в голове крутилась несколько другая идея, во-

просы легализации Вяземской отошли на второй и третий планы. — Но глубокие знания *парагвайского* языка и прочих реалий в любом случае не мешают. Можно сказать, что она — директор тамошнего филиала, остальное будем вводить по мере изменения обстановки.

Когда они вернулись в квартиру, Людмила продолжала работать с документами. Всё, что касалось Парагвая и вообще латиноамериканской жизни, она проштудировала, теперь изучала здешнюю жизнь. Увидев командиров, оживилась, доложила об успехах и выжидательно (а также — выразительно) посмотрела Фёсту в глаза. Наверное, решила, что со скучными уроками закончено и ей немедленно предложат что-нибудь повеселее.

— Молодец. — Фёст сделал вид, что взгляд девушки не задел его душевных струн, хотя что-то такое по нейронам и аксонам пробежало. — На сегодня хватит, иди отдыхай.

Людмила собрала ворох газет и журналов, ещё раз стрельнула глазами из-под естественных, но поэффектнее, чем на рекламных роликах, ресниц. Направилась в отведённую ей комнату, несколько вызывающе покачивая бёдрами. Вадим-первый смотрел ей вслед с живым интересом. Второй — отвернулся.

Сами они расположились в кабинете, задымили сигарами, что сейчас в Москве считалось крайне модным в тех кругах, где Фёсту приходилось вращаться.

— Итак, братец, наговорились мы с тобой сегодня сверх всякой меры, — сказал Секонд. — Высо-

кие проблемы мироздания и эсхатологии обсудили, а по сути ты мне так ничего и не сказал. И видишь, в чём беда — настолько мы с тобой за последний год...

— Полтора, — уточнил Фёст.

— Неважно. Насколько мы психологически изменились после *перевала*, что как я ни стараюсь вычислить твой замысел — не получается. Ясно, что каждое твоё сегодняшнее слово и действие должны были подвести к разгадке, а вот никак! Так что открывай карты, сдаюсь.

Собеседник довольно кивнул. И словам аналога, и собственным мыслям. Он этого и хотел. Окончательно обозначить позиции, пусть в этом и не было особой нужды. На его территории Секонд в любом случае оставался вторым, однако придётся играть и на его поле. Так чтобы и там всё было ясно.

— Видишь ли, братец, мы с тобой пришли к единому мнению. В данной ситуации на нашем уровне сделать ничего нельзя, да и на любом другом тоже. Аксиома. В стране с подобием демократии, но отсутствием почти равной по силам оппозиции справа и слева, а также «гражданского общества», никакие кардинальные перемены невозможны. Волович называет такую ситуацию застоем, даже гниением, кое-кто — я в том числе — стабильностью, дающей шанс на пусть медленное, но поступательное движение. Слишком медленное, на мой взгляд, моей жизни может и не хватить, чтобы насладиться плодами цивилизации.

К нашему глубокому сожалению, гвардии или тайной полиции, кастово-замкнутых структур, но имеющих собственный политический интерес и

волю к его достижению, как у вас, в моей России тоже нет. Тупик?

— Похоже. Чего проще — плюнь и переселяйся, как Лариса, к нам в Кисловодск. Все твои проблемы разом исчезнут, — не то в шутку, не то всерьёз предложил Секонд. — И предоставь этих людей их судьбе. Всё же — Главная историческая, как-нибудь разберутся.

— Нет, — тихо и очень серьёзно ответил Фёст. — Это — мои соотечественники, моя страна. Как говорил персонаж одного некогда популярного романа: «Сердце моё полно жалости. Я не могу этого сделать». И вторая цитата из книги тех же авторов: «Кому я нужен — беглец в коммунизм?» И, наконец, третья: «Нельзя изменить законы истории, но можно исправить некоторые человеческие ошибки. Эти ошибки даже должно исправлять. Феодализм и без того достаточно грязен». «Феодализм» безболезненно можно заменить на любую другую историческую формацию.

В глазах его и в голосе читались неподдельная грусть и что-то ещё, Секонду не совсем понятное. И вправду, они стали слишком разными.

И почти сразу аналог стряхнул с себя минор, открыл спрятанный внутри большого старинного глобуса бар, извлёк чёрную пузатую бутылку.

— Настоящий ямайский ром. Где попадя его не купишь. Из двадцатых годов сюда доставлен. Давай причастимся, и ты наконец сам увидишь, какие у меня планы.

В дальней комнате за кухней, в давнопрошедшие времена, скорее всего, обитала прислуга, а затем Лихарев оборудовал там весьма богатую лабораторию и мастерскую. Левашов в её оснащение

внёс и свой вклад. Обширное, двадцатиметровое помещение заполняла масса приборов современных, а также семидесятилетней давности. На отдельном столе размещались монитор и пульт управления до предела упрощённого варианта базовой СПВ. Ещё примитивнее того, с которого всё начиналось. Но для целей Фёста этого было достаточно.

Он потрудился над своей внешностью, чтобы изменить её до полной неузнаваемости. Знал, что завтра его портрет будет размножен в миллионах копий и каждый участковый, каждый опер любой из имеющихся в стране официальных спецслужб, а также (весьма вероятно) органов внутренней безопасности солидных преступных группировок получит свой экземпляр.

Игра начиналась отчаянная, веселящая кровь. Давайте, господа — друзья — товарищи, посмотрим, чего стоите вы и чего — я!

Секонд наблюдал за его действиями со сдержанным интересом. Пусть братец *отвяжется по полной*, как здесь принято говорить. План у него и вправду был отчаянный, но главное — остроумный. Если что пойдёт не так, подстраховку ему обеспечим, но не раньше, чем вынудят обстоятельства. Иначе — просто не спортивно.

Фёст посмотрел на часы, погладил бороду в стиле Александра Третьего, коснулся пересекавшего лоб и правую бровь сабельного шрама. На вид в гриме ему было лет сорок пять, и для своей реальности он выглядел чересчур экзотично. Такого персонажа в светской компании вряд ли

встретишь. На задворках Казанского вокзала — вероятнее, но одежда и манеры окажутся *попроще*.

— Наверное, господин президент уже вернулся домой. Даже ему когда-нибудь нужно отдыхать, — сказал Вадим сочувственно, набирая на пульте известную ему комбинацию.

Экран засветился, на нём несколько секунд помелькали стремительно сменяющиеся, размазанные картинки, наконец одна зафиксировалась.

Довольно просторная комната с массивным кожаным диваном, двумя креслами, журнальным столиком. На полу скромного вида ковер, на стенах несколько акварелей в тонких рамках. В одном из кресел — президент России собственной персоной. Одет попросту, в зеленую вельветовую пижаму. В руках чайная чашка. Смотрит прямо в экран.

Понятно — не в этот. В телевизионный, где как раз идут полуночные новости.

— Значит, начинаем, — сказал Секонду Фёст и отчего-то вздохнул. Почему — «отчего-то»? Ясно и понятно. Теперь и здесь с первым его словом жизнь наверняка покатится по другой колее. Куда — бог весть. Но хуже не станет, в этом он был уверен.

Он повернул рубчатый верньер на четверть оборота. На этой модели не было никаких мышек, джойстиков и прочих современных наворотов. Всё просто и грубо, как на армейской радиостанции «Северок» времён Отечественной войны.

— Здравствуйте, господин президент, — сказал он негромко и вежливо.

Глаза президента расширились. Ещё бы — вме-

сто дикторши новостной программы перед ним возник тот ещё тип, персонаж боевика по мотивам романов Сабатини.

Первая мысль, конечно, — сбой канала. Крайне маловероятно, разумеется, да ещё и фраза, как бы лично к нему обращённая. Но что же другое?

Выдержка у президента была на уровне. Он медленно отставил чашку и слегка наклонил голову, ожидая продолжения.

— Да, да, я именно с вами говорю. И можете мне свободно отвечать, связь у нас двусторонняя...

— Как это возможно? Здесь нет модема для подключения к Интернету, — спросил глава государства, внешне держа себя в руках. А то ведь чёрт его знает, что за провокация...

— Естественно. И подходящего компьютера тоже, и оптоволоконного кабеля. Да вы, для простоты, можете свой телевизор выключить. И питание во всём доме отключить — роли не играет. Разве — доверия к моим словам прибавится.

Президент так и сделал, щёлкнул пультом.

— Вот видите? Не нужно вызывать охрану, она ничем не поможет. А вам и так ничего не угрожает. С моей стороны, — счёл Вадим нужным уточнить. — Завтра дадите поручение хоть ФСБ, хоть Академии наук разобраться в данном феномене. А сейчас я бы хотел просто немного поговорить. Не каждому удаётся вот так, попросту, без свидетелей и протокола, — Фёст постарался улыбнуться располагающе, но при его шраме это не очень получилось.

— Хорошо, давайте попробуем. — Голос президента звучал ровно, однако Фёст догадывался, какой вихрь переплетающихся и сталкивающихся

ся, взаимоисключающих мыслей бушует сейчас в голове собеседника. — Представиться не желаете?

— На данном этапе знакомства называйте меня Александр Александрович, — ответил Фёст, имея в виду царя-миротворца, чей облик попытался себе придать, и те идеи, которые собирался донести до своего визави. — Впоследствии, в зависимости от развития наших отношений, возможно, я представлюсь по-настоящему. Вас это не очень задевает?

— Нет, ничего. Я вас понимаю, хотя вообще-то вы ведёте себя опрометчиво...

Фёст намёк понял.

— Напрасно вы так думаете. Поскольку я принадлежу к типу пресловутого «сумасшедшего изобретателя» из старых романов, используемое мною устройство современными техническими средствами не идентифицируемо. И может находиться далеко за пределами досягаемости каких угодно спецслужб. Вы ведь не станете спорить, что ни о чём подобном не слышали и даже отдалённо не представляете, как подобная связь может осуществляться?

— Пожалуй. Но я не специалист.

— Если бы хоть кто-то в мире только начал приближаться к идее двусторонней межпространственной связи, вам бы непременно доложили...

— Тоже верно.

Президент окончательно взял себя в руки и даже улыбнулся. Располагающе, как очень хорошо умел.

— Я бы мог использовать своё изобретение в каких угодно неблагоприятных целях. Продавать бы

не стал, что вы! Но вот заглянуть в любое место, как к в вам заглянул, получить самую конфиденциальную информацию: финансовую, политическую, любую личную, пригодную для шантажа — без вопросов. Но я хочу использовать его на благо России. Без всякой корысти.

— Откуда мне знать, что вы уже не делали того, о чём сами сказали только что?

— Логика, господин президент, самая простая логика. Вы ведь её изучали. К чему мне в таком случае засвечиваться перед вами, человеком, который способен заставить полстраны землю носом рыть, чтобы разыскать меня и моё убежище? И наверняка это будет сделано, я не обольщаюсь. Хотите, я вам продиктую список поручений, которые вы непременно раздадите своим *сотрудникам* через пять минут после завершения нашей встречи? Единственное, что вас может остановить, — страх показаться в глазах прислужников сумасшедшим. Если бы, допустим, у вас сейчас работали камеры видеозаписи... Но их нет, я проверил.

— Может быть, вы оставите свой тон и манеру? — спросил президент. — Я уже понял всё, что вы подразумеваете, Александр Александрович. Страсть к дешёвой риторике не есть признак настоящего уверенного в себе человека.

— Я не *самовыражаюсь*, как вы стандартным образом подумали. Я *настраиваюсь* на нужную тональность. Раньше не имел удовольствия быть лично с вами знакомым, ну и захотелось уточнить, чем вы отличаетесь от *экранного* образа.

— Настроились? Тогда к делу.

— Вы не курите? — спросил Фёст, тщательно водя зажигалкой вокруг кончика сигары. — На-

прасно. Те великие вожди XX века, что курили, выиграли у некурящих всё, что можно. Сталин, Черчилль, Рузвельт. Против них Гитлер, Муссолини. Интересно, правда? И дело не только в том, что никотин стимулирует нервную систему. Тут ещё и элемент из репертуара престижистов¹. Вы и без того напряжены, общаясь с сильным партнёром, а он вдобавок отвлекает ваше внимание на манипуляции, сам при этом выигрывая время для наблюдений и размышлений.

— Вы — позёр? — сделал свой ход президент.

— Естественно, но не только. Как же иначе? Будь я *ботаником-интравертом*, рискнул бы броситься в такую авантюру? Но, действительно, пора и к делу. Если совершенно в нескольких словах, то так: я истинный патриот России, имеющий достаточное число единомышленников, в определённой мере разочарован вашей деятельностью на своём посту. Хотя в целом поддерживаю, так сказать, *Генеральную линию*, — счёл нужным уточнить Вадим. С лёгкой такой, едва уловимой усмешечкой, с которой получал некогда приз за скоростную стрельбу из пистолета от начальника политуправления округа.

— Неприятно слышать такую оценку. От вас. От других много гораздо худшего слышался.

«Как же он задет, — подумал Фёст, — то есть, грубо говоря, «спёкся». — Это уже школа Шульгина дала о себе знать, с его логиками. — Он, при всём интеллекте и информированности, не понимает, что происходит. Потерял контроль над си-

¹ Фокусники, показывающие номера, основанные на быстроте и ловкости рук.

туацией. Таким психотипам это дико некомфортно. Давление среды, от которого успел отвыкнуть.

И вдруг прямо в лоб — следующий тычок. От неизвестной личности, явно в этом раскладе доминирующей. И ничего нельзя сделать. Отключиться не получилось. Встать и уйти — жалко выглядеть будет. И где гарантия, что все остальные телевизоры в доме не продолжат сеанс, причём — невзирая на посторонних. Если жена увидит, ладно, а если... То есть терпеть придётся. Пока собеседник не скажет всё, что хочет».

Ох, как не завидовал сейчас Ляхов-первый президенту великой державы...

И тут же остановил полёт вдохновлённой шульгинскими апориями и антиномиями мысли. Тем более что напротив него сидел Секонд, слушал беседу и откровенно развлекался, то растягивая рот до ушей, то подмигивая. И вдруг сделал пальцами давний, с юности понятный обоим секретный жест.

Точно. Следует остановиться и позволить собеседнику сделать собственный ход. Одно дело — заводить главаря пацанской группировки с соседней улицы, совсем другое — такого человека.

— Вы мою оценку в голову не берите. Это я тоже под влиянием плохо контролируемых эмоций сказал. Давайте взаимно успокоимся, я сначала о сути своего изобретения расскажу, об устройстве для пространственно-временного совмещения сколь угодно удалённых друг от друга точек мирового континуума. Ничего особенно сложного, вся разница лишь в том, что у нас на Земле до последнего времени такие вещи можно было проделывать с двухмерными объектами из третьего

измерения, а мы оперируем трехмерными — через четвёртое. Всего лишь. По ходу изложения можете задавать интересующие вас вопросы... Кое о чём, попутно, и сами догадаетесь...

— И всё-таки — что вы мне собрались предложить? — спросил президент, когда Фёст закончил говорить, почти докурив сигару. Понятное дело, ему восхититься открывшимися перспективами и виртуально кинуться на шею с криком «Спаситель ты мой» — никак невозможно. Не той психологии люди, достигшие подобных постов. За крайне редким исключением.

Придётся сказать впрямую.

— Вы наверняка читаете хоть какую-то прессу? Если только для вас не печатают газеты в единственном экземпляре, как для умирающего Ленина, и не гонят по ТВ личный канал. Знаете, что происходит в стране? Нет, я не о вообще всём, что происходит. Меня, с моим складом мышления и усвоенной из трудов Ленина идеей о необходимости искать то звено, за которое можно вытащить всю цепь, в данный момент больше всего интересует и тревожит коррупция. Готов согласиться, что для России это естественный образ жизни и образ мысли. Но должны ведь быть какие-то рамки! Ничего не имею против того, что гаишник берёт с водителя сотню, чтобы тому не толкаться в очереди в сберкассах. Вы пробовали когда-нибудь заплатить штраф на законных основаниях? Очень советую. В виде Гарун-аль-Рашида. И сотня водопроводчику беды не представляет. Ему хорошо, и вам удобно. Я о другом.

Вас *действительно* не удивляет и не оскорбляет ситуация, когда заместитель министра обороны или глава субъекта Федерации разводит руками перед вами или даже перед судом: «Не знаю, не могу объяснить, куда делись сто миллионов долларов. Да и были ли они вообще?» И отделяется публичным порицанием или, что верх жестокости — получает *девять лет условно!*

Вы же юрист, не технократ какой-нибудь, должны знать, что сие даже за пределами нашего довольно дурацкого Уголовного кодекса. И вы на это спокойно смотрите... Второй пример — из казны *просто так* исчезают пять миллиардов *раскрашенных бумажек*, и ведомства, поставленные на то, чтобы найти расхитителей и жестоко наказать, начинают азартно *мешать* друг другу вести расследование. Не останавливаясь ни перед чем. Трупы уж точно не считают. Хотя в чём вопрос? Вот отправитель суммы, вот получатель. Посадите обоих и всю промежуточную цепочку в банальную *пресс-хату*¹, о существовании каковых вы тоже должны знать, до нынешнего поста какие-то книжки читали. Дня через три получите полную картину всех трансферов и транзакций на введенной вам территории. Под угрозой пожизненного заключения мало найдётся железных людей, замкнувших рот на замок, а ключ выбросивших в канализацию.

Этого не делается. Вот почему, господин прези-

¹ Пресс-хата (к средствам массовой информации отношения почти не имеет) — жаргонное наименование камеры в СИЗО, где с помощью сотрудничающего с администрацией уголовного элемента не вполне законными методами получают признание (или информацию) по всем интересующим следствие вопросам.

дент, у меня и моих друзей появились серьёзные претензии лично к вам. Вы что, ни о чём действительно не знаете? Или отчётливо понимаете, что проявить политическую волю вам просто не позволяют, оттого и предпочитаете махнуть рукой? Пусть всё идёт, как идёт?

Третий вариант я предпочитаю не рассматривать, — эту фразу он произнёс с печалью и сожалением в голосе. Сам, мол, додумывай, о чём я.

Ляхов-первый, словно бы сам донельзя выбитый из колеи своим монологом, принялся раскуривать новую сигару, а Второй показал ему большой палец.

— Если бы мы считали, что вы относитесь к тому же клану, никто не захотел бы с вами разговаривать. — Фёст глубоко затаился, что категорически не допускалось правилами хорошего тона. — Вопреки мнению некоторых товарищей, я постарался доказать, что вы не безнадёжны...

— Спасибо, большое спасибо, — всё ещё держал марку президент. Но стоило это ему почти уже непомерных усилий.

— Да вы расслабьтесь, — сказал Фёст. — Я как врач советую. Прямо сейчас примите грамм полтора, сразу легче разговор пойдёт. На публике, может, и неудобно, а для себя — вполне. Ни Черчилль, ни Ататюрк, ни Маннергейм не брезговали. Хотите — угощу.

Он подвернул верньер, привёл аппарат в режим «одностороннего окна» и поставил на телевизионный стеклянный столик в комнате президента бутылку «Курвуазье».

— А это могла быть и граната, вы согласны? —

Фёст позволил себе сочувственную усмешку. — Четыре секунды — и новые выборы назначай.

Клиента нужно *дожать*, учил Александр Иванович. Это удалось вполне. Более растерянного человека Вадим в своей офицерской и прочей жизни, пожалуй, не видел. Одно дело — слышать разглагольствования странного типа о перемещении предметов через пространство и время, другое — увидеть подобный фокус наяву. По-прежнему не верится — встань, возьми, попробуй...

— Что вы пить из подаренной мною бутылки не станете, я догадываюсь, — сказал Фёст *убегительным* тоном. Ему нужно было перевести собеседника в уровень *равноценного* общения. И это, похоже, удавалось.

— Забудьте на минутку, кто вы и кто я. Поговорим, как простые солдаты. Я по званию полковник медслужбы, в основном в морской пехоте служил, вы — близко к этому, пусть и Верховный Главнокомандующий, исходя из должности. Скажите мне, опять же, как врачу, вас очень мучает комплекс Павла Первого?

— Это вы о чём?

— Исключительно о том, что боитесь ли вы, если вдруг придут к вам в резиденцию, как к тому в Михайловский замок, близкие друзья, да и вмажут золотой табакеркой в висок, а потом шёлковым шарфиком додушат...

Фёст усмехнулся кривой, совсем уже ничего хорошего не обещающей улыбкой.

— Не сомневаюсь, эта мысль непрерывно крутится у вас в голове. Вечная беда нерешительных реформаторов. Получится — не получится? Отстранят или свергнут? Убьют или посадят? И гене-

тический страх волевого решения — резко, окончательно, не задумываясь о никчёмных мелочах, развернуть ситуацию.

Чего вы боитесь, президент? Начните вы действовать, как подобает мужчине, вождю, властителю, — девяносто процентов «электората» вас будут носить на руках! В армии, полиции, прочих службах всегда найдётся несколько батальонов верных офицеров, которые за вами, при доходчиво сформулированной задаче — в огонь и в воду. Так решайтесь же!

Президент, как и предполагалось, ни его бутылки не взял, ни из своего бара себе не налил. А зря.

— Решаться — на что?

— Я считал вас более сообразительным человеком. Стать кровавым диктатором я не предлагаю. Да у вас и не получится. Я сегодня, совершенно случайно, пробежал близкую к официозу газетку, — поднял и показал выделенную статью.

— Частный пример, но показательный. Члены созданного якобы вами (или при вас) совещательного органа открыто, на всю страну заявили, что *никаких* путей преодоления коррупции в системе высшего образования нет, а главное, быть не может. По тем-то и тем-то причинам. Читали?

— Ещё нет.

— Напрасно. Я читал, а президент — нет. Смешно. Но это вы там собрали полторы сотни дураков или провокаторов, которые несут подобные идеи в массы. Да в массы — хрен с ними. Они власть в таком убеждают. А она — верит. Одни воруют, а те, кто не ворует, вы, например, — верите.

— Границы приличия — не переходите? — спросил президент.

— Какие границы? Если сами не понимаете, кто-нибудь ведь должен правду сказать? Раньше цари и короли для таких целей шутов держали. Пусть я таким шутом сейчас выгляжу. Только — технически более оснащённым. Вы тоже уверены, что коррупция непобедима?

— Вы знаете, пожалуй — да. Слишком укоренённое и распространённое явление. Ремонт здания с разрушения фундамента не начинают...

— А я скажу — нет! Вам про Сингапур никто не рассказывал? Будете там с государственным визитом — найдите время, поинтересуйтесь. А знаете, как при царе Александре Третьем, на которого я странным образом похож, одномоментным указом и контрабанду, как явление, ликвидировали, и коррупцию в пограничных и таможенных органах? Очень просто. При задержании контрабандистов чины, в том деле участвовавшие, получали *шестьдесят процентов* изъятых! Для честной делёжки. Остальное — в казну. И никто не жлобился, как ваши чиновники. Эти — солдатам на фронте положенные боевые не платят. Между собой делят. А при царе честнее было: заслужил — получил! Оттого контрабанда, как явление, потеряла всякий смысл. Взятку больше шестидесяти процентов стоимости товара не дашь. Просто затеваться не стоит. Зато престиж службы и Государя Императора возросли неимоверно. Не приходилось читать?

— Нет, — честно ответил президент, неожиданно для себя начавший получать странное удо-

вольствие от разговора с непонятным, но весьма неординарным человеком.

— Жаль, — вздохнул Ляхов. — Тогда хоть касету с фильмом «Белое солнце пустыни» прикажите принести. И задумайтесь — отчего это Верещагину «за державу обидно», а вашему окружению — нет. Вот если бы вы сегодня издали подобный указ, мол, любой гражданин, доказательно, я подчёркиваю — *доказательно* сообщивший о факте коррупции, хоть в школе, хоть в больнице и Госдуме, получил бы шестьдесят процентов движимого и недвижимого имущества обвиняемого, процесс сошёл бы на нет сам собой. Помните, при царе Алексее Михайловиче — «Государево слово и дело!» Не доказал — доносчику первый кнут. Доказал — никто не защитит виноватого. Особенно, если нижестоящий коллега, разоблачивший недобросовестного судью или прокурора, получит вместе с его имуществом и его должность.

— Как вы всё примитивно понимаете, — вздохнул президент. В Китае, на который у нас коммунисты чуть ли не молятся, коррупционеров на стадионах расстреливают, а процесс движется по нарастающей. А в нашей богоспасаемой родине? Развернётся такая вакханалия доносительства, взаимное подсиживание, «охота на ведьм»... Новый тридцать седьмой год. Десять человек всегда могут сговориться и посадить, обобрать до нитки единственного честного... Такое — представляете. И что тогда?

— Всю жизнь меня мучила проблема, — вздохнул Фёст. — Отчего все мои начальники глупее меня? Не от личной гордости страдал, от обиды за Отчизну. Выходит, и вы такой же... Неужели не

понятно, что с лжедоносчиками справиться не в пример проще, чем с тотальным воровством и продажностью. Особенно, если всё будет делаться предельно гласно и любой гражданин страны в каждом конкретном случае сможет выступить как на стороне обвинения, так и защиты. Веря при этом, что Власть его не *сдаст*! На каждый Шемякин суд найдётся Государево Око!

— Послушайте, Александр, или как вас там... — президент потерял ту психологическую нить, вдоль которой они могли бы выстраивать что-то взаимоприемлемое. — Скажите прямо, что вам от меня нужно, где в ваших инвективах позитив? Креатив¹, как некоторые любят говорить...

— Вот, наконец-то! — обрадовался Фёст. — Господин-товарищ президент, вы с вашим очень неплохим образованием и служебным опытом догадались, что я не дурака валяю, что дельные мысли до вас пытаюсь довести, пусть и не совсем обычным способом.

Вадим увидел, что достиг своей цели. Президент подскочил с кресла, начал быстро расхаживать по просторной комнате, то и дело оглядываясь на экран, когда он оказывался у него за спиной.

— Я, то есть мы, хотим, чтобы вы стали настоящим лидером нации. И нашим другом. Не потому, что нам что-то от вас нужно. Скажите только — через пятнадцать минут во дворе вашей дачи мы выгрузим столько золота или цветных бумажек, что нефтью десять лет торговать не потребуется, или лучше восьмиполосный автобан Владивосток —

¹ Креатив — творческое начало, новая идея.

Калининград наконец построим. С эстакадой над Литвой, на высоте, выходящей за пределы её юрисдикции. Пока шучу, но технически это возможно.

Одним словом, мы предлагаем вам собственную программу. Детализирую — вы продолжаете воплощать в жизнь свою собственную, но с нашими коррективами. Мы вам гарантируем полную безопасность с любой стороны. И помощь в проведении, скажем так, *непопулярных* мероприятий, к которым лично вы не будете иметь никакого отношения. У нас есть собственный инструмент принуждения и возмездия. «Чёрная метка». Уж о ней вы наверняка слышали в прошлом году, когда неизвестно куда делось некоторое количество весьма коррумпированных личностей, а пара десятков отпетых отморозков рассталась с жизнью. И, вы это тоже должны знать, ни по одному случаю *никакие* структуры не добились *никаких* результатов. Ну настолько никаких, что даже самый липовый отчётник придумать не получилось. Стопроцентные «висяки».

— Так вы и к тем событиям отношение имели? — с долей оторопи спросил президент.

То, что в «Братстве» получило кодовое обозначение «Снег и туман», доставило массу неприятностей, головной боли и бессонницы очень и очень многим *важным* людям. Но из ситуации выбравшимся, примерно как немцы из зимних боёв под Москвой сорок первого года.

— Кто же ещё, господин президент? Соперников на этом поле у нас нет и вряд ли появятся, поскольку любой *честный* человек в России, от участкового инспектора райотдела милиции до гене-

рала, всегда предпочтёт помогать нам. Думаете, людям не осточертело про «оборотней в погонах» каждый день слышать?

— Мне помнится, кое-где организации такого типа назывались «эскадроны смерти», — уклонившись от ответа по существу, президент произнёс эти слова со всей возможной неприязнью в тоне. — Бессудный террор, вы к нему призываете скатиться? Вам не кажется, что...

— Ни в коей мере не кажется. — Фёст наконец нашёл должную пропорцию в тональностях и сути произносимых слов. — Если в стране парализована не только правоохранительная система, но у «элиты», по преимуществу, патологически деформированы архетипы¹ добра, зла, греха и в этом роде, терапией не обойдёшься. Хирургическое вмешательство рискованно, кроваво, но подчас неизбежно. Лучше ампутация ноги, чем газовая гангрена. Я учился на врача, я знаю.

И насчёт «бессудности» вы зря говорите. Особенно при нынешних «судах». После нескольких «показательных порок» все прочие сообразят, куда ветер дует. Когда-то Каддафи в Ливии проводил санитарную акцию под девизом: «Откуда у тебя это?» Любой гражданин, не способный документально подтвердить источники своего благосостояния, подвергался конфискации до уровня законного дохода. А наш великий полководец лю-

¹ Архетипы — изначальные, врожденные психические, образы, составляющие содержание т.н. коллективного бессознательного и лежащие в основе общечеловеческой символики (по К. Юнгу).

бил повторять: «Каждого интенданта после пяти лет службы можно вешать без суда».

Негуманно, разумеется, но тут уж или — или!

— Я убедился, что вы действительно сделали одно из величайших открытий в истории, — осторожно подбирая слова, ответил президент. — Вот бы я и посоветовал вам продолжить работу в этом направлении. Хотите, я распоряжусь, завтра же вам предоставят научно-исследовательский институт с необходимым финансированием? Мне трудно сразу вообразить все сферы применения вашего изобретения, но, безусловно, это будет революция в целом ряде областей...

Фёст рассмеялся, протянул руку и забрал бутылку с телевизионной подставки.

— Видите? Точно так я могу взять любую сумму из хранилищ форта Нокс, любого банка в любой точке Земли. Что мне ваше финансирование? Могу в одном месте взять атомную бомбу, в другом её взорвать. Но, предположим, я — пацифист, альтруист и гуманист. Если у вас хорошее воображение, представьте, что случится на планете, если о моей установке СПВ станет известно кому-то кроме нас с вами и тех людей, которые имели отношение к её созданию? Так что всё-таки сначала нужно привести страну и мир к более вменяемому состоянию, а уже потом...

Он прервал свои морализаторские речи. Заговорил коротко и жёстко.

— Вот список, просмотрите. — Вадим переложил на ту сторону лист бумаги. — В нём пятнадцать фамилий людей, крайне опасных для страны и общества. Вообще, с любой, самой толерантной точки зрения. Вдобавок каждый из них является

вашим злейшим врагом, готовым на всё. Если вы об этом не догадывались — тем хуже для вас. Если догадываетесь, но чего-то выжидаете — рискуете опоздать.

Подождал реакции. Президент молчал, вглядываясь в список, будто впервые видел эти фамилии и старался их заучить наизусть.

— Против четырёх стоят крестики. Выборка случайная. Эти люди сегодня попадут в крайне неприятные и одновременно — вполне естественные эксигенсы. Так для них карта легла. Поверьте, каждый из них давно заслужил высшую меру, у нас, к сожалению, отменённую. Но судьба выше политических жестов. Поэтому, господин президент, я на этом с вами распрощаюсь. Не знаю, что к вам поступит раньше, сводки МВД или телевизионные новости. Мы своих комментариев в прессу давать не будем. «Брать на себя ответственность» — тоже. Случай и есть случай. Пусть журналисты поупражняются.

А вы изучите информацию, подумайте, направьте свои службы. Хочется верить, они вам подтвердят, что ни один из тех, с кем случится до восхода солнца несчастный случай, невинным агнцем не был. Как минимум — со дня окончания средней школы. Я, возможно, снова повидаяюсь с вами завтра в это же время. Или — несколько позже.

Экран телевизора погас, несколько секунд оставался черным, и снова на нём появилось изображение дикторши, бодрым и несколько взвинченным голосом продолжавшей сообщать слушателям итоги дни. Такого же, как все предыдущие, не лучше и не хуже.

ГЛАВА 18

Сорок восьмой Президент САСШ Джеральд Доджсон обратился к Императору возрождённой Российской Державы Олегу Константиновичу по полуофициальному каналу. Не напрямую, потому что специальной телефонной линии между Белым Домом и Кремлём ещё не было установлено, а через посольство, только что переехавшее из Петрограда. Заранее предупреждённые связисты быстро, как на фронте, протянули кабель особо защищённой связи с Моховой до Кремля. Поверху, по обычным столбам уличного освещения. Всего то на полкилометра, даже меньше. К американскому линейно-батарейному коммутатору подключили свой, рассчитанный на пропуск специально модулированного сигнала.

— Я вас слушаю, Джеральд, — сказал Император, когда полковник с молниями на жёлтых петлицах подал ему трубку.

— Здравствуйте, Олег, — начал президент по-русски. Имя американец произнёс легко, а на «Константиновиче» наверняка бы запнулся, отчего и пропустил.

«Интересные люди, — пренебрежительно подумал самодержец, — считают себя солью земли, а фонетикой не владеют. Любой русский свободно выговорит «Йокнапатофа» или «Попокатепетль», а эти... Даже *выкарабкивающиеся* на берег лягушки им не под силу».

Однако ответил вежливо:

— Рад вас слышать.

И тут же перешёл на английский. На очень хороший английский, *оксфордский*, по сравнению с

которым луизианское произношение президента звучало забавнее, чем малороссийский крестьянский суржик.

— Вы первый, кто решил со мной поговорить напрямую. Официальные телеграммы с поздравлениями и аккуратные ноты наших европейских коллег не в счёт. Я это ценю.

— Разве вы не получили гораздо более тёплых писем от представителей родственников вам Виндзорской, Голштейн-Готторпской и иных династий?

— Если бы даже и да, это не имеет принципиального значения. До тех пор, пока они не располагают в своих странах сколько-нибудь значительным влиянием. Вы это понимаете не хуже меня, Джеральд. Но не будем терять времени. Чем вызван ваш звонок? Неужели президент САСШ вспомнил далёкий тысяча восемьсот шестьдесят третий год¹?

— Скорее — тысяча девятьсот тридцать первый².

— Продолжайте. — Олег закурил папиросу. Игра начинала удаваться.

¹ В 1863 году, в разгар американской Гражданской войны, для предотвращения вступления Великобритании и Франции в войну на стороне Юга и с учётом поддержки этими странами Польского восстания, а также помня недавнюю Крымскую войну, Россия направила в Нью-Йорк и Сан-Франциско крейсерские эскадры адмиралов Лесовского и Попова. При возникновении реальной угрозы морским торговым коммуникациям названные страны отказались от своих намерений. С тех пор между Россией и САСШ (в этой реальности) неизменно сохранялись дружественные (в основном — на эмоциональном уровне) отношения.

² В этом году Россия первой поддержала инициативу Ф. Рузвельта о создании ООН и ТАОС. (Смотри роман «Дырка для ордена».)

— Я предлагаю вам личную встречу. На уровне официальной дипломатии это сложно. Но я знаю, что вы не только великолепный политик, но и учёный. Уссурийская тайга, вообще Дальний Восток входит в сферу ваших давних интересов. Сейчас у меня на столе лежит книга Олега Романова «По следам Арсеньева». На этот раз я правильно произнёс фамилию Владимира Клавдиевича?

«Не прост Джеральд, не прост», — подумал Олег.

Американец заговорил по-русски почти безупречно.

«Тем интереснее...»

— Слушаю дальше. — Император тоже вернулся к родному языку. Вообще, с точки зрения протокола, это не совсем верно — главы государств должны разговаривать каждый на своём, чтобы в случае чего недоразумения возложить на переводчиков, и суверенность, вдобавок, подчёркивается. Но сейчас считалось, что общение личное, с глазу на глаз, и Доджсон пытался заранее расположить к себе собеседника, с которым раньше не встречался.

— Может быть, вы возьмёте отпуск, и мы поведемся... На острове Святого Лаврентия вас устроит?

— С удовольствием! Давно в те края собирался. Русский царь любит свою страну и должен знать её, как хороший помещик — имение. Я прилечу. Когда?

— Если у вас нет более важных забот, прямо завтра и вылетайте. Сумеете?

Олег пожал плечами, пусть этого телодвижения по телефону увидеть нельзя.

— Естественно. Что может быть более важным, чем возможность в приватной обстановке обменяться мнениями с таким человеком, как вы?

Большинство даже сравнительно образованных людей привыкло считать, что Америка очень далека от России. Из Москвы до Нью-Йорка самолёт летит девять часов, до Сан-Франциско — четырнадцать. А на самом деле на обычном снегоходе в САСШ можно доехать за час. Из Уэлена или с острова Ратманова до Номы. Просто — с другой стороны. Через Берингов пролив.

Американский остров Святого Лаврентия расположен в ста километрах от порта Провиденция, что на российской стороне. Там военно-воздушная и военно-морская базы, город со сотысячным населением. У американцев тоже аэродром и пункт захода подводных лодок. Благоустроенный посёлок, нечто вроде курорта для любителей северной экзотики. Хорошее место для встречи.

Императорский реактивный самолёт преодолел путь до Провиденция по дуге Большого круга всего за восемь часов. Остаток дня и вечер Олег провёл в общении с местными жителями. Губернатор, едва успевший примчаться к трапу из Анадыря, суетился позади, среди свиты. На него Величество, после дежурных протокольных фраз, почти не обращал внимания.

А народ был счастлив. Для каждого обывателя, оказавшегося поблизости, Император находил тёплое, когда серьёзное, когда шутовское слово. Предложил, ещё по Уставу Петра Первого, выска-

зять личные претензии выстроенным на плацу (по отдельности) нижним чинам и офицерам гарнизона.

Кое-кого осчастливил — без этого самодержцу нельзя. Пожилого многодетного капитана, отслужившего «на северах» без продвижения десять лет, велел перевести в Крым с производством в следующий чин. Всем прочим офицерам объявил, что по выслуге пяти лет соизволяет замену в любой гарнизон России по желанию. Сверхсрочным унтерам, «беспорочным», накинул по лычке, нескольких казачьих вахмистров произвёл в хорунжие, рядовым вдвое повысил денежное довольствие и удлинил до трёх недель ежегодный отпуск (не считая дороги).

Страху навёл только на гражданских чиновников, вспомнив реакцию Николая Первого на «Ревизора».

Утром на вертолёте, сопровождаемом российскими четырёхмоторными летающими лодками «Г-200» и двумя американскими истребителями, Император вылетел на Лаврентий.

Встречу Доджсон устроил, исходя из возможностей, по первому разряду. Невзирая на туман с дождём и порывистый северный ветер, вышел на посадочную полосу в визитке с полосатыми брюками и в лакированных туфлях. Адъютанты с трудом удерживали над ним огромные зонты, всё время выворачивающиеся из рук. Вдоль бетонки змеями струились водяные вихри.

— Бедняги, — иронически бросил свите Олег, предусмотрительно надевший утеплённый офицерский костюм, высокие сапоги и сверху — непромокаемый плащ-накидку. — Куда им вое-

вать? — Он имел в виду солдат из взвода якобы почётного караула, сжимавших винтовки посиневшими от холода руками. — Распорядитесь устроить их вместе с нашими морпехами после церемонии. Как положено. И каждому — медаль «За усердие». Хватит?

— Так точно, хватит, — ответил войсковой старшина Миллер. — И медалей хватит, и всего остального. Лишь бы их президент разрешил.

— Договоримся. — Олег с удовольствием посмотрел на своих сопровождающих. Морские пехотинцы Тихоокеанского флота, тоже взвод, как по протоколу положено, невзирая на погоду, выглядели очень браво. Береты, надвинутые на правую бровь, чёрные мундиры, белые перчатки, автоматы поперёк груди. Что им какой-то дождь, если до самой глубокой зимы в ледяное море с десантных кораблей приходится прыгать и брести до берега, ломая грудью лёд, пока он это позволяет. Зато потом десятикилометровый марш-бросок по тайге очень неплохо согревает.

А физиономии у наших бойцов какие! Ни малейшего сравнения с «товарищами по оружию».

Олег, отдав положенное приветствие президенту и караулу, наплевав на протокол, под локоть повлёк Доджсона в здание. Как будто был здесь хозяином.

— Вы, Джеральд, совсем с ума сошли. Зачем это представление? Простудитесь ведь. Север, бл... Никогда не любил. В тепло, переодеться и немедленно выпить. В наши годы к здоровью нужно относиться со всем вниманием. И — никаких журналистов.

— Их здесь вообще нет. Я вылетел по личным делам в неизвестном направлении.

— Ну, да. А завтра вы объявитесь где-то на Гавайях, я — во Владивостоке. И — никаких комментариев. Так какова у нас повестка дня?

В отличие от официальных встреч глав государств ни президент, ни Император не взяли с собой руководителей внешнеполитических ведомств, вообще никаких важных чиновников, только личных секретарей. Действительно, абсолютно частная встреча. Доджсон решил примерить на себя фрак Вудро Вильсона¹, признанного любителя персональной подковёрной дипломатии. Да и Франклин Рузвельт² предпочитал похожую методику общения с теми, кого считал себе равными.

— ... Мир встревожен, Олег Константинович, и вы это знаете, — говорил президент, опять по-русски, любуясь в широкое окно штормовым океаном и дождевыми зарядами, горизонтально летящими над землёй. — Вы сделали заявку на самое кардинальное за семьдесят лет переустройство сложившегося миропорядка. Очень многие уверены, что ваш шаг поведёт к очередной международной смуте.

Слово «смута» он выговорил с особым вкусом,

¹ 28-й президент США (1913 — 1921 гг.). Лауреат Нобелевской премии мира (1920 г.).

² 32-й президент США (1933 — 1945 гг.). В реальности ГИП в годы войны вёл тонкую дипломатическую игру между Сталиным и Черчиллем, считался сторонником более тесных отношений с СССР, чем с Великобританией.

гордясь знанием подобных семантических тонкостей.

— Не человек для субботы, а суббота для человека, — как бы совсем не в тему ответил Олег.

— Простите? — приподнял бровь Доджсон. — Ах да...

— Именно. «Сложившийся миропорядок», на мой взгляд, не имеет самодовлеющего значения. Предназначался он для наиболее рациональной, на тот момент, организации отношений между великими державами после всемирного кровопролития, поддержания «вечного мира», ну и так далее. Но ведь ничто не вечно под Луной. На сей момент идея себя изжила. На наш, конечно, взгляд. Вы можете придерживаться любой другой точки зрения...

Я не буду перечислять сейчас все доводы, вам они наверняка известны не хуже меня. Чем-то ведь ваши аналитики занимаются? Скажу лишь одно, в чём мне неприятно признаваться, но — «истина дороже». Экономика России не выдерживает бремени членства в ТАОС. Наши военные расходы и взносы в бесконечные «фонды вспомоществования» непомерно велики. Одновременно во внешней торговле мы сталкиваемся с протекционизмом и демпингом в самых неприличных формах. Вопреки договорённостям, даже вы закупаете аргентинское зерно и мясо, лишая наших помещиков и фермеров заработка. Вы торгуете оружием на свободном рынке дешевле себестоимости... Нужно продолжать примеры? Ещё максимум десять лет, и мы столкнёмся с проблемами, перед которыми те, что могут возникнуть вследствие выхода из Союза сегодня, — не стоящие внимания

мелочи. Автаркия¹ для нас — единственный выход. А торговать мы будем с кем хотим, исходя исключительно из конъюнктуры. Никаких преференций одним и санкций против других. Деньги против товара, и пусть потерпевший плачет...

— Простите меня, Олег. — Президент, известный игрок в гольф и в покер, слегка разнервничался. — Я, конечно, пока ещё не уполномочен говорить от имени всего Союза, но, думаю, если вопрос *только* финансовый, решить его — в наших возможностях. Да и некоторые другие *разногласия* не носят фатального характера. Готов признать и определённую вину моих предшественников. Они слишком сочувственно относились к интересам *более культурно близких*, скажем так, союзников, и, по нашей американской привычке, слишком часто думали: «Бизнес есть бизнес, ничего личного». Они не изучали так глубоко, как я, русскую культуру и русскую историю. Но ведь всё ещё можно исправить, без развода и битья фамильных сервизов?

Разумеется, вопрос слишком деликатен, чтобы решать его на Генеральной Ассамблее... Воленс-ноленс, приходится возвращаться к давно вышедшим из употребления традициям *непосредственной дипломатии*. Народы Свободного мира, стань им это известно, естественно, были бы возмущены. Ведь они — источник власти, а мы лишь избранные ими администраторы...

— Ко мне, слава богу, это уже не относится, — небрежно заметил Олег.

¹ Автаркия — создание замкнутой, полностью самодостаточной экономики.

— Вот именно, вот именно. Почему я и избрал такой способ общения. Вы позволите краткую политическую преамбулу?

— Как же я могу не позволить?

— Тогда послушайте. Действительно, мы все упустили момент. Точка невозврата была пройдена примерно в начале шестидесятых годов прошлого века. До этого мы могли бы, пересмотрев свои «основополагающие принципы», начать мягкую экспансию за пределы Периметра. Неоколониализм, да, можно назвать это и так. Постепенно и очень аккуратно инкорпорировать наиболее перспективные в смысле экономики и культуры территории и псевдогосударственные образования. Лет за тридцать создать в мире десятки «очагов роста», развивать там промышленность и культуру, вырастить подконтрольные нам национальные элиты и собственный «средний класс». Причём одновременно не допускать никаких «горизонтальных связей» между этими «квазигосударствами». Никаких военных, политических, экономических союзов. И, разумеется — тотальная демилитаризация. Это было бы проще и дешевле, нежели то, чем мы занимались на практике.

— Естественно, — вставил Олег. — Поделить Землю на протектораты и подмандатные территории. И пусть за пределами периметра каждый член ТАОС «возделывает свой садик».

— Но на это не пошли, ибо итоги Мировой войны оказались столь страшны, что призрак воссоздания новых Империй, пусть и в далекой перспективе, полностью затуманил мозги тогдашним политикам...

— Очень верная оценка. И, добавьте, обсуждать модель, похожую на вашу, считалось просто неприличным даже в научном, не то что политическом сообществе, — с едкой иронией добавил Олег.

— Ну и к чему же мы пришли? — Президент словно вообразил себя на Римском Форуме, не совсем понимая, что он — не Цицерон и русский Император — не Катилина. Подобные речи стоило бы произносить на Генеральной Ассамблее лет тридцать назад, взывая к более авторитетным (в то время) игрокам на Мировой шахматной доске. Но в то время Доджсон играл в бейсбол в на спортивной площадке своего кампуса и ни о чём более серьёзном не задумывался.

— Сегодня Юг — зона неоварварства. Население трущобных городов превышает два миллиарда человек. Это — зоны самовоспроизводящегося социального распада. Туда давно уже не рискуют проникать даже вооруженные подразделения и полиция их собственных «правительств». Но перспективы — гораздо хуже. Впереди — грандиозные конфликты социально дезорганизованного населения с социально организованным (даже на периферии).

В ближайшие годы число агрессивных люмпенов достигнет трёх миллиардов. Ни экологически, ни социально-экономически, ни психологически такой численности, такой обездоленности и отверженности мир трущоб выдержать не сможет, и его обитатели выплеснутся во внешний мир, устремившись туда, где «чисто и светло». Трущобники сначала начнут штурмовать относительно более благополучные страны самого Юга, а затем, сметая всё, хлынут на Север. Удержать их без

грандиозных гекатомб не удастся. Придётся объявить всеобщую мобилизацию «белого», условно говоря, населения.

Ещё один важный аспект: основная масса Юга — молодёжь. Демографический провал начинается, когда доля мужчин старше пятидесяти лет превышает в популяции двадцать процентов! В Западной Европе этот показатель — 50%. На Юге в среднем меньше десяти. С 1930 по 2000 год рост населения «деколонизированных» территорий — в среднем 400—800 процентов. При этом надо учитывать, что южане организованы не только этнически — клановым образом, но и по горизонтали, криминальным. Отсюда и «Интернационал»!

Исход грядущего противостояния мне в целом ясен, тем более что за счёт потери того, что один из ваших русских учёных назвал «пассионарностью», «белые» не способны к всеобщей мобилизации, и уж тем более — к войне на уничтожение, где счёт погибших пойдёт на сотни миллионов. Что там Мировая война!

«Восстание низов» грозит перерасти или в глобальную революцию, если у них найдутся союзники в социально более высоких группах, либо в глобальный бунт, бессмысленный и беспощадный.

В результате мир погрузится в новые «тёмные века», причём в отличие от раннего Средневековья кризис будет тотальным, охватывая не только социумы, но и биосферу Земли в целом. В условиях всеобщей анархии всё, что можно, — сожрут, а дальше — глобальная техногенная катастрофа...

И в этих обстоятельствах Россия хочет разорвать и без того крайне хрупкий единый фронт! Нас просто передушат по частям...

Президент, возбуждённый своей эмоциональной вспышкой, вытер вспотевший лоб, поднёс к губам стакан с виски.

— Я вас понял, Джеральд, но ничего нового вы мне не сказали. Мы говорим как друзья, надеюсь? Естественно, в дальнейшем вы мои слова можете передавать хоть коллегам, хоть прессе и трактовать, как угодно, но это будут ваши трактовки... Для всего мира и для истории останется один достоверный факт — президент САСШ пригласил на конфиденциальную встречу Российского Императора. Никак не наоборот...

— И что, по-вашему, из этого следует?

— Только одно. Если по итогам встречи не было опубликовано никакого совместного коммюнике, значит, на ней были достигнуты какие-то тайные соглашения. Скорее всего — за счёт остального мира. А если одна из сторон начинает односторонне как-то её комментировать, значит, она проиграла. И пытается взять подобие реванша. Заведомо невыгодная позиция...

— Я не совсем понял.

— Тут и понимать нечего. Я получаю возможность говорить, не стесняя себя дипломатическими предрассудками, отчего наше с вами *общее дело* только выигрывает.

Византийская вязь императорской мысли, похоже, поставила Доджсона в тупик. Вначале вроде как согласие на полную дружескую откровенность, потом нечто похожее на завуалированную угрозу, попытка «застолбить свой участок» и снова возвращение словно бы и к исходной точке, но с намёком на заранее уже выигранную позицию.

Очень трудно человеку, избранному на высший государственный пост одной из великих держав всего на четыре года, соперничать с якобы коллегой, но принадлежащим к страте, потомственно занимающейся этим делом вторую тысячу лет. Не озабоченному, очевидно, такими «важными вещами», как мнение конгресса, сената, избирателей, наконец! Ему на это — плюнуть и растереть. Самодержец ответственен только перед Народом, Богом и Историей.

— Ваша цель, Джеральд, — размеренно, очень убедительно, с доброжелательным, но в то же время и твёрдым лицом говорил Император, — функция или задача, назвать можно как угодно, заключается в том, чтобы убедить меня сохранить Россию в составе ТАОС, одновременно выторговав какие-нибудь преференции для своей страны. Я ещё не разобрался, самостоятельны ли вы в роли политика, избранного судьбой-историей, или же чисто конъюнктурно пытаетесь опередить события и оседлать удачный, на ваш взгляд момент. Или, что самое для меня удобное, просто выражаете согласованное в тиши кабинетов, где собираются члены всяких там «плющевых» и им подобным лиг¹, общее мнение. К «Хантер-клубу» не имеете чести принадлежать? Хотя вряд ли. Там другой уровень...

Доджсон не выдержал и вскочил, не выпуская из руки стакан, а из угла рта сигару.

— Вам не кажется?! — президенту показалось,

¹ Полутайные объединения выпускников престижных англо-американских колледжей и университетов. Некое подобие масонских лож.

что он сумел выразить должную степень возмущения *неджентльменским* поведением собеседника. Совсем забыв, а точнее, просто не зная, что русские цари и императоры с XV века великолепно умели *изображать* все положенные европейским владыкам формулы и позы *политеса*, на самом же деле по собственному усмотрению легко переходили от *властных стереотипов* византийских императоров к стилю и манерам ордынских ханов. И обратно.

Разве такому за пять или даже двадцать лет в «гарвардах» и «итонах» научишься? А вспомнить тысячелетней давности предка, какого-нибудь скандинавского ярла, Отара из Нидаросса¹, грязного хама и убийцу, с сотней викингов завоевывавшего тогдашнюю Францию или Англию, — воспитание и политкорректность не позволяют. А иногда бы и не мешало!

— Что мне должно показаться? — мягко спросил Олег. — Вы согласились говорить со мной по-дружески. О судьбах мира, заметьте. А такая высокая цель разве предполагает вспышки мелочного самолюбия? Подумаешь, упомянул, что для членства не в русском, заметьте, в английском клубе ваша должность — не повод. *Невместно*, батенька...

Президент десять лет изучал русский язык в колледже и университете, свободно на нём читал и говорил, но кое-каких тонкостей всё же не постиг. Ему бы лучше было вести переговоры с Императором по-английски. А он увлёкся. Вообразил, что

¹ См. роман В. Иванова «Повести древних лет».

использует лишний, а то и решающий в его игре шанс.

— Как? Неуместно, несовместимо? Что с чем?

Он и сам не заметил, что допустил непрости-тельную для большого политика ошибку. Поддался славянскому обаянию Олега, действительно незаурядного человека, только это обаяние было сродни нежности шёлковых нитей, какими паук обматывает свою жертву. Очень немногих людей на свете могли противостоять почти совсем неза-метному со стороны давлению могучей воли Императора.

Чекменёв, Ляхов (по известной причине), ещё кое-кто. Доджсон к этому типу не принадлежал.

— Не из той темы вопрос. *Невместно* — означает несоответствие занимаемому месту. Боярину Репнину невестно сесть за царский стол левее боярина Кошкина. Так Государь Император Пётр Алексеевич и формулировал — большого литературного таланта был человек.

Олег Константинович и своим талантом гордился — умением процитировать почти любой документ за последние триста лет дословно или очень близко к тексту.

«Ежели кто выше ранга будет себе почести требовать или сам возьмёт выше данного ему ранга, то должен быть подвергнут за каждый случай штрафу — вычету двухмесячного жалованья. Равный же штраф и тому, кто кому ниже своего ранга место уступит, чего надлежит фискалам прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахалам и тунеядцам получать. Почитание лиц по рангам не касается лишь тех случаев,

когда некоторые, яко добрые друзья и соседи съедутся или в публичных ассамблеях».

Император перевёл дух, смочил горло очередной гвардейской «соткой», вытер усы.

— Видишь, друг Джеральд, где настоящая-то демократия? Сам своё право упустил, так фискал напомнит. И тебе, и обидчику. И всё это было осмыслено и подробно расписано за сто почти лет до вашей, так сказать, Конституции...

Так вот нам, по положению, неуместно по пустякам, не касающимся исполняемых нами обязанностей, ссориться. Эмоции оставим для другого случая. Поэтому продолжаю.

Хотя мы ведём переговоры «без предварительных условий», одно наличествует априорно. Россия из ТАОС выходит. В нарисованном вами апокалиптическом сценарии, с которым я в целом согласен, нам гораздо легче будет продержаться в одиночку. Это очевидно. Просторы и климат делают мою страну куда менее привлекательной для «выходцев с Юга», чем любую другую.

Наша армия готова защищать *свои* рубежи до конца, от Владивостока до Варшавы, опираясь на полную поддержку привычного к любым невзгодам населения, генетически умеющего воевать без оглядки на собственную жизнь, и уж тем более — конвенции любого рода, если их заведомо не соблюдает неприятель. Наш мобилизационный потенциал, что вам, как Верховному Главнокомандующему американской армии, наверняка известно, на сегодня составляет сорок миллионов достаточно обученных военному делу мужчин в возрасте от двадцати пяти до пятидесяти лет. Ещё столько же, с привлечением женщин, может при-

нять участие в иррегулярных¹ формированиях и партизанском движении. Так что мы устоим в любом случае. Лишь бы патронов хватило, а их точно хватит.

Ни один, даже теоретически вообразимый противник не сможет, проникнув вглубь России на пару тысяч километров, просто физически выжить там больше нескольких недель — с напрочь отрезанными коммуникациями. При этом нашему солдату для поддержания полной боеспособности достаточно кружки кипятка и двух сухарей в сутки. Плюс — подножный корм...

Пока до «подножного» дело не дошло, Олег Константинович положил себе на тарелку несколько ломтиков страсбургского паштета, кусочек копчёного угря, какую-то зелень. Поднял на уровень глаз рюмку.

— Дорогой Джеральд, перед иными, называющими себя *цивилизованными* народами давным-давно не стоит проблема физического выживания этноса. А для нас это — тысячелетняя, увы, но повседневная реальность. К тому же (у русских — очень хорошая память, если кто не знает, просто мы из врожденной скромности ею не рисуемся), мы не забыли, как наши союзники по Мировой войне фактически предали Россию. Да, да — очередной раз предали, заняв якобы «нейтральную» позицию в нашей борьбе с большевизмом. На самом же деле — желая отхватить по куску, какой

¹ Иррегулярные — добровольческие подразделения, официально не входящие в состав Действующей армии, имеющие «свободную» организацию, но фактически действующие под командой старшего на данном участке ТВД воинского начальника.

проглотить удастся. Немцы — Украину и Прибалтику, англичане — Архангельск и Кавказ, вы с Японцами — Дальний Восток от Камчатки до Урала. Если всего урвать не получится — под благовидным предлогом отказаться хоть от ранее достигнутых договорённостей. В частности — по Константинополю и Проливам, нам обещанным за спасение Парижа и прочие мелкие услуги в одна тысяча девятьсот пятнадцатом году. Теперь, как говорится, долг платежом красен.

Доджсон не то чтобы смутился, но почувствовал себя некомфортно. Император прав, как личность и правитель гигантской, по всем показателям — могучей страны. Не только экономикой — железной волей, абсолютно нечувствительной к *привходящим* обстоятельствам.

Но это ещё полбеды. Олег и его страна действительно имеют практическую возможность предъявить союзникам счёт за все прошлые обиды, опираясь на *единодушную волевою позицию*, безусловную солидарность, или, как выражались в Византии, *симфонию* власти — светской, церковной и *нутряной*, народной, не всегда сформулированной, но всегда очевидной.

ЦРУ о раскладе внутренних сил в России президенту справочку представило. И специально отметило, что какая угодно оппозиция, под любыми лозунгами и за любые деньги не имеет там ни малейших шансов. Властям государства, обладающего полным комплектом так называемых «прав человека», реально не достижимых ни в одной другой стране, что в ТАОС, что за его пределами, в случае инспирированных извне беспорядков и рук пачкать не придётся.

Приказчики охотнорядских купцов, услышав о том, что на Скобелевской или Триумфальной площади опять *шелупонь* всякая против Государя агитирует, сначала спросят хозяина — можно на часик лавку запереть? Получив утвердительный ответ, вытрут руки о фартуки, неторопливо двинутся вверх по Тверской. А уж там, отнюдь не нарушая правил и законов, спокойно объяснят *интеллигентам*, что именно в позиции митингующих им не нравится.

— Ты сначала пойдёшь, с пяти утра спину на погрузке товара поломай, потом ещё десять часов за прилавком отстой, после и поговорим...

Довод, как правило, необбиваемый, при том, что ражие, по сто и более килограммов весом мужики сохраняют *предписанное властями* спокойствие. Кого тут обижать? Эти же господа, кто в пенсне, кто в очках, а кто и без — наших сыновей и дочек в своих Университетах высоким наукам обучают. Вот и пусть обучают, за то им хорошие деньги платят. Мы сами и платим. Да без подарочков на праздники не обходится — как без того? Так и ты против родной нашей власти — не балуй. От баловства все неурядицы происходят!

Доджсон, до своего президентства, пять лет в Петрограде послом оттрубил, многое в русской жизни понял, впрочем, ещё в той, «парламентской», а тут вдруг неудачно сошлось. Он, президентом став, с чужой точки зрения, советниками и партнёрами атлантическими навязанной, на Русские дела смотреть начал. Как будто бинокль наоборот перевернул.

Только сейчас спохватился, увидев, что не поезд от перрона трогается, на который опоздать без особой беды можно. Грозный линкор под флагом и гюйсом самодержавия вот-вот концы отдаст, и тогда, ваше превосходительство, господин президент, то ли мексиканцы для вас, то ли вы для мексиканцев каштаны в горячей золе собирать будете...

Эти именно слова Доджсону сказал партнёр по гольфу, восьмидесятилетний отставной адмирал, наполовину русский по крови. После чего, ночь просидев на веранде за бутылкой виски с ним же, президент и решил сделать поразительный по неожиданности и крайне эффектный ход ферзём.

Понервничав, сначала ожидая телефонного звонка, потом в ходе уже происходящего разговора, Доджсон увидел, что ферзя он поставил на нужное поле.

— Что касается любых других вопросов, Джеральд, — окончательно заняв *господствующую высоту*, сказал Олег, — мы готовы их обсуждать. Но только с вами, то есть — с Северо-Американскими Соединёнными Штатами. Ещё лучше — лично с вами — Джеральдом Гастингсом Доджсоном. Вы с вашими демократическими заморочками можете принять мои слова в штыки, но я говорю по-русски, от души. Выпьём?

Налили и выпили.

— Зачем нам другие собеседники? Нам — это я имею в виду своё собственное Императорское Величество, подписывающее Высочайшие рескрипты в такой грамматической форме, а также и Государство Российское в целом. Сроков пять вашего президентства примерно совпадут с продолжи-

тельностью моей предстоящей жизни. Только не надо, не надо мне рассказывать про вашу так называемую Конституцию! — Император театрально воздел к потолку руки. — Я уже сказал сегодня и повторю: «Суббота для человека, а не человек для субботы».

Знаете, Джеральд, вы мне очень симпатичны, как человек, а сам я, наверное, пребываю в некоторой эйфории от того, как легко удалось воплотить вековую мечту русского народа о настоящей, просвещённой и в то же время самодержавной монархии. Мне кажется, что философ был всё-таки прав, и мир — это только воля и представление. Ну, сами подумайте — мы с вами наметим обширные планы противодействия наступлению «Тёмных веков», которых вы так боитесь. Распишем, согласуем — и вдруг через три... Ах, уже через два года вам уходить?! Не переизберут — и всё! И по воле нескольких процентов дураков — конец надежде на выживание человечества?! Смешно, Джеральд, дико, бессмысленно. Не сомневайтесь, мы сможем вас поддержать. Особенно — через год-другой. Один ваш президент избирался на четвёртый срок, вопреки Конституции, и мир не рухнул. Мне кажется — совсем напротив. Но это — вопрос будущего. А что прямо сейчас мешает нам, например, договориться о разграничении сфер влияния в том мире, что начнёт в ближайшее время *переформатироваться*? О создании какого-то совещательного органа на двусторонней основе. Об обмене разведывательной и технической информацией и прочая, и прочая, и прочая...

— О координации, в случае необходимости,

действий наших флотов в Мировом океане, — добавил Доджсон, в прошлом морской офицер. Эта тема была ему близка.

— И даже о создании чего-нибудь вроде «Объединённого русско-американского комитета начальников штабов», — поддержал идею Олег, понявший, что, ничего, по сути, пока не сказав, президент де-факто принимает его предложение. Можно сказать, заложен краеугольный камень небывалого в истории российско-американского альянса.

— Я вот что представляю, — указал Олег Константинович на карту, — мексиканскую границу вы в любом случае удержите, войск у вас хватит. Канада — глубокий оперативный тыл. Для отражения любых иных потенциальных угроз нам никто не мешает превратить Тихий океан в российско-американское озеро. Договоримся о свободном базировании и ремонте ваших кораблей в Петропавловске и Владивостоке, наших — в Сан-Франциско и Сан-Диего. Очень даже хорошо выйдет, и верфи загрузим, и рабочие места появятся...

Доджсон, на которого равное количество выпитого подействовало скорее угнетающе, сел на подоконник и приоткрыл окно. Сквозь узкую щель хлынул резкий тихоокеанский ветер.

Олег Константинович видел, что цель достигнута. Уж больно яркую блесну он забросил президенту. Чрезвычайно выгодное предложение «на сейчас» и перспектива стать первым несменяемым президентом САСШ. Чего уж больше. Дальше пусть разбираются дипломаты. А научно-стратегическую проработку проекта поручим «пере-

светам» под общим руководством Чекменёва, если ему в России тесно стало.

Тут же и кодовое наименование запущенной операции в голову Императора пришло — «Мальтийский крест». Олег Константинович любил всяческую конспирологию, и придумывание хитрых названий своим планам было одной из самых невинных его забав.

Тут в двух, никому ничего не говорящих словах содержался намёк и на предстоящую роль генштабистов, в Москве сидящих, и по всему миру разведывательно-дипломатическую службу исполняющих, чьей эмблемой этот самый эмалевый Мальтийский крест является. На собственную роль, как наследника и продолжателя дел Императора Павла, планировавшего устроить совсем другую конфигурацию европейской политики, своевременно устранив Наполеона. Кто знает, что бы у него получилось, но интересные шансы имелись. Самое главное — Олег Константинович подразумевал себя прямым наследником последнего Гроссмейстера ордена Мальтийских рыцарей, и, естественно — законным властителем Мальты с её стратегическим положением. То есть — при подходящей возможности заняв остров, всегда можно выложить на стол кипу бумаг (было бы перед кем выкладывать!), после чего сотню-другую лет ждать решения какого-нибудь международного суда, на всякий случай созданного из представителей Чили, Эквадора и Республики Кокосовых островов под председательством Специального прокурора из Монголии.

Ещё немного поговорили теперь на совсем общие, не имеющие отношения к высокой диплома-

тии темы. Как два близких по возрасту и интересам мужчины, оказавшиеся в домике, обдуваемом арктическим ветром и поливаемом дождевыми зарядами. С бутылкой виски на столе между ними. Примерно как персонажи рассказа О'Генри «Справочник Гименея». Один — о рубаях Хайяма, другой — о «Херкимеровом справочнике необходимых знаний».

— С удовлетворением можно констатировать, что наша первая встреча прошла плодотворно, в тёплой и дружеской обстановке, — сказал Император. — Я лично удовлетворён. Предлагаю в завершение обменяться рукопожатием и крепким мужским словом.

— Не возражаю. Но «мужское слово» — в чём?

— В том, что мы лично обязуемся друг другу в случае возникновения каких угодно недоразумений, на любом уровне, с чьей угодно подачи, хоть вашего Госсекретаря, хоть моего премьера, не принимать опрометчивых решений, не давать воли эмоциям, не обсудив проблему наедине. Это может впредь оградить нас от глупых размолвок.

Второе — вы без предварительных консультаций со мной не поддержите никаких решений прочих членов ТАОС, направленных против России.

Третье — Россия обязуется в приоритетном порядке, независимо от чьей бы то ни было позиции и минуя международные организации, рассматривать любые вопросы, касающиеся взаимных интересов наших стран. И ждёт от вас того же.

То есть, — Олег сам подошёл к окну, за которым стихия по-настоящему разгулялась. Чёрт его знает, взлетит ли вертолёт? Но «Г-200», самая большая в мире летающая лодка, способная при необходимости даже в пятибалльный шторм идти несколько часов в режиме экраноплана, его домой доставит. Подхватил рукой дождевую воду, льющуюся с козырька, умыл лицо. — То есть я предлагаю фактически вернуться к временам президента Линкольна, Авраама вашего, и Императора Александра Николаевича, Второго. Наше соглашение *формально* никого ни к чему не обязывает, кроме как к столь редкой на вершинах власти элементарной порядочности и дворянской чести...

— Я, увы, не дворянин, — усмехнулся Доджсон, протягивая руку.

— Однако британским рыцарем являетесь, приняв в прошлом году этот титул от их королевы. Теперь станете русским дворянином, что никак не ниже «сэра», если согласитесь принять от меня в память о нашей встрече орден Белого Орла. Созвучен вашему национальному символу и даёт право на потомственное дворянство Российской империи. Кроме того — он очень красив. С вашими наградами, прошу прощения, нет никакого сходства.

— Приму с благодарностью. К сожалению, чтобы ответить вам столь же достойно, мне придётся провести решение через Конгресс. Я надеюсь, за этим дело не станет.

Олег принял из рук адъютанта большую, как том энциклопедии, сафьяновую коробку, извлёк лежащий в чёрном бархатном ложе орден. Собственноручно надел на шею Доджсона синюю муаровую ленту с ювелирной работы крестом.

Тут же войсковой старшина Миллер, личный адъютант Императора, неизвестно откуда извлёк две бутылки лучшего Голицинского шампанского. Только ко двору Государя поставляемого. Раньше, бывало, в фирменных магазинах продававшегося, пусть и по дорогой цене. А теперь — нет.

Выпили, президент непроизвольно погладил рукой орден — не малозначащая европейская бляшка, а настоящая награда, одна из высших в Империи. Да и вручен не «от имени и по поручению», а лично!

— Знаете, Джеральд, как вас теперь положено *отчествовать*, яко настоящего столбового дворянина? Вы ведь наши обычаи знаете?

— Форстерович, — улыбнулся навстречу императорской улыбке президент.

— Так хочу тебе сказать, Джеральд Форстерович — я теперь имею право на *ты* обращаться, гра-амдную ты только что ошибку совершил. — Олег Константинович просто лучился весельем и добрым юмором.

— Уточните, пожалуйста, — сам не понимая почему, напрягся президент. Нехорошим холодком вдруг за воротник рубашки повеяло.

— Да нет, ничего, настолько-то ты русский язык понимаешь, со всеми его сложными оборотами. А в психологии и геральдике — мимо пролетел. Орден принял, к сердцу прижал, за честь оказанную винишка пригубил. Только самую-самую тонкую детальку твоё трижды высшее образование понять не позволило. Минуты, чтобы догадаться — хватит?

На тридцатой секунде до Доджсона дошло. Ох, как дошло!

Если кавалер ордена Белого Орла — автоматически дворянин, а также — особа IV класса¹, а Император — Всероссийский, несменяемый Предводитель дворянства да одновременно — глава орденского капитула, так кто теперь для него «их высокородие» господин Доджсон?

Тут, конечно, всё непременно сводилось к обыкновенной шутке, не феодальные времена всё-таки. Не потребует же от своего «сэра» английская королева громоздиться в седло и ехать освободять Гроб Господень. И тем не менее...

Никто бы не помешал американскому президенту сорвать с шеи этот царский орден, хоть на пол бросить, хоть вежливо, с поклоном, в руки возвратить. Но — не сделал. Иначе — что дальше будет? Император сильнейшей на планете державы мгновенно из друга превратится в злейшего, смертельного врага. Самодержцы такого не прощают. А времена ведь действительно грядут ох какие непростые. Союзниками (такими союзниками!) разбрасываться — себе дороже выйдет.

— Ты, Форстерович, теперь кто? — продолжал Олег Константинович. — Я твою американскую должность не беру. Там ты вольный владыка заморской державы, над своими людишками властный, в полном праве (а я тебя поддерживу, хоть флотом, хоть танками). А на российской земле — видишь, как получается... Я ведь тебя за язык не тянул, первый ты мне сказал, что боишься наступления «нового феодализма»! Если опасаясь, так

¹ По «Табели о рангах» — действительный статский советник гражданских ведомств, генерал-майор и контр-адмирал — военных.

отчего же нам с тобой первыми на его наступление не среагировать? Целее будем!

Трудно — понимаю, демократические кандалы шагнуть не дают. Куда ж нам без «Либерте, эгалите, фратирнете»?

Если же «посмотреть с холодным рассудком вокруг», очень даже понятно — куда. Тем более — зачем.

Император видел, что Доджсон не по обстановке занервничал. А что, казалось бы, такого произошло? Ну, орденом его почтил, все иностранные лидеры постоянно друг друга чем-нибудь да награждают. Другое дело — никто, наверное, так вот грубовато не намекал... Да ничего, переживёт, одумается, когда хмель выветрится.

— Садись, садись, — указал рукой президенту на кресло Олег Константинович. — Шампанское — мы просто так выпили. По традиции. Сейчас Миллер нам чего-нибудь лучше принесёт...

Никто на свете не поверил бы, что американский президент, что называется, *поплыл* под психологическим натиском русского царя. При условии, что кому-нибудь на свете вообще позволили бы наблюдать подобную картину. Кроме адъютантов и камердинеров, естественно.

Император закурил свою обычную папиросу, трезвый что в алкогольном понимании, что в эмоциональном. Обратился к президенту, совершившему самую большую ошибку в своей жизни, попытавшись с Олегом Константиновичем разговаривать, как с каким-нибудь Каверзневым или Паттон-Фантон-де Вирайоном¹!

¹ Президент Франции в 2005 — 2010 гг.

Прикиньте разницу. Одному — в двадцать лет поступить в самый престижный университет САСШ, имея за спиной родителей-миллионеров, два колледжа, чудесный жизненный опыт бонвивана, где и недельная поездка в Париж «по девочкам» мало отличалась от «простой» выпивки в кампусе с однокурсницами. Легкая и приятная жизнь. Президентом далеко не каждый станет, но правительственным чиновником или адвокатом с не меньшим заработком — гарантированно.

Другому, пусть и урождённому Великому князю — с десяти лет воспитываться в обычном кадетском корпусе, где никого не интересует твоё происхождение. Выживешь — молодец! Сломаешься — даже ротный воспитатель за тебя не ответит. «Не потянул парень» — и всё на этом.

Потом, в девятнадцать — три года самого тяжелого в России военного училища — Николаевского кавалерийского.

Кто не знает, как весь первый семестр кожа с бёдер и голеней до мяса стирается, а в седло каждый день садиться надо, хоть умри, — тот ничего не знает. И в двадцать два — погоны корнета. Служи, куда пошлют.

Никого твои весьма относительные шансы на опереточную должность Местоблюстителя не интересуют. Почти двадцать следующих лет и оттаранил, только в Уссурийской тайге — четыре!

И вот напротив этого, битого-перебитого, почём фунт лиха — до копейки знающего человека — целый президент. И даже — великой державы. Спокойный, сытый, мясом кормленный, как казаки, две недели, бывало, конским комбикормом питавшиеся, о «территориалах» выражались.

— Ты Джеральд, одну вещь пойми, — сказал Император, опрокинув очередную стопку и подождав, пока Доджсон сделает то же. — Через полчаса мы разойдёмся, весь наш забавный разговор тобою забудется...

— А тобою — нет? — спросил президент, начавший пьянеть быстрее и ощутимее.

— У меня такое поганое свойство, я за всю жизнь не забыл ничего. Ни одной прочитанной строчки, ни одной сказанной мне или мною фразы. Речь не об этом. Пожалуйста, запомни сам и передай всем тем, кого ты считаешь соотечественниками и коллегами, а я — нет. Я, собственно, для того и прилетел, чтобы довести до всех сравнительно вменяемых людей простейшую, по идее, мысль...

Секретарь поднёс президенту стакан с двойной дозой «Алкозельцера», да ещё и чашку кофе.

Император рассмеялся. Обидно, разумеется.

— Миллер, мне ещё чарку, и огурец где-нибудь поищи...

Требуемое немедленно нашлось.

— Послушай меня, Джеральд Форстерович. Ни на какие твои прерогативы я не посягаю. Всё, что слышал, смело можешь на счёт моей весёлой натуры отнести. Люблю людей разыгрывать, с детского корпуса привычка осталась. Там без специфического юмора не выживешь. Но вот что своим друзьям передай. — Император снова подошёл к окну, опёрся о раму плечом, опять залюбовался серым штормовым океаном. — Россия никого сдавать не будет. Не в наших это привычках. Твоя Америка от внешнего вторжения защищена. Со стороны Канады на вас никто не нападёт. Мы че-

рез Берингов пролив — тоже. По мексиканской границе можете колючее ограждение под током от моря и до моря создать. В десять колов. Ваше дело. У «Чёрного интернационала» авианосных эскадр в ближайшие двадцать лет не появится. Следовательно?

— Следовательно, нам никто не угрожает, — согласился Доджсон.

— Верно. И какой вам интерес в чужие дела путаться? Изоляционизм — великолепная политика для твоей страны. Живите и развлекайтесь. Был я как-то в Лос-Анджелесе, Голливуд видел. Давайте и дальше кино снимайте, мы вам в ближайшее время тоже заказики подкинем. Сценарии и артисты найдутся...

Олег Константинович хитро посмотрел на президента.

— Ты так и не догадался, в чём мой *настоящий* интерес?

— Прости, Олег, до конца не понял, — развёл руками Доджсон.

— Тогда слушай. Первое — я хочу, чтобы вы, американцы, и все, кто ещё считает себя европейцами, поняли — Россия больше *никогда ни для кого* каштаны из огня таскать не будет. Ни, как в тринадцатом веке, мы вас от монголов заслонять не станем, ни, как во времена Наполеона, в ваши разборки не полезем. Есть такая, не очень благородная русская присказка: «Умри ты сегодня, а я завтра». Вот на этом вся внешняя политика возглавляемой мною Державы и будет основываться. Отныне и до века. Хватит! Наигрались во «всесветную отзвучивость».

Второе — я очень хочу, прямо мечтаю, чтобы

вы, европейцы и американцы, снова научились быть нормальными людьми...

— Что значит — нормальными в твоём понимании? — спросил американский президент, загнанный в угол инвективами Императора.

— Чего же проще? — удивился Олег. — Мы перестаём вас защищать, а вы к этому очень привыкли — четырёхмиллионная русская армия и русский флот всегда окажутся там, где их ждут, и помогут, и спасут... Не так?

— Так, — согласился Доджсон и снова сболтул лишнее. Всё же триста граммов крепкого и два бокала шампанского — многовато для слабых англосаксонских мозгов. — Ведь это ваше предназначение — спасать...

Спыхватился, но поздно.

«Это же как у них, телесным и мозговым са-лом заплывших европейцев, нормальная, хрестоматийная шизофрения в мозгах уживается? — налился холодной, тяжёлой яростью Олег Константинович. — У всех сразу — от президентов и премьеров до последних мусорщиков. У почти миллиарда человек иудейско-христианской цивилизации. С одной стороны — русские, даже самые культурные и богатые, крупными западными фирмами владеющие, на балетных подмостках танцующие и чемпионаты мира почти по всем видам спорта выигрывающие, — всё равно тупые варвары и потенциальные бандиты. А что внешность у них самая что ни на есть арийская и женщины красивейшие в мире — так это странный каприз природы.

Зато с другой — стоит затеяться в мире по-настоящему крутой заварушке, этим, по сути, ник-

чёмным европейцам всерьёз угрожающей, — только на русских и надежда. Не зря поручик Ненадо вспоминал, как в пятнадцатом году в Марселе француженки цветы под ноги солдатам Второй Особой бригады бросали, на шеи вешали, «Вив ля русс!» кричали. Потому как немцы чересчур близко к Парижу подошли, и повторением тысяча во семьсот семидесятого года здорово запахло.

А леса вдруг в Пиренеях как следует разгорятся — к кому первым делом за пожарными вертолётными, летающими лодками и спасателями? К русским! К норвежцам или немцам и не пробуют обращаться. Даже в голову не приходит».

Не видел ещё Доджсон разозлённого, но из последних сил сдерживающегося Императора. Это Николай Второй злиться вообще не умел, только обижаться, а предыдущие Романовы очень даже! Николай Первый Павлович чуть войну Франции не объявил, когда про него фарсовую пьеску в парижском театре поставили. Вежливо, через посла попросил эту пакость из репертуара убрать. Тогдашний президент, Луи-Наполеон, императором ещё не назначенный, заявил, что у них демократия и подобные вопросы не в его компетенции. Пришлось Николаю передать по телеграфу, что в таком случае он направит в Париж миллион зрителей в серых шинелях, которые пьеску непременно освищут. Так и сняли — никакая демократия не помешала.

— А вот этого — не видел? — вопреки всем законам дипломатии (да и при чём здесь дипломатия, если Олег считал, что разговаривает со своим вассалом), Император показал президенту обыкновенный, простонародный кукиш. — И не возму-

щайся, — тут же пресёк он возможный протест. — У нас многие лишние слова заменяются жестами. Степняки-кочевники, что с нас взять? Повторяю — *с сегодняшнего дня мы никого спасать не будем!* — сказано было так, словно каждый звук этой фразы произносился отдельно и с особым напором. — Как в морском законе, вами, англосаксами придуманном: «Нет спасения, нет вознаграждения». Наоборот — ещё правильнее. Мы, дураки-русопята, тысячу лет всех бесплатно спасали, сами при этом погибая нередко, и в голову никому прийти не могло, что с нуждающегося в помощи можно за спасение деньги брать...

— Что ты от меня хочешь? — потерянно спросил президент, понявший, что напрасно он в эту игру ввязался.

— От тебя? — удивился Олег, восстанавливая душевное равновесие. — Совсем ничего. Третий раз повторяю — мы хотим, чтобы вы, в духе той декларации, что ты изложил, насчёт угрозы Дикого Юга цивилизованному Северу, объявили у себя всеобщую мобилизацию, построили всех, способных носить оружие, «под ружьё», перевели экономику «на военные рельсы». Знаешь такое выражение?

Доджсон грустно кивнул. Он, похоже, уже мало что соображал геополитически. Примерно как король Греции на крейсере «Олег» в одиннадцатом году, в обществе лейтенанта Луки Пустошкина¹. Забавный, в своём роде, случай.

Крейсер пришёл в Афины и давал бал в честь королевской семьи. Королева эллинов, как извест-

¹ См. С. Колбасьев, «Поворот все вдруг». Л. 1986 г.

но, была русская, бывшая Великая княжна Ольга, и в обществе соотечественников чувствовала себя превосходно. Король же Георг, за номером первым, по рождению был датчанином, но за отсутствием практики по-датски говорить разучился. По-гречески учиться не хотел — он уже вышел из такого возраста, чтобы учиться. По-французски ни слова не понимал, а по-русски, конечно, ещё меньше. Вообще только мычал, и от этого ему было очень скучно.

Луке Пустошкину, который к тому времени дослужился до старшего лейтенанта, приказали его величество развлечь, и он сразу сообразил, что ему делать.

Почтительно пригласил монарха следовать за собой, в пустую кают-компанию. Показал ему всё, что стояло на столе, и сказал: «Вуаля!»

У короля лицо сразу стало более интеллигентным, и даже замычал он как-то веселее...

Примерно после десятой рюмки Лука проник к Георгу уважением. В первый раз в жизни своей он видел настоящего монарха, который пил, как лошадь. От избытка чувств он похлопал его по колену и предложил:

— Руа, бювон ещё по одной?

— Бювон, — согласился руа, сиречь король, который к этому времени уже немного овладел французским языком.

Ещё через полчаса союз между греческим королём и русским старшим лейтенантом был заключён на вечные времена.

Они сидели обнявшись и плакали. Лука сквозь слёзы пел про камаринского мужика, а король горестно ему подвывал...

Доджсон, в отличие от Георга, пока ещё ухитрялся держать державного приятеля и сюзерена в фокусе обоих глаз и разбирал смысл произносимого.

— А мы, Великая Россия, — с напором говорил Олег, которому эти капли алкоголя до души не достали, — впервые в истории собираемся никому не помогать, забыть о случаях, на которые вы сильно надеетесь. Хватит, одним словом. Точка. Амба. Впредь, если *очень* попросите — то за *очень* большие деньги. К примеру — каждому русскому солдату, согласившемуся добровольно за вас повоевать, станете платить вдвое от принятых у вас сумм. Подходит?

— Ошибиться не боитесь? — неожиданно трезвым голосом спросил Доджсон.

— Нам ошибаться не в чем, — ответил Олег. — Вы, допустим, за океаном какое-то время отсидитесь. Европейцы — хрен. Ежели попрёт на них миллионная сила через Средиземное — не отобьются. Пока этого не случилось — перескажите и им то, что мне объясняли насчёт положения на Юге. Пускай у себя объявляют всеобщую мобилизацию, тренируются круглосуточно (инструкторами мы поможем), бросают всё и готовятся к тотальной войне...

— Да как же это можно, так сразу? — спросил Доджсон.

— Можно, если жить хотят. Езжайте, как Вудро Вильсон, с лекциями, разъясните, что их ждёт. Мы, Россия, ни в какие конфликты, нас лично не касающиеся, вмешиваться теперь не будем. Зато согласны взять на себя обеспечение всех стран

ТАОС продовольствием, газом, нефтью и любой промышленной продукцией, производство которой у вас упадёт вследствие всеобщей подготовки к войне. Оружием любой номенклатуры и в любых количествах. По рыночным ценам, естественно.

— Хорошо вы всё продумали, — слегка обескураженно ответил президент.

— Вы надеялись — это мы станем даром кровь проливать, вы — за деньги технику поставлять. Наоборот — не желаете ли?

На этом, собственно, переговоры и завершились. Главное сказано и услышано. Олег Константинович не сомневался, что все его условия будут приняты, а куда деваться? Ну, само собой, формулировки можно уточнять и шлифовать, но — непринципиально.

Император надеялся, что кое-какие акции, планируемые Катранджи в Средиземноморском бассейне, произведут на европейских политиков, а главное, на их электорат нужное впечатление. После чего останется только ждать и прикидывать, чьего премьера или президента можно принять сразу, а чьего — в приёмной помять. Русские князья, бывало, в Орде по полгода у ханов аудиенции ждали...

ГЛАВА 19

— Ты свою партию провёл блестяще, — сказал Секонд, наблюдавший все перипетии поединка разумов и воли со стороны.

— Не преувеличивай. Шульгина бы на моё место — вот был бы мастер-класс. Я ещё удивляюсь,

как прилично президент держался в полностью проигрышной партии. Не знаю — впервые столкнувшись с подобным... Типаж таких, как он, ребят, мне знаком с детства. Художественное мышление и раскованная фантазия у них отсутствуют от природы: невозможно совместить свободу воображения и волю к власти. Это не упрёк, а медицинский факт. Никто никогда не видел выдающегося штангиста, в свободное время концертирующего в составе струнного квартета.

Наш президент — способный человек, один из лучших на таком посту со времён Сталина. Только фантастики — Стругацких, Азимова, Шекли, Андерсона — наверняка не читал. Не в жилу она юным прагматикам. Иначе мозги не в ту сторону повернутся. Нельзя одновременно ассоциировать себя с Руматой Эсторским и работать доном Рэбой...

— Это ты зря, — насмешливо сказал Секонд, наконец-то получивший выигрыш в позиции. — Я последнее время именно доном Рэбой и служу, воображая себя при этом Руматой...

«Трудно быть богом» он прочитал с подачи Фёста едва ли не в первые дни их близкого знакомства. Был одновременно поражён и восхищён книгой, с тех пор регулярно её перечитывал, постоянно соотнося свои мысли и поступки с текстом.

— Только вот зря ты своего президента в положительном смысле со Сталиным ассоциируешь. Считаешь, Сталин вообще лучший, а этот — второй после него? Кому-кому, а уж мне ты такого не говорил бы...

— Тебе-то что? Ты в его реальности не жил. Но

если в общем смысле — мораль оставляем за кадром. Критерий один: цель — качество — эффективность.

Мой наставник Александр Иванович поработал с этим историческим монстром. В реале. Кажддневно рискуя головой. И сказал: жертвы неизбежны при любой системе, неважно — от голода, репрессий, наркотиков, суицидов и никчёмных войн. Но что на выходе? Те же самые миллионы умерших, но — «просто так». Которые не смогут внукам сказать нечто вроде: «А зато я строил пирамиду Хеопса, Беломорканал, раздолбал японцев при Халхин-Голе, взял Берлин, запустил первый Спутник! За следующие пятьдесят лет, внучок, умерло ничуть не меньше, или — не намного меньше людей, но совершенно бездарно!» То, что Сталин — палач, никак не отменяет результата его «исторических свершений». Как у Петра Первого или всеми забытого Ивана Калиты. Все они, если угодно — функция. Производное исторических обстоятельств, сложившихся в тот или другой период на Главной исторической. Возникла ситуация, коллизия, если хочешь. Татаро-монгольское иго, татаро-монгольское эго! И в любом случае, если ты на должность поставлен, надо как-то разгребаться.

Мы же с тобой врачи! Слава богу, не довелось на холерных, чумных, тифозных эпидемиях работать, как в девятнадцатом веке нашим коллегам. А если бы пришлось? До идейных ли воззрений или политической правоты тех, кого нужно хлоркой засыпать и в общую яму столкнуть? Тем более, сейчас размышлять о тонкостях психики пер-

сонажа, помершего полвека назад, нет ни малейшего настроения. На это воловичи есть...

— Да ты что? — возмутился Секонд. — Свои ли слова говоришь? Мрак какой-то. На тебя никак не похоже!

— На тебя — тоже, — огрызнулся Фёст. — Кроме тех книжек, что тебе всесветный гуманист Левашов подсовывал, у Новикова с Шульгиным ещё бы что-нибудь попросил. Для стереоскопичности взгляда на *настоящую* человеческую историю. «Трудно быть богом» — ужасно благородно, — изобразил Фёст интонацию одного из персонажей указанной книги. А ты Шаламова почитай, как без всякого благородства люди в лагерях дохли. У Солженицына, в сравнении с ним — не лагеря, а санатории. Уж о моём отношении к *моей* истории и к *нашему* сталинизму говорить больше не будем. Не желаю! Хватит!

Ты со мной работать собрался? Привыкай. — Вадим-первый явно нервничал, покусывал губу, взял сигару, отбросил, закурил сигарету — меньше отвлекает.

— Двойники, говоришь? Ни черта ты не сообщаем. Ты бы смог сейчас — на моё место? Владимир Ильич Ульянов-Ленин то ли для понта, то ли в порыве откровения сказал однажды: «Не могу музыку слушать. После неё людей по головке гладить хочется, а по ней — бить надо!» И мне президента в абсолютно безвыходное положение, да ещё с хамскими выходочками, ставить совсем не хотелось. А куда деваться? Ты фильм «Горячий снег» смотрел?

— Смотрел, — кивнул Секонд.

— Так вот по замыслу операция совсем дурац-

кая была. Тактически и оперативно. Через сорок лет никто из теоретиков так её и не обосновал в научном смысле. Но полста тысяч солдат и лейтенантов в ней по полной правде угрохали! Ни за что! Ты думаешь, почему генерал Бессонов с таким мёртвым лицом по позициям идёт и шестью орденами «Красного Знамени» совесть отмазать пытается? Потому что до этого трусил, не нашёл в себе сил кому надо наверх сказать, что операция эта никчёмная и бессмысленная, кровью ещё двух армий будет оплачена. Так это режиссёр сообразил и придумал. А настоящим персонажам, в натуре эту мясорубку устроившим, — им что?

Им ничего. В худшем случае послушали через двадцать пять лет песню одного нашего барда: «Я маршал, посылающий на смерть».

При штурме Зееловских высот какой-то смысл в жертвах был, пусть и несоразмерный. А при атаке грозненского вокзала Майкопской бригадой в девяносто четвёртом? Да откуда тебе это знать...

Фёст махнул рукой и налил себе полстакана из бутылки, предназначавшейся президенту.

— Поэтому ни жалости, ни сочувствия у меня ни к кому не осталось. Одна надежда — президент задумается и начнёт свои обязанности как должно исполнять.

— Террором и репрессиями?

— Не бойся. Террор и репрессии я на свою совесть приму. Мне давненько уже терять нечего. Но если с нашей страной ещё хоть что-то хорошее сделать можно, я это сделаю. И плевать хотел на комментарии! В историю моё имя по-любому не войдёт.

— А хотелось бы? — провокационно спросил Секонд.

— Да вот ни на грош. Ты за свои подвиги в Москве и кресты получил, и аксельбанты. А я? И ни хрена мне не надо. Что, от Шульгина медальку «За боевые заслуги» попросить? От вашего Императора памятный значок? Так ты за меня получил, мне рядом с тобой *не по делу* стоять было. Мы с Ненадо и другими корниловцами во дворе пили, нам за царским столом места не хватило...

— Какие мы с тобой разные стали, — печально сказал Ляхов-второй.

— Совсем ничуть. Это тебе случайно показалось. Захотел во мне своё подобие увидеть — и увидел. Капитально при этом ошибившись. Что между нами общего, кроме одинакового генетического кода? Под пулями рядом лежали, стреляя в одну цель? Неплохо вышло, только результаты снова неодинаковые...

Фёст, прервав резкие, рвущиеся из души слова, несколько раз глубоко вздохнул. Отошёл к открытому окну, дотянул сигарету и выбросил окурок на улицу, подумав: куда же он прилетит? В ту или в другую реальность?

— И всё же ты мой брат-аналог? — спросил он, возвратившись к столу.

— Несомненно, — ответил Секонд.

— Тогда тебя не шокирует мой поступок? Я сейчас пойду в комнату к Людмиле. Попробую с ней поговорить, не как «работодатель», тобою назначенный, а просто так... Можно?

— О чём ты спрашиваешь? — удивился Секонд.

— Именно о том. Можно мне с этой девушкой повести себя как со случайно встреченным сегодня и здесь человеком? Кинофильм «Июльский дождь» видел? Да, — он махнул рукой, — откуда ж тебе... — Снова закручинился. — Ладно, ты ей потом скажи, что ли, чтобы она меня как саиба, за большие деньги её купившего, не воспринимала...

— Нет, ну зачем ты опять? — Вадим-второй не столько обиделся, сколько расстроился. — Ничего ей говорить не нужно. Для неё я командир, в плане сложившихся в нашем мире обстоятельств. Ты теперь — понятно, кто. Либо она — эскорт-леди, либо ты её телохранитель. По обстановке. Вот и решайте сами...

— Понятно, — со странной интонацией ответил Фёст. — Любопытно, конечно, но и вправду, попробую сам разобраться... Ты знаешь, она мне действительно очень понравилась. Как одна похожая девушка на преддипломной практике. А, — махнул он рукой, — всё без толку! Раньше бы ты понял, сейчас наши установки слишком разошлись. Короче — ложись спать, фронте камерад. Комнат здесь даже слишком много. Иногда страшно становится.

— Чего тут не понять? — удивился Секонд. — Физически она и меня волнует точно, как тебя, раз у нас и структура личности, и гормональный набор одинаковые. Сразу не хотел говорить, себя и тебя проверял. На «Валгалле» мы с девчонками с утра до вечера общались, и на штурмполосе, и на пляже, и в музыкальном салоне. Я её сразу из всех выделил, потом тебе колоду фотографий предъявил — ты её выбрал. Я понял — что не ошибся.

Значит, генетически и психофизиологически она тебе и мне больше всех подходит. Другое дело — я человек женатый, в целях самосохранения научился кое-какие рефлекторные дуги и ассоциативные цепочки отключать...

— Она-то нам, может, и подходит, а как мы ей?

— Экспериментировать, естествоиспытатель...

Фёст вошёл в отведённую Вяземской спальню, очень большую для помещения такого назначения. Кроме широкой кровати, шкафа, тумбочек и прочего там, на специальном столе, стоял не секондовского времени, а настоящий здешний компьютер. С большим жидкокристаллическим монитором, принтером и другими наворотами.

Удивительно, но Людмила освоилась с ним почти мгновенно. Наверное, брала уроки во время практики на «Валгалле». Сидела напротив экрана, бегала пальцами по клавиатуре, будто только для этого и родилась. Перед ней разворачивались то тексты из «Гугла» и «Яндекса», то фотографии и отрывки зачем-то нужных ей фильмов из здешней реальности.

Свой серый жакетик она бросила на соседний стул, а тонкий белый свитер с воротником под горло, юбка ниже колен с разрезами, серые, змеиной кожи туфельки с высоченными шпильками оставались на ней.

Ляхов обратил внимание, без которого не жить и не выжить, что два своих пистолета со всей тяжёлой сбруей (суммарно — почти три килограмма) Люда тоже сняла, но положила рядом.

Его подготовки хватило бы, чтобы длинным

броском, вроде «флеш-атаки»¹, достать от двери до так небрежно оставленного оружия. Схватить, перевернуться, выстрелить!

Только незачем. И не в кого.

Людмила скосила на него глаза и снова повернулась к экрану. Там, наверное, было интереснее. Яркие подземные тоннели, жуткие монстры, голые девицы, палящие из бластеров и попадающие под зубья мясорубок. Развлекаловка, одним словом. В натуре вам, барышня, такого мало?

Ляхов испытал очень сложное чувство. С одной стороны, девушка, находясь в абсолютно защищённой квартире, под прикрытием двух старших офицеров, её начальников, на самом деле могла ничего не опасаться. И вести себя так, как ведёт. Вроде ежика, развернувшегося, лёгшего на спину и подставившего миру мягкое брюшко.

А с другой — что же это за телохранительница, бросившая пистолеты и не думающая, что убийцы могут, например, легко нагряться через окна третьего этажа. Или, используя какой-нибудь газ мгновенного действия, пущенный в вентиляцию, нейтрализовать охраняемые объекты, а теперь прийти за ней.

Паранойей пахнет, разумеется, но отчего бы не поучить *молодую* на наглядных примерах?

Все видели фильм «Место встречи изменить нельзя»? Как там Жеглов слегка поучил молодого

¹ Один из приёмов фехтования, от слова «стрела». Прямая, длинная, стремительная атака всем корпусом с далеко выставленной шпагой или рапирой в грудь или лицо противника. Обычно не отражаемая.

Шарапова насчёт правил обращения с секретными документами? Все, кто смотрел, сочувствовали Шарапову. А на самом деле на чьей стороне правда?

Проходя мимо, он мгновенным движением прихватил ременный пояс с двумя кобурами, сунил его под мышку.

Только тут Вяземская дёрнулась. Поздновато.

Вадим прошёл в эркер, где стояло несколько цветков в кадках, положил оружие на широкий подоконник. Внимательно наблюдая за её движениями, достал сигарету из обычной, чуть смятой пачки, закурил.

— Подпоручик! — Он постарался, чтобы его голос хлестнул, как длинная, вибрирующая стальная полоса. Как у капитана Гергарда фон Цвишена из романа «Секретный фарватер». Куда там Секонду с его интеллигентскими замашками! — Где ваше оружие?

На Людмилу жалко было смотреть.

— Это вы меня собрались охранять или как?

— Вадим Петрович, но...

— Какие могут быть «но»?

Ляхов собрался сказать ещё одну очень неприятную для девушки, зато вполне подходящую плохому солдату фразу, но вовремя опомнился. Не садист же он, в конце концов. Ей и так хватит самоуничижительных мыслей на несколько дней. А в таком возрасте подобные *неурядицы* переживаются очень тяжело. Немедленно нужно отыгрывать назад. Насколько получится.

— Иди сюда, Люда...

Она подошла, понунив голову. Ляхов приобнял её за плечо правой рукой, левой время от времени поднося к губам сигарету.

— Ты меня прости, девочка, — сказал он. — Урок чересчур, наверное, жёсткий. Но запомнишь, да?

Вяземская подняла на него совершенно невероятные, невыносимые цветом и настроением глаза. Вдобавок — набухшие слезами.

— Разок всего *прозеваем*, — он подчеркнул тем, что не она только, вообще, — и концы нам. Что в своей квартире, что в африканских джунглях. Всегда нужно начеку быть...

И не удержался, то ли вину (вполне условную) захотел загладить, то ли просто одинокую девушку, третий раз из чужого мира в ещё более чужой перебрасываемую, приласкать, успокоить. Провёл ладонью по щеке. Удивительно нежной.

— Я не говорю, что ты должна круглые сутки палец на спуске держать. Но и бросать оружие, где ни попадя — непрофессионально. Оно должно быть либо при тебе, либо в не приметном и в то же время легкодоступном месте, — осмотрелся, положил пистолеты на нижнюю полку компьютерного стола.

Тем более — мы сейчас в большую игру ввязываемся. Договорились?

Людмила кивнула.

Он вдруг вспомнил, зачем пришёл. Не слишком удачная вышла прелюдия. Впрочем, как посмотреть...

Совершенно спокойным, безразличным тоном, скользя глазами по изящной лепнине потолка, спросил:

— Слушай, ты сейчас раздеться можешь?

Она снова посмотрела на него. В другой момент, наверное, спросила бы — как именно, по какому сюжету, но сейчас, ничего не сказав, начала исполнять приказ, замаскированный под вопрос.

Отошла на несколько шагов, к стоявшему рядом с кроватью стулу, повернулась к Ляхову спиной. Неторопливо, с неподвижным лицом стянула тугой свитерок, слегка растрепав причёску, повесила на спинку. Следом за ним юбку. Можно было подумать, что в комнате, кроме неё, никого нет и она просто готовится ко сну, почти автоматически, погружённая при этом в глубокие мысли.

«Да уж, не стриптиз», — подумал Вадим. — Но как раз он-то интересовал Ляхова меньше всего.

На Вяземской остались только форменные трикотажные трусики цвета хаки. Совсем не сексуальная деталь туалета, вполне пригодная для спортивных занятий на свежем воздухе. Скрестив руки на груди, Людмила повернула голову, стряхнув на половину лица густую прядь платиновых волос.

— Достаточно или совсем? — И непонятно, как девушка, раздевающаяся перед мужчиной, она это спрашивает или как солдат — командира.

Как девушка — она чудно была хороша. Фёст видел фильм «Три мушкетёра», шестьдесят, наверное, третьего года выпуска, и запомнил, навсегда влюбившись, в Миледи в исполнении Милен Демонжо. Наверняка Вяземскую под неё зрительно оформляли или, ещё проще — напрямую склонировали.

Тут же, в безвыходном лабиринте зеркальных

отражений собственных планов и чужих мыслей возникло простейшее решение.

— Подойди ко мне, — тихо сказал Ляхов.

Положил ладони ей на талию, там, где начинался плавный изгиб бёдер. Тяжело вздохнул, дёрнул уголком рта.

— Приказы выполнять умеешь. Вольно. На сегодня других не будет. Можешь отдыхать...

Пристально посмотрел ей в глаза.

— А если без приказов...

Пальцы на её теле слегка дрогнули, и этого оказалось достаточно. Людмила подалась вперёд, опустила руки, запрокинула лицо. Вадим коснулся губами её приоткрывшихся мягких губ. Совсем легонько, чтобы, в случае чего, это сошло просто за пожелание доброй ночи.

Она тут же ответила, обвила руками его шею, прижалась всем телом.

«Неужели за несколько часов я успел произвести достаточное впечатление? — удивился Фёст, вспоминая, как нужно целоваться с юными девушками, впервые это позволившими. Чтобы и не разочаровать, и не испугать. — У неё здесь никого ещё не было, Секонд в курсе...»

В том, что он, тридцатилетний, приятной наружности мужчина, способен нравиться женщинам, сомнений у Ляхова не было, но всё равно странно как-то. Непривычно...

Наконец они оторвались друг от друга, Вадим потянул девушку за руку, усадил рядом с собой на край постели. Наклонился, потёрся щекой о высоко приподнятую, классической формы грудь.

— Ты, это... Не думай, если что... Я сейчас пойду... Просто — не удержался вдруг... Красивая ты...

Он сделал движение, чтобы встать. Людмила придержала его.

— Подождите. Поцелуйте меня ещё. Как хотите... Меня никто раньше не целовал. Вы так похожи с вашим братом. Мне кажется, что вас я тоже очень давно знаю. Потому и не боюсь совсем, — шептала девушка, пока Вадим целовал её крутые груди с затвердевшими сосками. Никакими духами от них не пахло, только слегка — туалетным мылом.

«Всё правильно, — думал он. — На пароходе, сколько они там прожили, всех мужиков — Воронцов да Секонд. Поневоле привыкла, где-то и влюбилась немножко. А при нём — жена неотступно. И в части — опять он то и дело перед глазами мелькал. В блеске погон и аксельбантов. И тут вдруг на тебе — брат-близнец, совершенно свободный. Очень даже интересно, — должна подумать Людмила. Теперь, главное, её не спугнуть. Несколько слов не так скажешь — и привет...»

— Ты, знаешь... — сказал он, с сожалением отстраняясь от Людмилы, — накинь на себя что-нибудь. Тут ещё работа кое-какая предстоит. Так чтобы не отвлекаться...

— Вам со мной не понравилось? — И опять глаза повлажнели. Но отстранилась послушно, нащупала рукой край простыни, набросила через плечо. Грудь вроде по-прежнему на виду, а вроде и прикрыта.

«Как она с таким эмоциональным фоном в «печенегах» служить сможет?» — удивился Фёст, не сразу догадавшись, что для Вяземской, да и остальных её подруг работа — это одно, а собственные

чувства — совершенно другое. Понятия абсолютно разноплановые. Непересекающиеся.

— Очень понравилось. — Он снова поцеловал её в губы. — Ты чудесная девочка. Только сначала как следует подумай. Вдруг ты принимаешь меня за кого-то другого? Даже если мы с братом очень похожи, я — не он. И наоборот. Жизнь, надеюсь, у нас не сегодня кончается...

Ляхов с огромным усилием отстранился от девушки, настолько красивой и настолько готовой стать для него самой-самой... О какой всю жизнь мечтал. Потому и отстранился. Завтра, может быть — послезавтра что-то и выйдет. Если она захочет увидеть в нём *того самого* человека. Тогда и подойдёт. Нет — нет. Тридцать лет прожил — ещё проживу.

— Тогда я вот тут, с краю постели прилягу, — сказала Люда, — вы отдохнёте, будем работать.

Легла, вытянувшись всем своим прекрасным телом, накинула поперёк бёдер простыню. Из скромности, как будто. Грудь не закрыла, а *то место* — сочла нужным. Ляхов поразился, но через минуту она действительно спала. Глубоко, по-настоящему. Такого не изобразишь. Ему пришлось выпить ещё рюмку коньяка, выкурить сигарету, изо всех сил заставляя себя не смотреть на раскинувшуюся, спящую на спине Вяземскую.

Вот и Бунин вспомнился:

Она лежала на спине,
Нагие раздвоивши груди, —
И тихо, как вода в сосуде,
Стояла жизнь её во сне.

Или не Бунин? Да какая разница?

Провёл ладонью по щеке девушки, послушал её тихий, неизвестно чем вызванный вздох, и вышел. В соседнем кабинете устроился на диване, целый час пялился на мутные фонари за окном, слушал стук капель по козырьку подоконника — снова дождь пошёл — и незаметно для себя уснул. Правда — ненадолго. И Люду разбудил. Служба есть служба, работа — работа. Единственное, что себе позволил, — приобнял за талию и коснулся губами шеи в вырезе халатика, что она на себя накинула. Ничего больше.

Все трое встретились в гостиной только утром. Людмила, в узких белёсых джинсах и сиреневой, в цвет глаз, маечке, туго обтягивающих соблазнительные формы, была спокойна, деловита, явно готова к дальнейшей работе. Хоть теоретической, хоть «в поле». Только общее выражение лица, глаз, манера держаться почти неуловимо для постороннего изменились. Однако Секонд посторонним не был. И порадовался за обоих, не обратив внимания на совсем лёгкий укол ревности.

— Люда, кофейку не затруднись, — попросил Фёст.

— Кофейком не обойдёмся, — сказал Секонд, когда девушка ушла на кухню. — Всё в порядке?

— Более чем, — ответил Ляхов-первый со странной интонацией, закуривая, вопреки общей привычке, до завтрака. Потянулся к пульту, включил первую программу телевизора.

Секонда до сих пор поражало, что в этом мире имелось больше полусотни программ кабельных и под двести тарелочных. Как в очень старом еврей-

ском анекдоте совсем на другую тему: «Кому это надо, и, главное — кто это видит?»

Как раз начинались утренние новости. То, что Вадим услышал из уст очень красивой дикторши с нерусской фамилией, его не то, чтобы совсем уж потрясло, но близко к этому. При всём его опыте участия в боях и спецоперациях.

«Прав был Фёст, все мы перед ними салаги! Я думал, он на девочку девятнадцатилетнюю запал, хвост павлиний распустил, уговорил, похоже — и всё. Дела побоку. Ночь короткая, Вяземская — мечта, а не женщина. Начальства над ним нет.

Вадим здраво оценивал свою (их с Фёстом общую) натуру. Если бы не Майя, если бы вообще они с аналогом поменялись местами, он наверняка предпочёл бы ласки Вяземской любому, никому, по большому счёту, не нужному делу. Президента и в другой раз *удивить* можно.

А вот братец поупёртее в своих намерениях, оказывается. «Первым делом, первым делом самолёты, ну а девушки, а девушки потом», — вспомнил он песенку из старинного фильма о здешней Отечественной войне.

Тридцатилетняя *гама* (по меркам секондовской России), улыбаясь только губами и не двигая ни одной другой мышцей на тщательно раскрашенном (как здесь принято) лице, мелодичным голосом сообщала собирающимся на работу соотечественникам, что в течение минувшей ночи случилось несколько удивительных происшествий. Для них здесь, в *этом мире*, ни страшных, ни трагических, просто — удивительных.

Известный рядом умеренно скандальных под-

робностей биографии депутат Госдумы господин «N» в три часа ночи возвращался из ночного клуба за рулём собственного «Бентли». Естественно, приобретённого непосильным трудом на ниве сомнительного законотворчества и ещё более сомнительного лоббирования. На скорости около двухсот километров в час вишнёвый красавец с большим шумовым эффектом пробил ограждение Краснохолмского моста и канул в грязные воды Москва-реки. Какой-либо злой умысел или теракт исключаются, поскольку нарушителя последние десять кварталов преследовали патрули ДПС, непрерывно подавая звуковые сигналы. Автомобиль и тело ищут до сих пор по причине крайней мутности воды и сильного течения.

— Номер раз, — сказал Секонд. Фёст равнодушно кивнул.

Люда прикатила столик с кофейником, чашками и тарелочками с холодными закусками.

— Может быть, вам яичницу поджарить? — спросила она, как настоящая хозяйка.

— Спасибо. Лучше потом в город сходим, пора тебе с ТВД¹ знакомиться, — поблагодарил Фёст.

— Всем хорошо известный предприниматель «NN», недавно поднявшийся на три пункта в списке Форбса, выпив сверх всякой меры в большой компании друзей в своём швейцарском замке, безобразно поскандалил со своей третьей женой, ударил её по лицу, вышел в соседнюю комнату и почти демонстративно выстрелил себе в голову из пистолета большого калибра, — сообщила дикторша.

¹ ТВД — театр военных действий.

— Два, — загнул палец Секонд.

Фёст разлил по рюмкам коньяк.

— Ну, за всё хорошее. — Он посмотрел на Людмилу и едва заметно ей подмигнул. Вадим-второй увидел, что сияющий взгляд девушки направлен только на «брата». Того, что звучало с экрана, она, кажется, даже и не слышала.

«Везёт же людям», — внутренне усмехнулся он и тоже выпил.

— Сегодня же ночью, предположительно между тремя и четырьмя часами утра, один из предполагаемых кандидатов на должность Генерального прокурора «Z» в собственном загородном доме на Рублёвском шоссе, соперничающем размерами и архитектурой с дворцом артиста «М» (этот факт дикторша с нескрываемым удовольствием подчеркнула интонацией), оступился на лестнице. От удара затылком о мраморные ступени произошёл перелом основания черепа. По словам врача «Скорой помощи», давшего эксклюзивное интервью нашему корреспонденту, случайно оказавшемуся вблизи места происшествия, пострадавший скончался мгновенно. Кроме него, жены и двух собак бразильской породы (что исключает возможность проникновения злоумышленников), в доме никого не было. Ведётся расследование. В настоящее время на месте работают бригады сотрудников прокуратуры, МВД и МГБ.

— Уже три, — вздохнул Секонд и искоса взглянул на Вяземскую. На Фёста смотреть было бесполезно. А если он заставил девушку к этим *происшествиям* руку приложить, неужели ничего не дрогнет у неё в лице?

Глупая, в общем-то, мысль. Как будто не сам он

помогал инструкторам готовить из «великолепной семёрки» настоящих валькирий, воинственных дев. Правда, готовили их в основном к вооружённой борьбе на поле боя, а тут — несколько иное.

— Нашим обозревателям кажется, — сказала дикторша, старательно делая скорбное лицо; — количество несчастных случаев за минувшие сутки превышает статистическую норму. Это, конечно, не взрыв на шахте, но столько совпадений. Только что мы получили сообщение с другого континента. Директор департамента Главного финансового контроля такой-то, находясь в отпуске и катаясь на гидроцикле в Палм-бич (там ещё был вчерашний вечер), на полной скорости врезался в бетонную причальную стенку. С безусловно летальным исходом. Американскими властями проводятся следственные мероприятия и анализы для определения присутствия в организме алкоголя и наркотиков.

По предварительной информации от неназванных источников, все потерпевшие имели в своё время достаточно тесные контакты с представителями крупных ОПГ¹. Однако какие-либо выводы делать преждевременно.

А теперь — новости из Индии. Скоростной экспресс Калькутта — Бомбей столкнулся со встречным поездом. Семьдесят погибших, триста раненых. По предварительным сведениям, причина — взрыв полотна маоистскими террористами.

— Четыре, — вздохнул Секонд, почти против

¹ ОПГ — организованные преступные группировки.

воли протягивая Фёсту пустую рюмку. — В каком же интересном мире вы живёте...

— А у вас поезда не сходят с рельсов и миллионеры по пьяни не стреляются?

Сейчас Фёст выглядел вполне довольным жизнью человеком. А Секонд, забыв о грустных сообщениях здешнего ТВ, снова смотрел на Людмилу. Чёрт его знает, может, и не было у них сегодня общей постели. Очень возможно, что вдвоём и крайне лихо проведённые за те шесть часов, что он безмятежно спал, операции сблизили их гораздо больше.

Юной, жаждущей романтической любви девушке что нужно? Капитан Грей на алых парусах или просто добрый и честный парень, осторожно прикоснувшийся губами к уголку её губ, не сделавший того, чего она одновременно и боялась, и хотела? А он намекнул и отстранился, в ожидании ответа... Многие при такой, инстинктивной, прямо скажем, политике проигрывают. А кое-кто и наоборот. Предложив кандидатке в любимые поиграть в другие игры.

Вяземская, ощущая себя в полном праве, при села на подлокотник кресла Фёста, причудливо сплела ноги. Смотри, как я теперь могу, словно говорила она второму. Хоть ты мне и начальник, но я — его женщина, это ты тоже запомни накрепко.

— Да, президенту сейчас, наверное, есть о чём подумать. А вам — не о чем? — спросил Ляхов-второй.

— Что-то мне такое вспоминается... — врас- тяжку начал говорить Фёст. Людмила тут же заботливо налила ему в чашечку кофе по-венски. Он благодарно кивнул.

— Что-то такое... Перевал не берём. А из пулемёта разрывными пулями по совсем неизвестным тебе людям в Москве¹ — можно? Подумаешь, мужики по паре штук баксов решили подзаработать, ни тебя не зная, ни меня. А мы их — в кровавые дребезги! Помнишь, как танк со всем боезапасом взорвался, и с экипажем, естественно? «Три минуты над кварталом потроха его летали». Совесть не мучает? По ночам нормально спишь?

Вадим непроизвольно, подчиняясь волевому напору двойника, постарался обратиться к подсознанию.

Нет, те эпизоды его не мучили.

— Так какого же... ты мне сейчас Достоевские комплексы навязываешь? Моралист, мать твою...

Секонд увидел, что Людмила и улыбается, и кивает одобрительно словам, пусть и матерным, своего нового, точнее — первого, и, пожалуй, последнего друга. Зачем ей другой?

— Ты думаешь, это мы с Людой их убили? Ни хрена. Все — сами. Подсказать, подтолкнуть под руку — это было. Обо всём рассказывать не буду. Лишнее. Но вот с этим, в Швейцарии — чистая психология. Он на самом деле за вечер выпил с литр виски, дико орал на друзей и службу, дал по морде жене (и было за что), цепляясь за перила, кое-как вскарабкался по лестнице к своей комнате, а там...

— Можно я скажу? — ласково спросила Вяземская. — А там я. Без одежды, понятное дело. С мазками губной помады на запястьях. Очень похожая статью и прочим на одну девушку, которая

¹ Смотри роман «Хлопок одной ладонью».

из-за этого подонка перерезала себе вены несколько лет назад. Говорю — дорогой, с тобой что-то случилось? Сейчас мы всё исправим. Снова всё станет как было. Главное, ни о чём не думай. Вот он, выход, — и протягиваю ему рукояткой вперёд «наинтин илевен»¹. А другой рукой пытаюсь погладить по щеке. — Сделай это, — шепчу, — и мы будем вместе навсегда...

Он диким взглядом посмотрел на пистолет, схватил его и выстрелил себе снизу вверх под челюсть. Я за него спуск не нажимала...

Как выглядели последствия выстрела, Людмила уточнять не стала.

— Так его что, за девушку? — глупо спросил Секонд.

— А разве мало? — удивился Фёст. — Если мало, прибавь ещё десять миллиардов долларов и достаточное количество махинаций, в том числе — имеющих отношение к поставкам оружия с заводов и складов на Кавказ и в иные регионы. Там, пожалуй, счёт наших убитых солдат на сотни идёт. Пацанов-срочников. Плюс гражданское население. По здешним меркам — почти ничего особенного, но с кого-то ведь надо начинать? Я президенту обещал. И при необходимости на всех остальных столько компры представлю... Через нынешний суд земной, может, и не прокатит, а небесному — вполне достаточно.

— Будешь с ним сегодня встречаться?

— Вечером. Днём он сильно занят. Сегодня, по-

¹ Американский армейский пистолет образца 1911 года, калибра 45-АПК.

жалуй, особенно. Так ты с нами или как Понтий Пилат?

— Куда я от вас денусь? Только роль моя здесь не совсем понятна, — пожал плечами Секонд.

— Для начала — как прошлый раз. Будешь моим дублёром, если обстановка потребует. Оператором установки. А на будущее есть работёнка. По специальности. Днём, пока делать нечего, давай весь твой женский отряд сюда переправим. Через ту квартиру: в этой я кое-какие обеспечивающие мероприятия собираюсь осуществить. А девчонкам, пока Тарханов занят, своей властью через Стрельникова за одесские подвиги по недельке отпуска организуй. С запасом. Мы тут, по здешнему времени, может, и за сутки управимся, но мало ли... Непременно — с правом выезда за пределы столицы. В Питер, например, для коллективного осмотра достопримечательностей. А то и в Гельсингфорс, в гости к твоим родителям. Папаша *наш*, почти общий, морские прогулки организует, то да сё... Сообразишь? — Фёст, сказав об общем папаше, слегка скривился.

У Секонда, действительно, отец, в чине старшего инспектора кораблестроения, то есть, попросту, инженерного вице-адмирала, имел огромную квартиру в Гельсингфорсе на Эспланаде и дачу на берегу. Его же родитель, отставной контр-адмирал, жил в петербургской трёхкомнатной «хрущёвке» в Автово, получая грошовую пенсию. Не посылал бы Вадим родителям денег — перебивались бы с хлеба на квас.

— Уж это — полностью в наших силах. Лариса, к примеру, мадам Эймонт по мужу, совершенно случайно оказалась сводной тётей Вирен Инги Ро-

бертовны. С бумагой, от её (Ларисиного) имени моей Майей написанной, могут и в Стокгольм поехать... По местам боевой славы предков. Там несколько сельских участков им теоретически принадлежат, глядишь — отсудят. В любом случае — своё присутствие зафиксируют.

— Это, может, и лишнее на данный момент, а вообще идея хорошая, — прикинул Фёст. — Однако сейчас им в моей реальности вертеться придётся. Какая там Швеция...

Внезапно обозначилась проблема с размещением «валькирий» на Столешниковом. Если семь молодых и красивых девиц в ней сегодня-завтра поселятся, внимание на сей примечательный факт непременно обратят.

Не соседи, соседям без разницы. Кроме профессора с супругой с верхнего этажа, остальные тут люди серьёзные, занятые, им чужими делами интересоваться некогда.

Бывший в *полном курсе*¹ истории приобретения смежной жилплощади через голову держащих центр Москвы бандитов, Фёст, кое в каких вопросах поопытнее не живших здесь в девяностые годы Новикова и Шульгина, с большими основаниями предполагал, что *присматривать* за этим местом продолжают.

Самое простое было бы — поселить девчонок в какой-нибудь большой гостинице неподалёку, в «Метрополе», «Национале» или даже «Рице» (денег бы хватило). Там они наверняка потеряются

¹ Есть ещё известный «Краткий курс» Истории ВКП(б), тоже вполне криминальной организации.

среди нескольких сотен других постояльцев, но для стратегического замысла — крайне неудобно. Фёсту нужна была команда *в сборе*. В любое время дня и ночи.

Тем более ни снаряжение, ни оружие в номерах самого «надёжного» отеля не оставишь. Прислуга непременно работает или на власть, или на ОПГ. В каком-нибудь Париже можно положить на тумбочку запертый кейс с деньгами и рассчитывать, что любопытного с *фомкой* среди горничных и гарсонов в ближайшие сутки не окажется. Да и то...

Придётся действовать напрямик. «Честность — лучшая политика», в чём лично убедился герой хорошего фантастического рассказа, пообещавшись с инопланетными агрессорами¹.

Фёст, взяв с собой Людмилу, спустился в вестибюль. В кабинке консьержа за пуленепробиваемым стеклом дежурил один из шести охранников, нанятых ещё Новиковым. Платили им даже по московским меркам крайне прилично, и текучесть кадров в отделении была нулевая. Кроме того, имелись ещё какие-то причины их верности служебному долгу и особой преданности лично хозяевам двух конкретных квартир. Хотя и с прочими жильцами они были предупредительны и профессионально вежливы.

Уезжая якобы в длительное путешествие, Новиковы и Берестины, на которых и была зарегистрирована жилплощадь, по полной юридической форме доверили все права проживания и распоря-

¹ См. Дж. Гордон, «Современная американская фантастика». М. 1964 г.

жения господину Ляхову. А Шульгин, пользовавшийся у охраны ещё большим авторитетом, чем сами хозяева, перед отбытием представил Вадима всему личному составу и с непререкаемой убедительностью сообщил, что данный товарищ в его отсутствие будет по отношению к ним пользоваться всеми правами командира отдельной части в военное время. Если кому не нравится — расчёт произведём на месте. У нас — свобода личности и трудовых прав граждан. С одновременным аннулированием разрешений на ношение короткоствольного боевого оружия. Всякие там «макарычи» и «наганьчи» нас не касаются.

Охранники — все люди послужившие, с боевым опытом, сразу и отчётливо поняли всё, что не только говорит, но и подразумевает «шеф». Как-то сразу им стало на подкорковом уровне понятно, что никак не меньше он по званию, чем генерал. Не могли только догадаться — *какой именно* генерал.

Возражений на его слова не последовало. Однако Ляхов-первый всё равно не испытывал полной уверенности в надёжности этой службы. Имелся у него собственный опыт. Кого-то можно перекупить, кого-то запугать, а кто-то с самого начала мог оказаться специально внедрённым «кротом». Всё в этой жизни случается. А сейчас, на пороге великих дел, прокалываться на пустяке совсем не хотелось.

Представил Вяземскую старшему наряда, серьёзному мужчине слегка за сорок, отставному майору Тихоокеанской морской пехоты, прихватившему в три приёма больше года непрерывных боёв на самой что ни на есть передовой.

С его специальностью куда по нынешним временам человеку деваться? ОБЖ в школе преподавать или — сторожевать. А на этом месте платят больше, чем его прежнему командиру дивизии. Плюс чаевые ежедневно и премиальные от каждого жильца, по-разному, но в среднем — раз в неделю. Посторонние, не входящие в договор услуги почти всем требуются. Иногда совсем неожиданно. Как вот сейчас.

— Это, Борис Иванович, моя племянница, Люда. Месяц-другой у нас поживёт, осмотрится, может, поступит куда-нибудь учиться. Пока не решила.

Главный консьерж кивнул, добро пожаловать, мол. Скупой улыбнулся, несмотря на то, что девушка перед ним стояла — загляденье. Непременно бы приударил, не здесь познакомившись.

— Она вам хлопот не доставит. Девушка тихая, домашняя. С правилами внутреннего распорядка ознакомлена. Только вот беда, пользуясь моей природной добротой, упростила меня разрешить, чтобы подружки к ней приехали. Погостить, Москву посмотреть. Провинциалки, столицу никогда не видели, а эта балаболка им напела, что у дяди две квартиры в центре пустые стоят и очень им здесь удобно будет разместиться...

Отставной морпех вежливо кивнул, ожидая продолжения. Просто так подобные речи не заводят.

— Вот сегодня всей компанией и заявятся. Понятное дело — беспокойство. Вам в том числе. Будут по двадцать раз на дню шнырять туда-сюда.

Ха-ха да хи-хи и всё такое. Нет, парней водить не будут, это я железно гарантирую — девчата порядочные. Всё же с юга, там с этим поостроже. Я, Люда, правильно говорю?

Ляхов взглянул на неё, как и положено дядюшке — домашнему тирану. Она с готовностью закивала.

— А всё же лишнее беспокойство, — сказал Фёст и просунул в окошко караульной будки три красные бумажки.

— С юга, вы сказали? Из каких краёв? — спросил консьерж, считая деньги в ящик стола.

— Из Кисловодска. Так что я вас попрошу — будут бегать, пусть бегают. Не обращайтесь внимания... В лицо каждую запомните, с другими вряд ли перепутаете.

Сказано было с едва заметным нажимом.

— А если вдруг что не так покажется — мне сообщайте. То же и по всем сменам передайте. Кстати, Борис Иванович, вы про такую организацию — «Чёрная метка» — слышали?

Скулы консьержа на какое-то мгновение затвердели. Не наблюдал бы за ним Ляхов так пристально, мог бы и не заметить. Так для того и разговор завёл.

— Что-то приходилось. Краем уха. А вы почему спрашиваете?

— Телевизор сегодня посмотрел. — Вадим коснулся рукой локтя Вяземской. — Ты, Люся, меня на крылечке подожди, я скоро.

Она послушно кивнула, пошла к парадной. Борис Иванович нажал кнопку — турникет и броневая дверь открылись.

Вадим тщательно фиксировал всё: и как она

себя ведёт, как он сам, как консьерж. Кажется — нормально. Даже будучи в курсе, не заметил в поведении Людмилы малейшего прокола. Отставной майор, кажется, тоже. Ни взглядом, ни жестом, ни походкой она не проявила принадлежности к элитному офицерскому корпусу.

— Вот и я посмотрел. Что ещё на посту делать, если *настоящей* работы нет? — Борис Иванович раскрыл армейский, дембелями в подарок уважаемому начальнику сделанный портсигар из латуни гильз от «ЗСУ-37». С чеканкой, травлением, полу-готическими буквами «Славянка, 1985-88».

— Закурим, товарищ... — Консьерж сделал паузу, ожидая, когда фактический хозяин десятикомнатной квартиры назовёт своё звание и можно будет говорить на том или ином уровне.

Ляхов молча взял из рук собеседника портсигар, преувеличенно долго его рассматривал со всех сторон, только потом закурил «Лаки страйк» без фильтра.

— А мне такого не подарили, — сказал с лёгким сожалением. — Майор я тоже. Последнее время служил в миротворческих силах ООН. Чад, Сомали, Судан, Израиль... В отставку вышел добровольно, кое-чего подкопил, а так... — Он махнул рукой. — «Жена моя, красавица, оставила меня. Она была ни в чём не виновата. Ни дома, ни пристанища, какая там семья? Аты-баты...».

— Как же! Трофим. Уважаю. Так что, товарищ майор, насчёт «Чёрной метки»? — Будто не Ляхов первым задал свой вопрос.

— Да я тоже — краем уха. А интересно. Думал, вы люди к таким делам поближе моего, что-то достоверное знаете.

— Откуда? Там совсем не наш уровень. Но попросту так скажу — давно пора. Всех уже этот бардак достал. Вы думаете — это они?

— Они — не они, откуда мне знать? Я не в МГБ служил. Однако впечатляюще так всё сложилось...

— Ваш друг — генерал — тоже ничего не знает? — теперь с откровенным, почти провоцирующим интересом спросил консьерж.

— Знает — не знает, моё ли дело? Он в основном по космической части. Где-то в Гвиане сообщает, как очередную ракету на геостационарную орбиту запустить...

— Понятно. Интересно было поговорить. А то мимо пробегаете, едва кивнёте...

Они ещё раз обменялись с Борисом Ивановичем изучающими, но приязненными взглядами, синхронно улыбнулись, и Ляхов с Людмилой отправились как бы приезжающих подружек встречать.

«Явно не дурак бывший морпех, — думал Ляхов. — Не знаю, что там у них с Шульгиным и Новиковым было, каких деликатностей касались. Но меня, он, кажется, просёк, за своего признал. Не вышло учёного придурка убедительно сыграть. Да и чёрт с ним. Нам не только на верхушку опираться, нам надо, чтобы простые ребята, вроде этого, поверили...

Он решил, когда вернётся домой, связаться с кем-нибудь из руководства «Метки» и попросить, чтобы всю бригаду охранников деликатно, но глубоко проверили. Бережёного бог бережёт. У него таких возможностей, как у старших братьев, нет.

Только на себя полагаться можно, да вот ещё на Люду с подружками. Эти уж точно *не выгадут*¹.

Переброску отряда «валькирий» из той Москвы в эту организовали по сложной, но безупречной с точки зрения безопасности схеме. Сначала Секонд организовал переход группы с полным боевым снаряжением, под командой Анастасии в квартиру по СПВ, вернулся в свой штаб и вручил Уварову предписание о направлении означенных сотрудниц в отпуск.

Валерий, достаточно знающий своего командира, сразу догадался, что за «отпуск» девушкам предстоит, и настоятельно попросил подключить к операции и его. Ляхов пообещал, что в ближайшее время что-нибудь придумает, и заверил, что ничего опасного девушкам не предстоит, вполне рутинная психологическая работа. А за Вельяминовой обязался присмотреть лично, чем вызвал некоторое смущение подполковника.

На Столешниковом снабдили подружек российскими паспортами, которые принтер квартиры отпечатал так, словно стоял в комнате ПВС² киловодского горотдела УВД, со всеми присвоенными именно этому подразделению очередными сериями, номерами и секретными метками. Велел переодеться в то, что приготовила подругам уже освоившаяся здесь Вяземская, и по одной пропустил через «окно» в туалетные кабинки Курского вокзала. Иначе их внезапное появление выглядело

¹ В словаре Даля «не выдать» — заступиться, не покинуть, помочь, поддержать. Ср. «Бог не выдаст, свинья не съест».

² Паспортно-визовая служба.

бы странно. У выхода в зал ожидания их встретили Фёст и Вяземская.

Среди тысяч людей, вываливающихся на московскую землю из непрерывно прибывающих с южного направления поездов, шесть девчонок в джинсовых платьях и костюмчиках не привлекли ни малейшего внимания.

Двумя группами, одна в сопровождении Вяземской, вторая — Фёста, на отдалении около пятидесяти метров, расстоянии прямой зрительной связи, пешком прошли с Земляного вала через центр к месту постоянной дислокации.

Ляхов видел, что *эта* Москва нравится девочкам больше *той*. Кто его знает, почему? Возможно — именно разлитой в воздухе аурой постоянной, пусть не обозначенной чётко опасности. Они ведь для подобной жизни и выращены. Что делать овчарке в мире, где нет и не предполагается наличия как овец, так и волков? А здесь тех и других имелось в изобилии.

Он смотрел на милых красавиц, шедших под присмотром *дядюшки* по прекрасным улицам, и видел, что они фиксируют каждый бросаемый на них встречными мужчинами и парнями взгляд.

В Москве Секонда большинство взглядов были благожелательными или нейтральными. Здесь — иначе. Разброс настроений чересчур широк, и позитивных *зарядов* гораздо меньше. Были и они, конечно. Увидит вдруг человек перед собой юное красивое лицо, изящную фигурку и озарится обрадованной улыбкой, будто в музее, наткнувшись на Мадонну Литту или Афродиту Таврическую.

Многие же прохожие — проезжие, на вид

вполне приличные, сразу цепляли девушек совсем другим, отчётливо транслируемым настроением: «Ах ты, сучка, нарисовалась тут! А вечером — на панель! Куда ж ещё с такой рожей и задницей?!» Или: «Ты, значит, такая вся из себя, ...! А вот поставить бы тебя ..., тогда что запоёшь?» И совсем почти невинное: «Сколько же штук тебе надо отвалить, чтобы ты не с этим козлом шла, а со мной?» Несколько раз им кое-что и вслух высказывали, от незамысловатых комплиментов до прямых предложений.

Подопечные жадно ловили эту давным-давно надоевшую Фёсту ауру «большого города». Вроде бы и туристки-провинциалки, а в то же время — офицеры на рекогносцировке ТВД. Он с тайным наслаждением представил, какое интересное, в стиле Стивена Сигала, зрелище могло бы получиться, перейди хоть один из тех, что идут по улице или едут в «Мерседесах» и «Лексусах», пялясь в открытые окна, не ими определённую грань.

К сожалению, ему не пришлось поприсутствовать на вечеринке в кисловодском парке. А он любил красивую «работу».

— Девочки, садимся, — скомандовал он, увидев в тени столетних лип кафешку, со столиками на тротуаре. — Всем — спрайт и мороженое, мне — пива.

ГЛАВА 20

...Вторая встреча с главой государства состоялась раньше, чем накануне, в половине одиннадцатого вечера.

Фёст, включив СПВ односторонне, с минуту

смотрел на президента, читающего какие-то бумаги в своём домашнем кабинете. Выглядел он явно озабоченнее, чем вчера. День наверняка выдался непростым. Было с чего.

Вадим примерно представлял, чем он мог заниматься сегодня, с кем совещаться, какие задачи ставить «силовикам», как отвечать на вопросы встревоженных, а то и напуганных приближённых.

Повернул верньер, тем самым «включив» президентский телевизор.

— Добрый вечер, — поздоровался он и заметил, что президент непроизвольно вздрогнул. А кто бы не вздрогнул?

— Как вам моя маленькая демонстрация?

— Послушайте, господин Александр Александрович, или как вас там! — Человек с той стороны экрана вложил в интонацию весь металл, запас которого у него имелся. — Демонстрация вполне убедительная, но нельзя же так!

— Как? — спросил Фёст невинным голосом, совсем не вязавшимся с его пиратским обликом.

— Вы развязываете абсолютно незаконный и бессудный террор! Если всё это, конечно, не дикое совпадение...

— Я ещё вчера хотел вас попросить — в ситуации невозможной, фантастической, бредовой, если хотите — постарайтесь оставаться самим собой, забыв о роли, о должности, что на вас возложена. Просто самим собой, если у вас остались хоть какие-то воспоминания о подобном состоянии. Трудно, не спорю, но всё же?

Фёст впервые увидел, как президент достаёт из кармана домашней вельветовой куртки пачку «Кэ-

мела» и закуривает. Значит, прошлый раз ещё пытался поддерживать привычный всей стране имидж. А теперь — сдался?

— С вашим знанием обычной теории вероятности — крестики на вчерашнем листе и то, о чём вещала очаровательная дикторша ТВ, попадает в сферу «диких совпадений»? «Мастера и Маргариту» давно перечитывали? Есть там чудесная фраза насчёт того, что человек иногда бывает «внезапно смертен». Да и вообще в этом романе масса интересных мыслей, доступных людям со вполне средним, а иногда и начальным образованием...

— Я не пойму, вы специально, пользуясь своим положением, пытаетесь меня оскорбить? — задумчиво спросил президент, глубоко затягиваясь сигаретой вражеского производства.

— Захотел — оскорбил бы так, что надолго хватило бы. А я просто выискиваю точки, где вы ещё остаётесь нормальным человеком. Не так много осталось, но ещё есть...

— Опять грубость на грани хамства.

— Извините, но мне отчего-то кажется, что вам в глубине души нравится мой тон. Давно с вами так никто не разговаривал. Да, что-то вы там говорили насчёт беззакония и бессудности. Прямо только что. Забавно — с вашим-то юридическим образованием. Вы, когда бреетесь, в зеркало на себя глядя, не смеётесь? У меня иногда случается. Ваше высокопревосходительство, введи вы *завтра* в доверенной вам стране закон, суд и так называемую «социальную справедливость», немедленно исчезнет почва для моих жёстких, но пока ещё эффективных поступков. Готовы?

Президент прикурил вторую сигарету, разда-

вив в пепельнице не до конца догоревшую первую.

— Вы ведь понимаете — такое невозможно. Я — не Сталин.

— Кто бы спорил. А посадить на самую верхушку десяток полностью верных вам людей и организовать толковую зачистку продажных нижестоящих — тоже трудно? Министр МВД не в силах нагнуть до пола начальника областного и даже районного отдела. Генеральный прокурор возбуждает уголовные дела против честных офицеров, исполнявших *ваш* приказ. Суд присяжных их оправдывает. Вопреки всем законам и даже «понятиям» прокуратура решение суда отменяет. Вы молчите. Вам самому не смешно?

— Смешно — слово не из того смыслового ряда. Вы — не знаю, кем на самом деле являетесь — жестокий идеалист. Бывали в истории такие. Хуже вас или лучше... Впрочем, количественные оценки здесь едва ли применимы.

— Не смею возразить. Тогда вы — мягкотелый прагматик. Кажется, того парня, что ночью по пьянке застрелился, вы числили в когорте «приличных людей»? Пусть там и остаётся. Я, честно говоря, осмелился предположить, что прямо с утра вы должны были затребовать *настоящие* досье на жертв несчастных случайностей. И, с точки зрения обычного юриста, задать вопрос себе и своим помощникам: каким образом подобные люди так долго оставались на свободе и кто персонально приложил руку к обеспечению их безопасности и процветания? Далее, при получении ответа, дать делу законный ход. Несчастный случай есть несчастный случай, покойника к суду не привле-

чешь, но ведь все их подельники вполне в сфере досягаемости...

Или в нашей стране подобные элементарные шаги даже для президента уже переместились в область фантастики?

Ответа не последовало. Вернее, последовал, но не ответ, а вопрос. И тоже не из самых умных.

— Вам не надоел этот грим? — спросил президент, намекая на чрезмерную театральность облика собеседника.

— А у вас перед глазами никогда не разрывалась миномётная мина? — Фёст имел в виду ту, что ударила между ним и его Тархановым. Его самого осколки в очередной раз не зацепили, а майору пробили голову. Если бы не Шульгин, умер бы «бедняга в больнице военной», как написал в своём жалостном романсе Великий князь, он же поэт, знаменитый «К.Р.». — Нет? Жаль. Много интересных впечатлений мимо вас пролетело...

Подождал реакции, её не последовало.

Тогда Фёст задал следующий вопрос:

— Что вы скажете насчёт очередных крестиков в списке? — и подал через экран новый лист. — Если там есть чем-то симпатичные вам люди — вычеркните. Взамен других отметьте...

Президент мельком взглянул на него и отложил в сторону.

— Неужели вы не в состоянии понять, что ваша затея — аморальна и одновременно бессмысленна? Печальный опыт народовольцев и эсеров ничему не научил?

— Ну, сейчас мы находимся на несколько ином уровне общественного и технического развития, — с усмешкой ответил Ляхов. — Почему вы

так старательно уходите от сути разговора? Моим моральным обликом можно озаботиться несколько позже. Гораздо рациональнее спокойно, с сознанием дела и на условиях полной конфиденциальности попробовать просчитать *реальные* последствия начатой мною акции. Ваших слов никто посторонний не услышит, я их оглашать не собираюсь — смысла нет.

Давайте обсудим хотя бы пункт первый — на какой по счёту *справедливой* и вполне случайной жертве в определённых кругах начнётся паника? В какой момент правоохранительные органы решат заняться своими прямыми обязанностями, чтобы элементарно сохранить свою *ресурсную базу*. И так далее...

Фёст тоже закурил. Дымок сигареты потянуло сквозняком от него в кабинет президента.

— Да вот, кстати, — прервал он предыдущую тему, — хочется спросить — почему вы так безразлично относитесь к факту появления в мире такой штуки, как мой аппарат. Неужели не представляете, что произойдёт с миром, если ввести его в широкое употребление?

— Предпочитаю об этом не думать. Сейчас. Отчего-то мне кажется — вы до последней возможности будете сохранять его в тайне. Или не вы, а кто-то ещё. По названной вами причине. Как только информация о вашем «устройстве» станет достоянием гласности, мир на самом деле изменится кардинально, а это в ваши планы не входит. Верно? Следовательно, будем решать проблемы по мере их поступления. Меня гораздо сильнее беспокоит то, о чём мы рассуждаем в данный момент.

— Разумно. Поэтому — ревену а ну мутон. Вы уверены, что мой вариант «индивидуального террора» аморален и бесперспективен. Я считаю ровно наоборот. Сегодня некоторые СМИ получают нечто вроде декларации. От имени мифической организации «Чёрная метка» (которую, антр ну, следовало бы создать на самом деле) я объявляю о том, что ввиду явного бессилия и бездействия власти в России начинается *настоящая* борьба с коррупцией. Как писал Ленин: «Никакими законами не стеснённая, опирающаяся непосредственно на насилие». Ясно ведь каждому, что именно коррупция — альфа и омега всех прочих неурядиц в стране. Справимся с ней — остальное естественным образом потихоньку нормализуется...

— Идеалист. Действительно идеалист, — с явным сожалением сказал президент. — Неужели не понимаете простейшей вещи — ваша «методика» приведёт к катастрофе. Почти немедленной. В стране просто всё, вообще всё остановится и тут же начнёт рушиться. Пойдёт насмарку то, над чем мы осторожно, не очень заметно, не всегда результативно, но всё же работаем. Остановится производство, будут заблокированы зарубежные и внутренние банковские счета, воцарится финансовый хаос. Затем начнётся хаос кровавый. Под маркой вашей «организации» любой сможет начать делать то же самое. У нас (я специально говорю — нас) отсутствует миллионный, действенный, абсолютно послушный власти следственно-карательный аппарат, чтобы удержать процесс под контролем. И ваше изобретение не поможет. Вы ведь не в состоянии одновременно отслеживать тысячи объектов... Я вас не убедил?

— Вы хорошо подготовились, господин президент. В своё время я тоже весьма преуспел в умении придумывать сотни доводов в пользу того, чтобы чего-то не делать. Вы изобразили вполне апокалиптическую картину и кое в чём, разумеется, правы. Но, во первых, вы не представляете, сколько именно объектов мы в состоянии *отслеживать*. Допустим, не тысячи, а лишь сотни одновременно, зато — круглосуточно. По часу в день на каждый. Тем самым мы имеем возможность любое нежелательное явление пресечь в корне.

Но вы упускаете главное — я ведь предлагаю не очередную социалистическую революцию и не тотальный сталинский террор. Всего лишь системе точечных уколов в нервные узлы. Известные и вам, и мне. Чтобы армия разбежалась или капитулировала, нет необходимости убивать каждого солдата. Достаточно уничтожить, в быстром темпе, штабы и системы связи. Или, как писал товарищ Жданов товарищу Сталину: «Мы подрубим столбы. Заборы повалятся сами».

Уголовный кодекс сам по себе просто не слишком толстая и довольно скучная книжка. Только Высоцкий получал удовольствие, читая с любой страницы и до конца. Остап Бендер предпочитал его просто «читать». Кодекс не имеет целью полное искоренение преступности, он лишь расставляет ориентиры и определяет «меру воздаяния».

Того же хотим добиться мы. В новых условиях и на другой основе. Вы ведь изучали историю права. Кодекс Хаммурапи был весьма революционным документом для своего времени. Кодекс Наполеона — тоже. Этот, — Вадим показал президенту книжечку, — давно и безнадёжно устарел...

— Опрометчивое суждение.

— Устарел, — непреложным тоном повторил Фёст, — поскольку не выполняет своего главного предназначения. Точнее — полностью его искажает. Из него, к примеру, практически изъято понятие «конфискации» — альфа и омега борьбы с экономическими преступлениями. Он позволяет судьям давать за государственные преступления условные сроки, оправдывать наркобаронов и торговцев казённым тяжёлым оружием, оставляя в неприкосновенности полномасштабные репрессии за кражу курицы или мобильного телефона. Причём власть совершенно не волнует факт, что содержание под стражей мелкого воришки обходится в сотни раз дороже цены украденного.

За найденный в гараже малокалиберный патрон тысяча девятьсот тринадцатого года выпуска гражданина российских краёв и областей сажают легко и с удовольствием, в то время, как на Кавказе даже крупнокалиберные пулемёты в личном пользовании не являются правонарушением...

Ляхов чувствовал, что начинает нервничать, а это недопустимо.

— Именно с таким порядком вещей мы и боремся. У нас есть Государственная Дума и соответствующие комитеты, постоянно работающие, в том числе и над поднятыми вами вопросами, — ответил президент.

Фёст рассмеялся почти презрительно.

— Как говорится, сейчас все законы пишутся *на нарах*. А цена прохождения *хорошего закона* через профильный комитет начинается от миллиона долларов. Это не я придумал, это в любой газете каждый день можно прочитать. Пресловутая «не-

зависимость судов» заключается лишь в том, что судья не несёт ответственности за самое абсурдное, но имеющее денежный эквивалент решение. Так вот — нам такой порядок надоел. Мы введём собственный Кодекс, о чём широко объявим через Интернет и иными способами...

— Собственный, негосударственный Кодекс — это уже «понятия». Их и так предостаточно.

— Любые законы вырастают из «понятий», каковые есть не более и не менее, чем те же законы, добровольно и свободно принятые внутри некоего сообщества. Чем иным является юридическая система США, как не кодифицированными в течение двухсот лет «понятиями» первопоселенцев?

— Обойдёмся без коллоквиума на правоохранные темы? Едва ли скажете что-нибудь новое для меня. Ответьте на прямой вопрос — есть ли способ убедить вас отказаться от своих планов? На основе какого угодно консенсуса?

Президент смотрел на человека по ту сторону экрана, и весь его жизненный и профессиональный опыт подсказывал, что тот честен в своих убеждениях, пусть и глубоко ошибочных. Честен и готов за них идти до конца. Не задумываясь, что его непреклонность выльется в массу невообразимо тяжёлых последствий.

— Страна только-только начала приходить в себя, а вы собираетесь снова...

— От своих планов мы можем отказаться, если государственная власть немедленно начнёт выполнять задачи, для которых она существует. Если за десять лет сумели посадить одного олигарха, разрешив остальным делать всё, что им заблагорассудится, значит — это не власть. Очередной

Карфаген должен быть разрушен. Зачем нам жизнь, построенная на ещё большей продажности и лжи, чем прежняя?

Я понимаю, некоторые финансисты, «крепкие хозяйственники», многие другие, не могущие функционировать вне тщательно выстроенных схем, понесут миллиардные убытки, лишатся бизнесов, а то и жизни. Но основные структуры государства уцелеют. Появится масса новых рабочих мест, снова заработает *социальный лифт*... В любом другом случае Россия или взорвётся, или тихо сгниёт... Сумели ведь западные немцы после сорок пятого года очень быстро наладить вполне приличную экономику, практически с нуля. Почитайте труды Адэнауэра и Эрхарда.

Президент не догадывался, это было слишком сложно даже для него, что собеседник блефует, очень по-крупному, но другого выхода у Ляхова не было. Он на самом деле не располагал никакими возможностями, кроме чужого фантастического устройства и сотни человек, готовых поработать на его стороне. Слишком мало для седьмой части суши.

— Если вы не хотите подобного исхода, объясните народу нынешние цели и задачи всеми доступными главе государства способами. Если не хотите или не можете — объясню я. В результате моих безрассудных, авантюристических, с формальной точки зрения даже и преступных действий (хотя действия, совершённые в условиях крайней необходимости, не являются преступными, даже если и несут очевидные признаки тако-

вых), кто-то потеряет жизнь безусловно, кто-то вместо миллиарда останется с миллионом — но живой! Множеству людей придётся похлебать тюремной баланды. Так давно известно — кто не рисковал, тот в тюрьме не сидел. Зато очень и очень многие процветут. Ничего другого я не могу предложить, как Черчилль своим соотечественникам в сороковом году¹. Не помните? Перечитайте. Полезно. Узнаете, каким образом можно навсегда войти в историю.

И ещё я могу обратиться к народу поверх вашей головы. Хоть завтра. И что тогда? Вам придётся что-то ответить. А вдруг неудачно? Участь очередного «короля в изгнании»? Да и то, если удастся перебраться через «румынскую границу»².

— Значит, жребий брошен и Рубикон перейдён? Или всё же...

Фёст развёл руками.

— Сожалею, но нет. Вам просто нечего мне предложить. Вы сами признали, а я это знал и раньше, что решительных и радикальных мер для наведения «порядка» вы принять не в состоянии. Это не ваша вина. Воля обстоятельств и специфика исторического момента, не более. Я и моя организация — можем. Естественно, тоже не так ради-

¹ 13 мая 1940 г., объявляя о своём вступлении в должность премьер-министра, У. Черчилль сказал: «Я ничего не могу предложить, кроме крови, труда, слёз и пота. Вы спрашиваете, какова наша цель? Я могу ответить одним словом: победа — победа любой ценой, победа, несмотря на все ужасы, победа, независимо от того, насколько долгим и тернистым может оказаться к ней путь. Без победы мы не выживем».

² См. Ильф, Петров. «Золотой телёнок».

кально, как нам бы хотелось. По той же, только что названной причине. Но мы хотя бы укажем путь. Девяносто процентов населения, когда ознакомятся с нашими «тезисами», нас поддержат, уверен. Кто-то добровольно перестанет брать мелкие взятки, кто-то — давать. Люди станут активнее сотрудничать с правоохранительными органами, информировать нас (и вас) через Интернет. Особенно если мы наладим настоящую обратную связь...

Заметил, что президент хочет ещё что-то сказать, предостерегающе поднял руку.

— Минуточку. Предупреждаю: разворачивать государственную машину для борьбы с нами, а не с ними — бессмысленно и недальновидно. Прежде всего — мы неуловимы. Я сейчас, например, сижу на веранде своего бунгало с видом на Большой Барьерный риф... А это довольно далеко.

Он раздвинул рамку экрана, и президент увидел безбрежную гладь невыносимо синего океана, несколько парусов на горизонте, белые полосы прибоя на мелководе. Технически показать такую картинку не составляло труда. Но выглядело впечатляюще.

— Правда, красиво? А через несколько минут я могу вернуться в Москву или любую другую точку по своему усмотрению.

Президент вздохнул. Его сильной психики хватило, чтобы за минувшие сутки принять случившееся как очередной факт действительности. Другие столь же неожиданные, казавшиеся невероятными достижения технической мысли, вроде атомной бомбы, высадки на Луну или изобретения мобильной связи, были всего лишь больше растянуты по времени, но оказали не меньшее влияние

на мир. Как-нибудь и с этим справимся. С немалыми сложностями, конечно, так ведь человечество только и делало, что сталкивалось с очередными вызовами. И до сих пор существует.

— Как с вами связаться, если потребуется? — спросил он. И пояснил: — Это на самый экстраординарный случай. Вы меня поняли?

— Прекрасно. Белые перчатки — это так красиво и гигиенично. Вот номер, пожалуйста. Я или кто-нибудь из моих людей постоянно дежурит возле этого телефона. Только не советую пробовать его искать, зря время потеряете. В природе его просто нет, фантом, не более. Не очень приятно прощаться на такой ноте, но...

И последнее — хочу вас заверить — никто и никогда не сможет связать то, что может произойти (а может и остаться в области чьих-то болезненных фантазий), с вашим именем. За это я могу поручиться словом офицера. До встречи. А список вы всё-таки посмотрите. Вдруг ещё где-нибудь что-нибудь с кем-нибудь случится? Человек ведь, как мы согласились, бывает внезапно смертен... Могу напоследок дать единственный совет. Если вы заинтересованы в том, чтобы с каким-нибудь человеком, отягощённым *криминальным анамнезом*, не случилось никакой *фатальной случайности*, для него есть одно убежище — тюрьма. Реальный срок по *правильной* статье. В противном случае... Случайность может произойти и по дороге в аэропорт, и в уже взлетевшем личном самолёте. То есть в подобном случае ответственность за жизнь человека, пусть и плохого, нести будете вы — гуманист, а не я — жестокий идеалист. Всего хорошего...

— Хорошо ты ему завинтил, — сказал Секонд. Он сидел сбоку и чуть позади от своего альтер эго, чтобы одновременно видеть и его, и президента. Внимательно всматривался в каждое мимическое движение и вслушивался в каждую интонацию. Очень возможно, придётся его подменять и в этой роли. А президент — человек наверняка очень наблюдательный.

Девичья команда в полном составе расположилась на диванах с другой стороны пульта. Им тоже полезно войти в курс ожидающихся здесь дел. Очень, кстати, близких к тем, какими предполагалось заниматься обычным аггрианским координаторам.

Если бы вдруг каким-то чудом они получили полное оснащение агента-координатора: Шар, блок-универсал, гомеостат, под них настроенные, да ещё и соответствующую поддержку со стороны старших, обеспечивающих на высшем уровне контроль над обслуживаемой территорией...

Очень бы упростилась задача.

Шар в мастерской, оставшейся от Лихарева, имелся, только пользоваться им Фёст мог процентов на десять от фактических возможностей, в пределах, которым его обучил Левашов, сам не слишком большой специалист. Самоучка.

Такая у аггров была хитрая система. Похожая на ту, что в Китае с иероглифами. Знаешь пятьсот — прочитаешь только специально для таких же малограмотных издаваемые брошюры и газеты. Знаешь две тысячи — среднюю школу можешь закончить. Десять тысяч постиг — открыты для тебя все сокровища китайского и мирового разума.

И вдруг у него мелькнула идея. Великолепное озарение, какими иногда достигаются невозможные в рамках классических теорий результаты. Но — ещё обмозговать нужно.

— Да чего там, плохо получилось, — ответил Фёст. — Я до конца надеялся, что он как-то меня поймёт, не для себя ведь стараюсь. Не смог донести. Не то у него воспитание. — Он грустно улыбнулся. — Что дальше делать будем? На дачу за город закатимся или здесь поужинаем?

— Я бы лучше на дачу, — ответил Секонд. — И девушкам развлечение...

Девушки дружно поддержали идею. Они просто жаждали новых впечатлений и догадывались — после того, что только что услышали, скучно не будет. Одесса — так, лёгкая разминка.

Десятиместный минивэн у Фёста в распоряжении имелся, и компания, обременённая сумками, свёртками и пакетами, загрузилась в него быстро и весело.

— Наверное, только завтра к ночи вернёмся, — предупредил Вадим охранника на выходе. — На пикничок решили выбраться, по случаю гостей...

Консьерж, другой, не Борис Иванович, помоложе, завистливо посмотрел им вслед. Хорош будет пикничок, семь девок, два мужика. В двадцать три выезжают. Самое то. Пробок уже нет, за час-полтора доберутся, и гуляй. С полуночи и до обеда. Шашлыки, банька и всё сопутствующее.

В гипермаркете перед Кольцевой запаслись всем необходимым, и машина на хорошей скорости рванула по Ленинградскому шоссе. Слава богу, по позднему времени пробки рассосались.

— Сегодня дадим президенту ещё немного

времени на размышления, а завтра придётся устроить цирк шапито...

— Почему «шапито»? — спросил Секонд.

— Ты бы лучше спросил — «почему цирк»? А «шапито» — передвижной. Сегодня здесь, завтра там. Зрители так себе, и труппа — с бору по сосенке.

— В минор впадаешь, — упрекнул Секонд, включая приёмник. По «Дорожному радио» как раз говорили о ходе расследования вчерашней аварии на мосту. Машину и тело погибшего отыскали. Следствием установлено, что действительно ехал он один, из ночного клуба. Судя по показаниям свидетелей, времени ему впрытик хватило на предельной скорости доехать до конечной точки маршрута. Содержание алкоголя в крови — 0,7 промилле. Таким образом, состав преступления очевидным образом отсутствует.

— Крепкий парень, — прокомментировал Фёст. — Другой бы и ключом в замок не попал, а этот — прямо тебе «адский водитель». Это фильм такой когда-то был, — счёл он нужным пояснить. — Про мужиков, что динамит на грузовиках возили.

— И как же он — «не справился»?

— Наверное, с перепугу. Не сообразил по пьяни, что остановился бы — и менты ему б ничего не сделали. Депутат! Ещё и домой с почестями доставили. А тут оглянулся не вовремя — и привет. На такой-то скорости!

Секонд понял, что именно на эту тему двойнику говорить не хочется. Наверное, что-то личное замешано.

Так оно и было. Эту акцию осуществила Люд-

мила, как бы для тренировки. Всего-то — на секунду приоткрылось окно СПВ за спиной водителя, она протянула руку и резко крутанула руль. Но Фёсту вдруг показалось, что аналогу этого знать не стоит. Хотя бы сегодня. А вроде — чего уж теперь? Одно дело делаем.

Секонд понимал: идея насчёт ужина на даче, осторожно подкинутаая напарником, родилась не просто так. Что-то он опять затевает. Вот преимущество человека, живущего в своём мире. Лучшая адаптированность, отсюда и способность принимать не совсем понятные постороннему решения.

— Я тут сегодня днём выкроил момент с известным тебе господином Воловичем повстречаться, — сказал Фёст, меняя тему.

— Зачем?

— Мнениями обменяться. Мы ведь тот раз не договорили.

Фёст, он же для окружающих просто Вадим Ляхов, человек приятный во всех отношениях, независимый, богатый, знакомый с половиной Москвы, неизвестно чем *по-настоящему* занимающийся, разыскал журналиста в одной из редакций. С точки зрения теории вероятностей это было невозможно, ибо Миша носился по столице на своём «Самурае» (с шофёром) со стремительностью и непредсказуемостью какого-нибудь нейтрино. Отличала их только доступная наблюдению масса, которой Волович обладал даже в относительном покое.

Но раз перехватить его всё-таки удалось, дальше журналист повёл себя с послушностью привяз-

ного аэростата, то есть беспрекословно направился в буфет под лестницей.

Вадим распорядился об угощении и сразу перешёл к сути. Слышал ли уважаемый коллега каждые полчаса передаваемые по всем каналам новости, и если да, то как к сим прискорбным инцидентам относится?

Ответ его не удовлетворил своей обтекаемостью. Рано, мол, делать какие-то выводы, задумчиво сказал Волович. Судя по имеющейся информации, злого умысла ни в одном случае не выявлено, а сами по себе совпадения, понятно, занимательные, но и не такие случались.

— А если какая-нибудь организация, сепаратистская или патриотическая, вдруг возьмёт на себя ответственность и заявит, что все четыре события являются тщательно спланированной и блестяще проведённой акцией, преследующей такие-то и такие-то цели?

— Ты что-нибудь знаешь? — взвился Волович, торопливо опрокинув вторую рюмку.

— Предположим...

— Материал дашь?

— Фактами не располагаю. Только слухами из не подлежащих огласке источников и собственными предположениями. К делу не подошьёшь. Но всё развивается в русле твоих желаний и деклараций, твоих единомышленников. Власть одновременно жестока и слаба, правосудие отсутствует, гражданское общество тем более. Народ по своей лениности и тупости не поддерживает «несогласных», не желает видеть, какие замечательные политики готовы хоть сегодня принять на себя бремя

власти. Произвол силовых структур тотален и непреодолим... Похоже?

— Если не утрировать, то так примерно всё и обстоит.

— И крайне желательна очистительная буря, не «оранжевая», так «берёзовая»? — с усмешкой спросил Ляхов.

— На Украине и в Грузии, конечно, не всё идеально, но там, по крайней мере, народ хотел перемен и сумел их добиться конституционным путём.

— Конституционным? Упаси нас бог от таких путей. Хотя это моё личное мнение. Некий в своё время близкий к Кремлю деятель однажды заявил, что для организации аналога киевского «майдана» в Москве ему хватит пяти тысяч человек и миллиона долларов. Дальше само покатится...

— Ну, я бы сказал, что подобный сценарий возможен. Не сегодня, сам понимаешь, однако в принципе... Оно бы и неплохо.

— Теперь вообразим, — медленно разминая сигарету, сказал Вадим, — что пять тысяч уже нашлось. И нужное количество любой подходящей валюты. Только цель у этих людей прямо противоположная...

Журналист сделал глотательное движение, уставился на Ляхова взглядом, ставшим цепким и даже пронзительным. Стал похож не на сибаритствующего Дюма — на совсем другой исторический персонаж.

— То есть?

— Спасение нынешнего режима и государственности российской. Даже если сама власть не слишком готова себя защищать.

— Новый ГКЧП?¹

— Некорректное сравнение. Скорее — бело-гвардейский СЗРС². Не по целям, по структуре и методике. Вот, вообрази, эти ребята решили путём беспощадного террора очистить страну от тех, кого они считают врагами, коррупционерами, пособниками внутреннего и внешнего криминала. Заодно — террористов и сепаратистов. А также «агентов мировой закулисы». Не от всех, конечно — на всех патронов не хватит. Произвести, грубо говоря, децимацию³, в надежде, что прочие одумаются и станут вести себя хорошо...

— Страшная вещь, если правда. Но ты-то откуда осведомлён? Уж очень на туфту похоже... — Покрасневшее лицо журналиста выразило нешуточную тревогу. Отнюдь не напускную.

— У тебя моя визитка есть?

— Была где-то.

— Найдёшь, посмотри, что на ней написано.

— Я и так помню. Что-то насчёт изучения паранормальных явлений...

— Именно, — кивнул Ляхов. — С последующей рационализацией и утилизацией оных. В суде наши исследования — не доказательство. Однако

¹ ГКЧП — государственный комитет по чрезвычайному положению (1991 г.), состоявший из ряда высших руководителей СССР.

² СЗРС — Союз защиты родины и свободы, офицерская подпольная организация в России (1918 г.), руководитель Б. Савинков, эсер-террорист.

³ Децимация — древнеримская воспитательная мера, заключавшаяся в казни каждого десятого солдата подразделения, бежавшего с поля боя. В других случаях — наказание по жребию внутри круга подозреваемых, если не установлен конкретный виновник преступления.

многие, увидев чёрную кошку, без всяких доказательств уклоняются от встречи с ней. Ночные события насторожили нас примерно по таким же основаниям. А вспомнив вчерашний разговор, я решил, что невредно тебя проинформировать. Ты-то, с твоими способностями и связями, копнуть можешь весьма глубоко. Да, кстати, ещё одно *ощущение*. Похоже, одним из пунктов программы этих *революционеров* намечено поголовное уничтожение всех «воров в законе» и «авторитетов». В том числе и в зонах. По-большевистски — как класс. Интересно, правда?

— Так это ж начнётся полный беспредел.

— На что и расчёт. Голова срублена, а низовые структуры остались. И большие деньги остались, общаки, подконтрольные бизнесы, потерявшие *смотрящих* рынки и прочее. Та-акая драчка за это наследство начнётся — я те дам! Половина претендентов друг друга перестреляет, остальных честные менты под шумок добьют, поскольку их руководство *ориентир*ы потеряет, с ходу не сообразит, кого теперь защищать надо. Не без своего интереса, конечно, но их потом легче будет *рамки ввести*, чем нынешний преступный мир...

— Слушай, как-то у тебя всё стройненько вырисовывается, будто своими глазами подобные планы видел...

— А на какой хрен вообще наука «ясновидение» существует? — усмехнулся Ляхов, своей усмешкой и прочей мимикой давая понять, что разговор у них вполне шуточный. Просто так, для приятного времяпрепровождения.

— Кончай темнить, а? — непривычно серьёз-

ным для него тоном ответил Волович. — Я тебя никогда за дурака не держал, и упаси меня бог тебя за него держать. Для чего этот слив? И от кого? И почему — мне?

— Добавь для полноты вопроса — «и почему через тебя»?

Вадим взглядом указал журналисту на графинчик, тот мгновенно наполнил рюмки. Почувствовал, что, кажется, разговор пойдёт всерьёз.

— Почему тебе — догадаться нетрудно. Авторитет у тебя такой. Всеядный. Где угодно печатаешься, сегодня за красных, завтра за белых, и везде ухитряешься всеобщим любимчиком и рубахой-парнем оставаться. Одни тебя всерьёз воспринимают, другие за балаболку держат — из тех, кто «ради красного словца...». И сегодняшнюю *туфту* ухитришься так подать, что кто сумеет правильно прочитать — тот молодец. Кто не сумеет — позабавится. До поры...

— Таким, значит, образом ты меня воспринимаешь? — будто бы расстроился Волович. Ещё полчаса назад сам он Ляхова не воспринимал вообще никак. Ну, есть такой общительный парень, неглупый, но с тараканами в голове, всегда при деньгах, любитель спорить на любые темы. Ни к каким тусовкам не примыкающий, но почти в каждой более-менее терпимый.

А сейчас вдруг проглянуло в нём нечто такое... напрягающее. Пожалуй, даже пугающее. Чёрт его знает, вдруг и на самом деле с нечистой силой знатся? При свойственной ему широте взглядов журналист и такие экзотические варианты предпочитал не отмечать с порога.

— По форме — да. А форма, как известно, для журналистов, женщин и офицеров важнее содержания. Так что... На вопросы «для чего» и «от кого» имеешь полное право ответы придумать сам. Да, где-то, от кого-то я не так давно слышал странное название. «Чёрная метка». Что-то из Стивенса, кажется? Вот на господина Роберта Льюиса и можешь сослаться. Сегодня её наверняка получит кто-то ещё. Как говорится — следите за рекламой...

— Подожди. Так она что, действительно существует?

— Судя по воспоминаниям Джима Хокинса — наверняка. Капитан Билли Бонс в этом убедился. Только упаси тебя бог упомянуть где угодно и при любых обстоятельствах иной источник информации. Я достаточно ясно выразился?

Намёк Ляхова был чересчур прозрачен. От него Воловичу сделалось совсем не по себе.

— Оккультные тайны — такая штука, — доверительно сказал Вадим. — Мы, кто ими занимаемся, всё время *по краю* ходим. В общем, я побежал. Интересную ты мне историю рассказал. Надеюсь, на печатных страницах выйдет ещё занимательней. Прямо-таки рад, что её первый от тебя услышал, — прозвучало это так убедительно, что Воловичу впору было задуматься. И задуматься как следует.

Ляхов сунул под лежавшую на краю стола борсетку журналиста плотный конверт.

— Рассчитайся за коньячок.

Сделал ручкой и стремительно исчез.

— Думаешь, уже пора расшифровываться? — спросил Секонд, выслушав Фёста. — Я бы ещё подождал...

— Не просёк, — покачал головой тот. — Нам пока без разницы, что он там напишет, а вот с кем информацией поделится и куда она дальше пойдёт — существенно.

— Что, думаешь, он на наших клиентов работает?

— Он — едва ли. Зато каналы у него — не хуже, чем под Варшавой. С запашком, зато топография — закачаешься! Ну, я и проследил. Спасибо Лихареву с Левашовым. С их техникой проще, чем в «Гугле» нужное найти.

— Что-нибудь нашёл?

— Больше, чем рассчитывал. Думаешь, мне на самом деле шашлычков на природе пожевать захотелось и в окружении гурий рассвет встретить? Нет, шашлыки будут и всё остальное, но ты не поверишь, как всё обалденно удивительно-поразительно складывается...

Фёст свернул в тёмную просеку, с трассы почти незаметную, через километр с небольшим остановился перед воротами в высоком глухом заборе. Они раздвинулись по сигналу и автоматически закрылись, едва машина пересекла инфракрасный луч. Сам дачный дом был так себе, средненький, не большой и не маленький, одноэтажный с мансардой, стоящий в окружении кустарников и нескольких разлапистых сосен.

Зато участок был хорош: не жалкие шесть позднесоветских соток, а полноценные полгектара, что раздавались в сталинские времена заслу-

женным людям. У кого и по какой цене «братья» приобрели *имение*, Фёст не интересовался.

— Ну, добро пожаловать. — Он отпер дверь дома, с пульта на веранде включил свет сразу во всех помещениях. — Девушки располагаются наверху, там четыре двухместные комнаты, а мы пойдём мангал разжигать. Устройтесь — вернётесь к нам, получите очередное задание.

Секонд с интересом осматривал освещённую луной и светом из окон часть участка. Уютно, но и тревожно как-то. Кроны сосен шумят, одуряюще пахнут клумбы, заросшие ночной фиалкой — маттиолой. Река вдалеке плещется.

— Воры не шалят? — спросил он. — Место уединённое, дача явно не бедная.

— Было дело, попробовали, — туманно ответил Фёст. — Больше желающих не находится.

Посидели, полюбовались тихой ночью, а заодно и фигурами девушек в выходящих на полянку окнах. Задёрнуть шторы никто из них не удосужился.

— Красота, — сказал Вадим-местный, непонятно что имея в виду: переодевающихся валькирий или янтарные полосы облаков, то и дело набегающих на полный диск луны. — Однако... Раз мы до макушки погрузились в пучину совпадений, любое новое нас не должно смущать, — говорил Фёст, поправляя кочергой разгорающиеся в мангале буковые поленья. — Однако всё равно забавно. Несколько господ, имеющих сомнительную честь попасть в мой реестрик, всего через четыре часа после моего разговора с Воловичем оказались в курсе. Я не называл никаких имён, и, тем не менее, они неприлично взволновались, быстренько,

по сугубо защищённым системам связи созвонились, решили провести экстренное совещание. По очередной случайности место *конфиденции* назначено всего в пяти километрах отсюда вниз по реке. Я очень смеялся и снова вспомнил арабскую притчу про раба и смерть...

Увидел, что Секонд не понял. Неужели в его мире эта история не получила заслуживающего распространения?

— Очень поучительная притча, — неторопливо начал он. Ему всегда нравилось растолковывать непосвящённым общеизвестное. — Раб одного богатого купца встретил на багдадском базаре Смерть. Она странно усмехнулась и погрозила ему пальцем. Перепуганный раб прибежал к хозяину, рассказал и попросил разрешения уехать на время в Басру. Тот разрешил и сам отправился на базар. Смерть всё ещё была там.

— Зачем ты напугала моего раба? — спросил купец.

— Я его не пугала, — ответила та. — Я просто удивилась, что он делает здесь, если у нас назначена встреча в Басре...

Так вот. Эти ребята тоже, наверное, испугались. Моментом собрались и выехали пятью машинами из разных мест, опередив нас примерно часа на два. Так что сейчас, пожалуй, уже нервно беседуют, одновременно готовясь свининки с пылу с жару отведать. Но мы с тобой люди просвещённые и знаем, что настоящий шашлык возможен только из отборной баранины...

— Кто они? — спросил Секонд, стараясь не поддаваться чувству обиды. Пора бы уже аналогу перестать вести себя подобным образом. Он,

пусть и второй, повидал и пережил никак не меньше первого, и продолжать акцентироваться на том, что именно в данный конкретный момент, на своей территории, тот знает и умеет чуть больше — по меньшей мере, некорректно.

И тут же подумал — поменяйся они местами, вёл бы себя подобным образом. Вспомнить только, как выпендривался перед Чекменёвым, вернувшись из «бокового Израиля».

— Достойные люди, — прикурил Фёст от уголька, скатившегося на землю. От мангала тянуло жаром, как от кузнечного горна, и они отошли на несколько шагов. — Пули у стенки каждый достоин, трое из пяти — виселицы.

— Сурово. И с доказательствами всё в порядке?

— На мой взгляд — да. Возьмёшь в машине досье, сам посмотришь.

— Кто-то из них был в списке для президента помечен?

— Удивишься, но нет. Оттуда утечки пока не проходило. Прямой, я имею в виду. А так, естественно, всё, о чём мы с ним говорили, наверняка уже известно не одному десятку людей. О сути моего замысла и методике реализации... Шапки начинают загораться на самых умных и осторожных: туфта, она, может быть, и туфта, но бережёного бог бережёт. Я не поленился, потратил полчаса времени, загнал в центральные компьютеры пограничников и таможни абсолютные запреты на пропуск за границу нескольких сотен фигурантов, якобы находящихся в федеральном розыске. Так что по-быстрому и без скандала *претендентам* смыться не удастся. Долго разбирать-

ся придётся. А мы к тому времени новую подянку придумаем.

— Заблокировать всем, кому нужно, заграничные банковские счета, — предложил Секонд.

— Я пока не очень представляю, как это делается, но, глядишь, покумекаем — разберёмся... Специалистов подключим. А пока давай лучше о сегодняшней работе думать.

— Ты всё-таки предварительно мне диспозицию изложи. Я втёмную не привык.

— Сейчас...

Из дома появилась девичья команда в полном составе, пока не догадывающаяся, что не только сервировкой стола с последующим чревоутождением ей сегодня предстоит заниматься.

Фёст мгновенно изобразил старшего по команде. У девушек с самого начала возникли эмоциональный и психологический раздрай. Секонда они знали гораздо лучше и считали его прямым начальником по службе в «печенегях». Но здесь начали путаться. Их полковник Ляхов явно отходил на второй план. Но приказа о переподчинении тоже не поступило.

Одна Вяземская в вопросе субординации определилась окончательно. Глядя на неё, остальные тоже стали исходить из текущих обстоятельств.

— Становись! Равняйся! Смирно! — скомандовал Фёст.

Смирно так смирно. Подпоручицам одинаково, что за столом с начальниками сидеть, что, вытянув спину и ноги до струнной вибрации мышц, раздвинув носки обуви на «ширину приклада», смотреть «вправо на грудь четвёртого человека». Устав не предусмотрел, что груди второго и

третьего в строю солдата могут случайно не позволить исполнить предписанное. Если предварительно не приказано разобраться не только по росту, но и по размеру бюста.

Фёст, с позволения Секонда, развлекался. Чтобы снять ту внутреннюю *разность потенциалов*, внезапно возникшую между ними.

— Вельяминова, Волинская, Виттефт, Вирен — три шага вперёд! — Он выбрал тех, кто уже показал себя в бою. Ничем иным не руководствовался. Ни собственной привязанностью, ни тем, что Секонд пообещал побережь подругу Уварова Анастасию.

Чётко выполнено. Залюбуешься. Всем бы солдатам, какими довелось командовать товарищу капитану российской армии Ляхову, так. Да и офицерам тоже. У Вадима, хоть в той ещё, советской армии он не служил, перемены в форме одежды вызывали естественную неприязнь. Особенно — когда парадные коробки маршируют по Красной площади в штанах навыпуск. Выглядит непристойно, прямо-таки на грани порнографии. Хорошо, президент хоть своё «потешное войско» оставил при сапогах. Должно ведь в стране быть что-то постоянное!

Вышедшие перед строем девчонки тянулись ещё старательнее.

«Ах вы, милые мои, — подумал старый (почти тридцатидвухлетний) циник Ляхов-первый. — В бой вас, таких, посылать? Опять «Зори здесь тихие»? А что делать? Либо — либо. Мы — люди военные. И сдуру я никого не подставляю...»

Риск в задуманной им операции был минимальный. Всё, что в человеческих возможностях,

он предусмотрел и продумал. Девушек всех в деле испытать нужно. И брату-двойнику показать, как у нас такие вещи исполняются.

— Вельяминова. Вы — старшая группы. Переодеться в полное боевое. Оружие — по штату. Готовность — пять минут. Исполнять!

Четвёрка исчезла из глаз мгновенно.

Остальные трое ждали, что будет приказано им. На правом фланге — Люда Вяземская.

— Вам к нашему возвращению обеспечить ужин, а также, если понадобится — оборону и охрану территории. Огнестрельное оружие применять только в безвыходной ситуации. В любом другом случае — только руками и ножами. Без шума. Ясно?

— Так точно, — ответила Людмила, но взгляд у неё был прямо прожигающий: «Как же ты можешь! Тех с собой берёшь, а меня в тылу бросаешь?»

Ляхов-второй продолжал наблюдать, как бы со стороны. Чёрт возьми, как его аналог *отчётливо* себя ведёт. У него, с точки зрения *своих* подчинённых, тоже получалось неплохо. Однако в Москве, во время странного мятежа, когда он командовал штурмгвардейцами, а Первый — взводом корниловцев, и *картинка боя*, и результаты оказались несоизмеримы. Там он не взялся бы *брatца* подменить.

— Ты с ними останешься, — сказал Фёст. — Начальником гарнизона.

— Чего это ради? — возмутился Секонд. — Я хочу лично поучаствовать. Или хоть посмотреть, что вы там затеваете.

— Отставить, — жестко приказал напарник,

хотя оставался по-прежнему капитаном и говорил с заслуженным полковником. Но в российских армиях, что в той, что в другой, старшинство определяется должностью, а не званием. Это в разных других, хоть тресни, нельзя поставить толкового генерал-майора командовать корпусом, если комдивы старше его не только чином, но и по производству. А у нас контр-адмирал Кузнецов, разжалованный, но назначенный Главкомом ВМФ, командовал десятками и вице-адмиралов, и полных, в том числе своим заместителем, адмиралом флота Исаковым.

Да и в самом деле, кто он здесь, Секонд? Гость. В лучшем случае — волонтёр.

— Девчат оставить здесь одних нельзя — раз, — счёл нужным пояснить Фёст. — Все яйца (он усмехнулся невольной аллюзии) в одну корзину не кладут — два. Если что сразу с обоими случится, барышни сами с Левашовым и Кисловодском связаться не смогут. Про «три» сам догадайся. Садись...

Он указал на уложенное напротив мангала бревно, специально, для удобства сидения обтёсанное поперёк.

— Нет, ты мне скажи, — не успокаивался Секонд. — Если у вас через СПВ вчера так отлично получилось, зачем в бой лезть? Мог бы прямо из дома всё сделать...

— Попивая чаёк и лаская девочек по коленкам, — в тон добавил Фёст. — Ты меня начинаешь разочаровывать. Выражение такое — «неспортивно» — слышал? Русские князья и цари на кабана и медведя с мечом и рогатиной ходили. Генсеки КПСС по привязанным за ногу оленям из дорогих

«Меркелей» стреляли. Я им уподобляться не собираюсь. Затеял свою войну — так и веду её, не на глобусе, а на местности. Лучше скажи мне, что с тобой случилось? Воздействие чужого времени, как такового, или чины, слава, должности? На перевале, встретив Тарханова, ни ты, ни я на секунду не задумывались, уезжать или оставаться...

Пауза длилась слишком долго, и Фёст успел процитировать:

— Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя течёт в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.

Ах, как трудно сбросить полушубок
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока ещё не смолкли трубы
В сердце, как в далёкой стороне...¹

Объяснять, что это и откуда, не стал. Притушил о бревно окурков.

— Воевать мы сегодня не будем. Подействовала на меня инвективы господина президента, и, глядя на тебя, свой бывший гуманизм припомнил. Но живыми оттуда всё равно никто не уйдёт. Излагаю диспозицию...

...Прежде всего информация Воловича о «Чёрной метке» и её планах в отношении преступного мира дошла до двух самых сильных в Москве «воров в законе», давно поделивших столь серьёзные

¹ Из стихотворения С. Орлова «Мой лейтенант».

сферы экономики и политики, что обычная уголовщина осталась на далёкой периферии их интересов. «Нормальные» ОПГ они тоже контролировали, но больше в качестве инструмента воздействия на конкурентов и поддержания статуса, чем источника доходов.

Часом позже о том же, но в несколько иной трактовке узнал их куратор, генерал-лейтенант МГБ, пользовавшийся среди коллег столь дурной репутацией, что никто не считал возможным не то чтобы пригласить его в «Чёрную метку», а и просто ознакомить с самим фактом существования такой организации. Прочитав полстранички оперативной сводки, он пришёл в бешенство и одновременно испугался. Слишком отчётливо представил, чем подобная структура может угрожать ему лично, если в неё входит хоть десяток старших офицеров «конторы».

Немедленно вызвал на ковёр непосредственно подчинённых ему аналитиков и в выражениях, пристойных ротному старшине после *втыка* вышестоящего начальства, потребовал тут же представить ему любую имеющуюся по треклятой «метке» информацию, пусть даже косвенную. Получил ворох выдержек из агентурных донесений, оперативных сводок и прослушек, в которых так или иначе присутствовало означенное словосочетание. Прочёл и крепко задумался.

Ни одного достоверного факта, зато целый букет «фольклора», в котором организация выглядела практически всемогущей, беспощадной и, что самое отвратительное — абсолютно бескорыстной. Её апологеты — а таких среди *источников*

оказалось большинство — склонны были любое нераскрытое преступление определённой направленности соотносить именно с «Чёрной меткой».

Ерунда, конечно, но ведь никаких других объяснений серии случившихся прошлым летом бесследных исчезновений и неразгаданных смертей сотни с лишним *влиятельных людей* до сих пор не нашлось. Был человек — и нету. И никаких следов. *Сплошные висяки.*

Все эти дела проходили по другим управлениям и ведомствам, строжайшей секретности во взаимоотношениях между ними никто не отменял, и генерал только сейчас получил представление о масштабе и пугающей непонятности случившегося.

Первой и самой здоровой мыслью было — прямо сейчас переодеться в гражданское и, не заходя домой, скоростным поездом в Питер. Оттуда — машиной к Выборгу. И — на ту сторону. Пока хватятся — ищи-свищи.

Всё бы так, но есть недоделанные дела, необрубленные концы и неполученные долги. Даст бог, успеем!

Был у него способ позвонить так, чтобы прослушка, если она контролирует его абонентов, засекла аппарат, расположенный между Уфой и Челябинском. Он договорился о срочной встрече не только с авторитетными ворами, но и с сотрудником президентской администрации, *вхожим без доклада* если не к самому, то к особам, совсем уже приближенным.

И с ещё одним *подельником*, способным, по его

мнению, прикрыть их тесный кружок и независимой вооружённой силой, и идеологически.

В таком составе ночное совещание давало шанс не только «прикрыть свою задницу», как любят выражаться американцы, считающие эту часть тела наиважнейшей, в сравнении с головой, например, но и отыграть у вероятного противника несколько ходов. Большого пока и не нужно.

— В принципе ясно, — сказал Секонд. — Проворов у меня сомнений нет. Это ещё Тарханов сформулировал: надел погоны вражеской армии — не жди, что кого-то озаботят твои личные качества и семейное положение.

— Я всегда считал его умным парнем.

— Генерал МГБ — тоже понятно. Крышевание бандитов, сто двадцать миллионов на швейцарском счете и вилла в Этрета под присмотром любовницы из своей же конторы, якобы находящейся в служебной командировке — для военно-полевого суда достаточно. Только, по царскому уложению от тысяча девятьсот шестого года, такой суд должен состоять из трёх офицеров. Нас — двое.

С крыльца, готовая к немедленному бою, спустилась четвёрка Анастасии.

— Вельяминова — ко мне! — скомандовал Фёст. — Остальные на месте!

— Ты что — извращенец? — спросил Секонд. — То с Вяземской глаз не сводил, а сейчас — Вельяминова да Вельяминова.

— Ага! Активный строефил. Был у меня прапорщик Мороз — тот, очевидно, пассивный. А я

обожаю, когда такого экстерьера девушки передо мной в струнку тянутся.

— Чего же Вяземскую не позвал? — Голос Секонда сочился ядом.

— Она мне в горизонтальном положении больше нравится. А эта — в вертикальном, — издевательски ответил Фёст. С самим собой чего уж стесняться, если сразу не доходит?

Подпоручик уже стояла рядом, прижав полусогнутые кисти к швам брюк и вздёрнув подбородок. Продолжать пикировку при ней было непедагогично. Причём неизвестно, слышала ли она последние слова. При её способностях вполне могла, но вида не подавала.

— Садись, Анастасия Георгиевна, — указал Фёст на бревно. — Курить разрешается. Дело вот в чём — тебе, согласно чину и должности, придётся побыть членом экстренного военно-полевого суда. Знаешь, что такое?

— Так точно, знаю. Могу наизусть процитировать все существующие уложения, — ответила Вельяминова, гордая тем, что её сочли достойной.

— Обойдёмся, — не слишком вежливо ответил Фёст. — Достаточно одного пункта: заседание проводится без участия защиты, предполагая, что суд в состоянии самостоятельно рассмотреть все обстоятельства, конфирмация¹ приговора производится старшим воинским начальником, за его отсутствием — председателем суда. В исполнение приговор приводится немедленно...

— ...На Красной площади, с барабанным боем, — к месту или не к месту вспомнил Секонд

¹ Утверждение.

фразу из романа графа А.Н. Толстого «Светлое утро»¹.

Фёст замечание проигнорировал.

— Вот тебе формула обвинения. — Он пересказал Анастасии то, что говорил Секонду о преступлениях генерала и его подельников. Короче и конкретнее. — Вот мой вариант приговора — смертная казнь. Господин полковник Ляхов, твой непосредственный начальник, колеблется. Значит, господин подпоручик, вам решать.

Настя, проявив недюжинные дипломатические способности, молчала ровно столько, сколько позволила изредка потягиваемая сигарета. Того сорта, что не горят, как бикфордов шнур, сами по себе. Которые нужно курить всерьёз.

— Моё слово действительно решающее? — наконец спросила она, растерев окурки в пальцах и бросив то, что осталось, с ногтя в мангал. Как учили белые рейнджеры, отвоевавшие четыре войны и оставшиеся в живых всем смертям назло.

— Не сомневайся, подпоручик, — кивнул её начальник, полковник, флигель-адъютант Ляхов. А его брат-близнец, всё это явно затеявший, смотрел в небо, покрытое звёздами, совершенно не похожими на те, что украшали купол Таорэры. Здесь их в десятки раз меньше, но они крупнее. И, как бы это сказать — убедительнее.

— Тогда я за высшую меру. Предатели и убийцы права на жизнь не имеют...

¹ В этой реальности — роман того же автора «Хождение по мукам».

Фёст, не сводя до конца ладоней, изобразил намёк на аплодисмент.

Секонд слегка улыбнулся.

«Провокатор», — подумал Фёст с опережением.

— Последний вопрос, подпоручик, — спросил её *командир*. — Приговор ты поддержала. А в исполнение привести?

— Стен боад, коонел, — почти выкрикнул Фёст. И продолжил по-русски: — Дурак, твою мать!..

— Нашу, — вежливо ответил Секонд. — Играем так играем.

Настя сориентировалась мгновенно.

— Вадим Петрович, — назвала она Секонда по имени-отчеству, как бы выходя за границы субординации. — Если вы ставите вопрос именно так и хотите определённого ответа, вы его получите. Да, готова. И не только в отношении мне абсолютно неинтересного генерала...

Фёст показал Вельяминовой большой палец.

— Я всё понимаю, — ответил Ляхов-второй, только что — безусловный начальник Вельяминовой и всех остальных девушек. Разве можно забыть чудесные месяцы на пароходе «Валгалла», всё, что там было? И буквально вдруг — смена декораций. — И ты совершенно прав, и она. Я просто действительно никак не привыкну. Спасибо за честность, подпоручик Вельяминова.

— Служу России! — подхватила Настя, но Фёст придержал её за руку.

— Хватит нам тут плац-парады устраивать. Сейчас мы впятером сгоняем на моторке в расположение противника и, как в китайской поговор-

ке, понаблюдаем за схваткой тигров в долине. Сами никого *исполнять* не будем...

Это он вспомнил профессиональный термин из книжки бывшего сотрудника одного специфического подразделения МВД.

— Разве — в порядке самообороны. Давай, Анастасия. Там в сарае надувная лодка с водомётным движком. Спускайте её на воду, я сейчас подойду.

Из сумки, постоянно носимой при себе, он достал «маузер К-96» «девятку»¹, пристегнул к рукоятке кобуру-приклад, рассовал по карманам шесть открытых обойм по десять патронов.

— Чего это тебя на архаику потянуло? — спросил Секонд. — Автоматов не хватает?

— Да кто его знает. Захотелось. В руке приятен, бьёт хорошо, и криминалистам лишняя заморочка.

— Ладно, хватит разговоров. Езжайте. И живыми возвращайтесь. Шашлыки на мангал через час поставлю. Управитесь?

— Как пойдёт. Будем стараться...

Шестиметровый клипербот², странно смотрящийся на узкой, извилистой, но с быстрым течением Истре, оснащённый совершенно бесшумным двухсотсильным мотором (для сомалийских пиратов в самый раз судёнышко), притёрся к бе-

¹ С 1916 г. некоторое количество «К-96» выпускалось под патрон 9 мм. На рукоятке вырезалась большая цифра «9», залитая красной краской.

² Мореходная, резиновая или из иного материала надувная лодка с мощным мотором.

регу полусотней метров выше ограды генеральской дачи.

Девушки и Ляхов опустили на глаза бинокulares ноктовизоры, своими характеристиками и компактностью намного превосходящие те, что имелись в этом мире. Без всяких искажений они давали точную картинку окружающего (с полной цветовой гаммой) в радиусе пятисот метров. Следующие полкилометра различались, но в мутноватом зелёном тумане.

Забор из часто поставленных четырёхметровых столбов, между которыми натянуты десять ниток острейшей «егозы», спускался на пару метров в воду. Не беда, если случайный купальщик напорется. Вышестоящие товарищи здесь не плавают, от прочих *отмазаться* — не проблема. Да и охрана границу *священной частной собственности* постоянно патрулирует.

Фёсту было не привыкать, но неконтролируемая злость снова подкатила к горлу. В какой же... стране мы живём? У Секонда сам Государь Император не позволил бы себе свой Петергоф колючкой под током окружить. А здесь наверняка на ночь вольт триста восемьдесят на «цаункёниг»¹ подают, при десяти амперах. Насмерть не обязательно убьёт, но потрянёт как следует. До следующего утра заикаться будешь.

Участок занимал не меньше двух гектаров. Трёхэтажный хозяйский дворец, двухэтажный флигель для прислуги, одна караулка у ворот со

¹ «Цаункёниг» — «королевская крапива», наименование ограды из колючей проволоки, использовавшееся в немецких концлагерях.

стороны трассы, вторая — у выхода на личный пляж. Рассыпавшиеся редкой цепочкой вдоль всего северного фаса «фортеции» валькирии мгновенно зафиксировали текущее местоположение всех десяти охранников.

Очень господин генерал уважал свою «душонку, отягощённую трупом», как неэстетично выражался Эпиктет¹.

— Вирен, на левый фланг. Наблюдать за въездом, — шёпотом приказала Анастасия Инге.

Там происходило кое-что интересное. За узкой асфальтовой дорогой, отделяющей дачу от густого елового перелеска, обозначилось непонятное шевеление. Инга, как разведчик-ирокез, бесшумно скользя между кустов, доползла до кювета, бестелесной тенью перемелькнула через шоссе. Ни ботинками, ни снаряжением, ни автоматом небрякнув.

Под и между могучими деревьями в пределах стометрового радиуса затаилось не меньше десятка человек. Хорошо подготовленных — бесспорно, в Афгане, Чечне, даже джунглях Анголы им бы цены не было. Оружия, излучавшего понятный любому *подготовленному* человеку запах смазки и металла, при них было намного больше, чем требовалось.

Сильные, но глупые люди, по мнению Инги, по легенде правнучки главного командира Кронштадта, контр-адмирала Роберта Николаевича Ви-

¹ Римский философ-стоик (50 — 183 гг.). Один из его постулатов, весьма актуальных для времени Ляхова: «Не сами вещи, а представление о них делает человека счастливым, добро и зло не в вещах, а в нашем отношении к ним». Что касается «душонки, отягощённой...» — это его определение живого человека.

рена, имеют склонность таскать при себе в пять раз больше ножей, автоматов, пистолетов и гранат, чем может потребовать какая угодно обстановка. Просто так, на всякий случай. Или — от личной неуверенности.

Сама она была вооружена предельно легко.

Жаль, что никто не сказал тем *серьёзным* мужчинам, что против не отметившей своё двадцатилетие девчонки сейчас они — как солдаты-первогодки Первой мировой войны против нынешнего прапорщика спецназа ГРУ.

Поступи команда, Инга перешёлкала бы всех, не дав времени даже обернуться на звук.

Но команды не было. Подпоручик Вирен, ориентируясь сначала на слух, а потом и на визуальную информацию, быстрее тропической кобры переползла на двести метров дальше, попутно обнаружив ещё две засадные группы примерно той же численности.

Дача была обложена плотно. Кем и почему — ей знать не полагалось. Кроме командира и трёх подруг — все остальные враги. Исходно и по умолчанию. Поступит команда думать по-другому — она подумает. После того, как...

Даже не кошкой, а лаской Инга взлетела на горизонтальный сук дуба, вытянувшийся над предполагаемым полем боя. Отсюда ей видно всё, и стрелять сподручно, и путей отхода с дерева на дерево, по смыкающимся ветвям — сколько угодно. А беззвучные и беспламенные очереди пойдёшь за секи в предстоящем беспорядке и бардаке.

Инга устроилась поудобнее, пристроила автомат в развилке ветвей, вытащила из кармана миниатюрную гарнитуру переговорника.

Фёст (пока будем называть его *капитан* Ляхов) всё то, о чем доложила Вирен, не только предвидел и предполагал, но и лично организовал.

Какая же удобная и полезная штука — этот инопланетный Шар, пусть и используемый на первой скорости, как автомобиль, где не знаешь, как воткнуть следующую передачу. С таким устройством можно творить почти всё, что придёт в голову. Однако Вадим знал и другое — при грамотно организованном противодействии и на такой газ найдётся противогаз. Сумели же Новиков, Шулгин и компания переиграть владельцев этой техники, использовавших её в полном объёме.

Так толковый и отважный солдат мог грохнуть вражеский танк со всем экипажем обычной связкой ручных гранат.

Не слишком много труда составило и капитану разыскать с помощью Шара телефоны *особо доверенных источников*, нигде не зарегистрированные и, по мыслям хозяев, не фиксируемые даже особым подразделением МГБ.

Потому полученные уже в пути сообщения их адресаты приняли со всей серьёзностью. Как же иначе?

Ляхову даже не пришлось особенно затрудняться с формулировками. Шар, усвоив общую установку, в считанные минуты собрал всю имеющуюся в ноосфере информацию, относящуюся к каждому из персонажей, и преобразовал её в индивидуальные психологические портреты. После чего трансформировал замысел Вадима в единственно понятные и приемлемые именно данной личностью тексты.

У читателя может возникнуть естественный

вопрос — отчего агграм, располагающим не в пример более мощной аппаратурой, не удалось справиться с «Братством» в самый момент его возникновения? Казалось бы — несколько пистолетных выстрелов в Шульгина, Новикова, Ирину¹ — и любые проблемы снимаются на века. До рождения ещё одного комплекта «кандидатов в Держатели Мира».

Пожалуй, по той самой причине, по какой японцы за неделю взяли великолепно защищённый, снабжённый всеми видами боеприпасов и продовольствия Сингапур, окружённый бетонными стенами и отгороженный от материка широким морским проливом. А недостроенный, без всяких ДОТов Порт-Артур штурмовали почти год. Немцы в сороковом за месяц раздолбали всю Францию, прикрытую линией Мажино и голландско-бельгийскими фортами, и не сумели за три месяца взять лежащую в чистом поле Одессу, которую оборонять теоретически вообще невозможно. Что сами же немцы и подтвердили, в сорок четвёртом сдав её обратно практически без боя.

У одних этот фактор называется — «загадочная славянская душа», у других — «русский характер», а если языком бывших замполитов — «морально-политическое превосходство». На чём господа аггры и сломались. Без всяких на то оснований вообразили, что противник, о котором они ничего фактически не знали, сдастся при первом же угрожающем жесте в его сторону. А когда сообразили, что сдаваться он не собирается, было уже поздно.

¹ См. роман «Одиссей покидает Итаку».

Примерно за час до назначенной встречи, уже в пути каждый из ехавших на генеральскую дачу для серьёзных переговоров и выработки общей стратегии противостояния внезапно возникшей, всем понятно, что нешуточной угрозы, вдруг узнал, что на самом деле готовится капитальная *разводка*. «Друзья и партнёры» на самом деле собираются работать только на себя. Все имеют планы, как *кинуть* остальных, или просто *сдать*, в обмен на гарантии личной неприкосновенности и подходящее вознаграждение из чужих долей в общем бизнесе.

Подано было всё очень убедительно; со ссылками на факты, никому постороннему никак не известными.

Вдобавок сообщалось, что каждый из участников *стрелки* прихватил с собой мощные группы поддержки. Вопреки договорённости. То есть *стрелка* изначально получалась *гнилая*.

Само собой, люди обиделись, немедленно вызвали в нужное место всех, кто имелся под рукой.

Самое забавное — генерал действительно, без подсказки Ляхова, по собственной инициативе направил к своей даче опергруппу, впятеро превышающую по численности телохранителей остальных гостей, вместе взятых. На всякий случай.

По представлению Ляхова обстановка выглядела следующим образом. Внутри дачи уже находятся пять ВИП-персон и заранее оговоренная охрана. Вокруг — успевшие подтянуться бандитские боевики, боевики не совсем бандитские и кадровые сотрудники одной из спецгрупп МГБ. Суммарно — человек сорок. Но генерал, хозяин

дачи и организатор *стрелки*, всё равно обладал двукратным превосходством в живой силе и подавляющим — в технике. При этом находясь на своей, хорошо известной и инженерно оборудованной территории.

Что ему могут противопоставить *коллеги*, прекрасно понимающие должностное и позиционное преимущество хозяина? Ответ очевиден. Если ситуация потребует *острых* решений, два десятка бандитов, никаким образом не подготовленных к бою с военными, в худшем случае успеют стрелянуть из гранатомётов по караулкам, ввяжутся в безнадёжный бой с охраной, тут их и разделают *настоящие* специалисты. Будет что предъявить президенту, как доказательство своей верности и непричастности к любым заговорам. Наоборот, имеются кандидатуры, вполне подходящие, чтобы их подставить...

Его гости, тоже не последние люди в подобных играх, имели собственные планы, почти стопроцентно гарантирующие совершенно иной результат. Случись что-то непредвиденное — их боевики были ориентированы на захват генерала и любого из присутствующих. С последующей разборкой совсем в другом месте.

Капитан Ляхов рассматривал *обстановку на театре* в собственном ключе. Что бы кто ни планировал, боевики любой из сторон непременно пересекутся ещё на рубежах выдвижения. Неужели не понятно?

Ах да, конечно! Никто из них не подозревает, что противник не глупее и располагает не меньшими силами. Расчёт примитивнейший — их двое, нас десять!

Вадим на месте любого из командиров, уж спецназовского — наверняка, организовал бы разведпоиск. Вроде того, в который он послал Ингу. Никого не обнаружишь — ладно. Попадутся — без звука переколоть вражеский дозор. Если не спецназовцы, а бандиты успеют раньше — атаковать дачу, не дожидаясь прямого приказа хозяина. Отмазка простая — *они* первыми начали. Доказать ничего невозможно, а прав всегда тот, кто победил и выжил. Главное — выжил.

Вельяминова почти неощутимо коснулась его локтя.

— ?

— Река, — почти бесшумно шепнула девушка.

Как же он сам не сообразил? Толковый специалист именно отсюда и должен предпринять *проникновение*. Откуда они сами пришли.

Сначала едва слышный плеск услышала располжившаяся ближе всех к берегу Герта Витгефт, потом и сам Ляхов. Нашлись в штате у *пациентов* боевые пловцы. Вернее — всего один. Хорошо различимый в ноктовизор, он на несколько секунд высунул над поверхностью воды голову, сориентировался на свет из окон и снова погрузился. Охранник, следящий за пляжем, его не заметил.

Помочь, что ли?

Вадим нащупал рядом голыш покруглее, с полкило весом, прикинул, хорошо ли лёг в руку. Нормально.

Прошептал в переговорник:

— Герта, Кристя, как начнётся — по три короткие очереди в окна дома. По верхним стёклам. Потом броском шагов на двадцать назад — и затаи-

лись. Инга — сиди, где сидишь, ни во что не вмешиваешься.

Протянул руку вправо — Анастасия здесь.

— Ползи к берегу, без моей команды — ничего. Как тебя и нету.

Она тут же бесшумно растворилась в темноте — послушная девушка.

Теперь Ляхов совсем успокоился. Ни о ком в ближайшие минуты заботиться не надо. Дождался, когда подводный пловец вынырнул снова, уточняя позицию, всего в пятнадцати метрах от него. Прикинул угол и расстояние, швырнул камень. Попал, как и целился, в плечо, облитое чёрной резиной гидрокостюма. От неожиданности и резкой боли «ихтиандр» громко вскрикнул, выплунув загубник, и рванулся к берегу, шумно шлёпая по воде одной рукой.

Не та подготовка! Настоящий боевой пловец на задании и тонуть должен молча, чтобы не выдать напарников.

Но получил он здорово! Такой булыжник мог запросто кость раздробить, а в верхнем плечевом поясе и вокруг много чувствительных нервных узлов и сплетений.

Охранник с другой стороны пляжа услышал, что-то закричал, включил мощный фонарь.

«А собачки? Отчего собачек здесь нет? — мельком подумал Ляхов, вскинул «маузер» с пристёгнутой кобурой-прикладом, трижды выстрелил поверх головы постового. Низко, тик в тик, чтобы пули отчётливо свистнули.

И — началось!

Слитные очереди «АКМСов» с этой стороны, звон десятков бьющихся стёкол (если пули попа-

дают в рамы или рикошетят от стен, стёкла рушатся целиком, с должным звуком). Полное впечатление морского десанта.

Тут же в ответ ударил шквальный огонь охраны из крупнокалиберных помповых дробовиков. По всем азимутам.

— Кристя, Герта! По полмагазина в лес. Левее ограды. И броском ко мне. Настя — весь рожок по второй караулке. И сюда же!

Сам он, опираясь спиной о двухобхватную сосну, за которой спрятаться можно хоть от ДШК, положив ствол «маузера» на сгиб левой руки, прицельно бил по веранде, по мелькающим за занавеской теням. Дострелял обойму, присел, перезарядил пистолет.

Рядом, возникнув из темноты, распласталась на песке Вельяминова. Дышала она совершенно ровно.

Через несколько секунд подползли Воынская с Витгефт.

— За дерево, девочки. Перезаряжаем оружие и работаем по плану «раз». Пошли!

Как и рассчитывал Ляхов, боевики всех пяти группировок среагировали правильно. Часть кинулась к даче, на выручку своих боссов, остальные начали крошить друг друга, ориентируясь на целеуказание валькирий, сделанное трассирующими пулями.

По названному Вадимом плану три девушки и он сам должны были, стремительно перемещаясь по полю боя, короткими очередями обозначать ме-

★

стоположение каждой из групп, чтобы остальным понятнее было, в кого стрелять.

Риск нарваться на шальную пулю, конечно, был, но совсем незначительный, при их скорости и отличных ноктовизорах. Игра в жмурки пяти зрячих с полусотней слепых. Однако трассы летили густо. Со всех сторон.

Инга Вирен по длинной ветви доползла до самого края. Там, среди во все стороны торчащих пучков листьев, заметить её было невозможно никаким образом. Ниоткуда.

А у неё тоже ноктовизор, автомат и триста патронов.

— Инга, что видишь? — спросил Ляхов, продолжая руководить боем. Очень трудная работа, если кто не знает. Ротным служить тяжело, взводным — ещё хуже, в разгар ночного, маневренного встречного боя.

Вирен доложила шёпотом — система чётко передавала каждый звук и интонацию. Не то, что старый полевой телефон.

— Смотри. Никак не проявляйся. Ты — мой засадный полк. Если увидишь попытку прорыва главных фигурантов через ворота к машинам — тут твоя игра. Но стреляй не выше пояса. Самое лучшее — тазобедренная область. Только смотри — сама подставишься — ремнём так отделаю, неделю сесть не сможешь. Невзирая, что женщина и офицер...

— Я поняла, — шепнула в микрофон подпоручик Вирен, тихонько хихикнув.

«Здорово иметь таких подчинённых, — подумал Вадим. — Что скажешь, то и сделают. И проверять не нужно. Только взвод поручика Ненадо

здесь бы лучше сгодился. За тех мужиков не пришлось бы так переживать. Отдал приказ — и за-был».

Капитан Ляхов, не дослужившийся до иных чинов, нашёл среди исполосованного трассерами пространства пустую, тёмную щель. Отчего, почему она там образовалась — потом разберёмся. Но — есть. И — слава нашему богу авантюристов! Не Христу, ему такого не понять. Как же звали того древнегреческого раздолбая? Завтра вспомню. А пока — помогай, если хочешь!

И — рванулся, и — побежал! Не имея гепардовских мышц и всего другого, свойственного его валькириям. Гомеостата — тем более. Только злой офицерский азарт. А что, корниловцы с гранатомётами против никогда не виданных танков выскакивавшие — на инопланетные штучки надеялись?

А перевал?! Да какой там, на хрен, перевал! Позиционная война на приличной позиции. А вот сейчас...

Раз пять он перекатился под пулевыми трассами, не отвечая выстрелом, не обнаруживая себя.

Не видели капитана Ляхова в бою — увидите!

Каких придурков набирают в охрану, и даже спецназ — посмеяться только. Обыкновенный капитан медслужбы проскочил через все рубежи охраны и обороны. Мимо людей, получавших тысячи евро или долларов, чтобы защитить своего хозяина или убить тех, на кого покажут. А он взял и прошёл. Раза три, конечно, выстрелить пришлось. В безвыходных обстоятельствах, когда на тебя вдруг выскакивает громила с дикими глазами и поднятым стволом, и разговаривать некогда и не о

чем. Тут древний «маузер» отвечал быстро и достойно.

Ляхов всё-таки дошёл, куда собирался. Живой, почти спокойный. С легендарным пистолетом в руке. Третью обойму воткнул в приёмник уже на веранде.

Только что роскошный зал для приёмов важных гостей был засыпан битым стеклом и вообще выглядел неприятно. Да ещё и запах. Вадим потянул носом. Точно, кто-то здесь обгадился.

Он, невзирая на образование, в душе не верил, что нормальный человек, не стесняющийся убивать себе подобных, может от страха обмочиться или — хуже того... Должны же быть какие-то моральные принципы?

Но воняло ощутимо и именно этим.

За спиной в проёме двери появилась Герта с автоматом у бедра и лёгкой брезгливой улыбкой на устах.

— Ты зачем здесь? Я что приказал?

И вдруг показалось, что сейчас ответит девушка словами Спартака Мишулина — Саида: «Стреляли...»

Виттефт промолчала. Хватило и выражения лица.

Да и молодец, что пришла вслед за командиром. С нею рядом он почувствовал себя гораздо увереннее. Хорошо, когда подчинённые умеют проявлять разумную инициативу.

С чердака дома внезапно забил длинными очередями пулемёт. «ПКМ» скорее всего.

Он увидел торчавшие из-за спинки дивана ноги в дорогих туфлях. Оттуда и воняло.

А ведь пора сматываться, подумал Вадим. Сей-

час по пулемётчику верняком шарахнут из гранатомёта. У цыганки не спрашивай.

— Герта, хватай этого — и к берегу. Я прикрываю!

Та рывком выволокла крепкого на вид, но впавшего в прострацию мужика, как раз генерала, хозяина дачи. Остальные или успели выскочить на улицу, или попрятались в других комнатах.

На всякий случай с размаха ударила его ботинком в челюсть, чтобы не вздумал рыпаться не вовремя, перебросила через плечо, как лев антилопу, метнулась к двери.

Ляхов, помня уроки поручика Ненадо, сдёрнул с пояса и швырнул в двери, правую и левую, по гранате «Ф-1».

Не он девчонку, а она его, невзирая на груз, подсекла и повалила в клумбу рядом с бетонным цоколем виллы.

Ракета из РПГ ударила во фронтон одновременно со взрывами «лимонок» в доме. И что-то такое там сдетонировало. Килограммов на десять больше бабахнуло, чем должно было, исходя из факта.

Ляхова с подпоручицей спас тот самый высокий цоколь и мёртвая зона под ним. Половина крыши рухнула всего в трёх метрах, а над головами свистела всякая мелочь, вроде кувшинов эпохи Цинь и обломков мраморных статуй из Пантикапея. Не хуже осколков шестидюймового гаубичного снаряда.

От тротилового дыма Ляхов раскашлялся.

— Живы, господин полковник? — спросила Витгефт, которая, оказывается, лежала у него на спине, накрыв Вадима своим, таким хрупким на

вид телом. Сама она, слегка контуженная, перепутала чины и фактическую сущность своих начальников.

— Слезь, тогда разберёмся, — сохраняя кураж, ответил капитан.

Герта привсталла, что далось ей с некоторым трудом, поскольку поверх неё лежал ещё и пленник. Откинула его вбок, насторожилась.

— Вадим Петрович, клиент того, готов...

В свете разгорающегося пожара Ляхов увидел, что у генерала каким-то предметом напрочь снесло затылок.

— Да и хрен с ним. Хотя на это пригодился...

Вадим сейчас не очень отчётливо соображал, для чего вообще решил взять «языка». Разве — для очной ставки с президентом. Зато отлично понимал, что, не сделай этого, вполне мог бы стоять сейчас на коленях над телом убитой Герты.

Они успели проползти под нижней ниткой проволоки, и тут из-за горящей дачи, захлёбываясь, забил автомат Инги.

Ляхов его сразу угадал, и по направлению, и по манере стрельбы.

— Всем назад, — приказал он в микрофон. Передатчик, по счастью, уцелел. — Всем назад, к лодке. Инга — поосторожнее на отходе. Дробь!¹

Они уже столкнули клипербот на воду, когда к берегу подбежала Вирен с алой, сочащейся кровью царапиной поперёк щеки.

— Пуля? — спросила Анастасия.

— Ветка, — так же лаконично ответила Инга.

¹ «Дробь» — команда прекращения огня или выполнения любой предыдущей.

Дачный дом горел уже сплошь, снизу доверху, а перестрелка на территории и в лесу продолжалась. Без всякого очевидного смысла. Просто сталкивающиеся бойцы противоположных лагерей (не понимая, кто есть кто в этой сваре) продолжали своё бессмысленное дело. Хозяев уже нет, и нет парламентарёв, способных призвать к прекращению ненужного кровопролития.

Лодка, едва слышно зафырчав водомётом, пошла вверх по реке. Скоро, стоит кому-нибудь из обитателей посёлка позвонить по телефону (да уже и позвонили наверняка, бой длился целых двадцать пять минут), сюда столько разных омовцев, эмчээсников, прокуроров и прочего начальства понаедет — плюнуть некуда будет.

А их дача далеко, по дороге больше двух часов пешего хода, и в совсем другом лесном квартале. К ним вряд ли обратятся как к возможным свидетелям. В ближайшее время, по крайней мере. Следователям трупы, а тем более гильзы и прочие вещдоки не один день собирать придётся.

ГЛАВА 21

Раз Чекменёв возмечтал о дипломатической карьере, Олег Константинович пошёл ему навстречу и для начала назначил Чрезвычайным и Полномочным послом Российской Державы, в ранге министра, при Верховном Совете ТАОС.

Чин достаточно почётный, особенно интересный тем, что Игорю Викторовичу предстояло официально огласить окончательное и не подлежащее обсуждению решение Императора выйти из состава этой уважаемой и мощной организации, ху-

до-бедно на протяжении последних семидесяти лет обеспечивавшей мир на Земле.

Мир, конечно, весьма относительный, воевать на планете не прекращали, но хоть «цивилизованные страны» ни разу с приснопамятного тысяча девятьсот восемнадцатого друг с другом в вооружённые конфликты не вступали. В том числе не состоялась и Вторая мировая война, о которой в соседней реальности известный поэт написал: «Она такой вдавила след и стольких наземь положила, что двадцать лет, и тридцать лет живым не верится, что живы».¹

Чекменёв, в новом дипломатическом мундире, с золотым шитьём на обшлагах, воротнике и фалдах, серебряными восьмилучевыми звёздами, в отличие от армейского генерал-лейтенанта, расположенными вдоль погонов особого плетения, выглядел весьма импозантно. Аристократичный и вальяжный настолько, что никто не заподозрил бы в нём отважного боевого офицера, совсем недавно не гнушавшегося, в целях маскировки, носить скромную форму подполковника административной службы, Игорь Викторович хорошо поставленным голосом зачитал Императорскую ноту.

Более двадцати постоянных членов Совета, сотня высших чиновников аппарата и не поддающееся подсчёту количество журналистов внимали его словам.

О том, что будет сказано, всем было известно давно, но одно дело — неофициальная информация, другое — документ, оглашаемый от Высочайшего имени и расставляющий все точки.

¹ К. Симонов.

Россия, заявляя о прекращении своего членства в высокоуважаемой организации, не отказывалась ни от одного из ранее взятых на себя обязательств, экономических, политических, культурных, за исключением военной составляющей альянса.

— Наша Держава немедленно отзывает все свои вооружённые формирования в пределы своей общепризнанной территории и отныне будет их использовать только и исключительно для защиты своих границ... — Чекменёв сделал паузу и завершил фразу: за исключением тех случаев, когда потребуется защищать государственные интересы, личные и имущественные права своих граждан.

По залу прошёл шум.

— Хотите ли вы сказать, — поднял молоток председательствующий, — что Россия оставляет за собой право на интервенцию в любой части мира?

— Я сказал только то, что изложено в ноте, которую все члены уважаемого собрания получают на руки в соответствии с принятыми правилами. Толковать это положение каждый волен в меру своего понимания международного права.

— Но всё же поясните, — выкрикнул кто-то от дальнего микрофона.

— Как-либо пояснять или любым образом комментировать подписанный Государем документ не входит в мои prerogatives, — гордо ответил посол. — Что касается моего личного понимания тех или иных его положений, я могу ответить в ходе пресс-конференции, в ходе фуршета, который я даю членам дипломатического корпуса и всем

присутствующим по случаю своего вступления в должность. Милости прошу в банкетный зал на восьмом этаже.

Он захлопнул сафьяновую папку с тиснёным императорским орлом и передал её председательствующему, бельгийцу Де Фризу.

Фуршет на пятьсот, ориентировочно, персон был накрыт с истинно русским размахом. Олег Константинович велел не стесняться.

— Одно дело — престиж, — напутствовал он Чекменёва, — а другое — обычный купеческий расчёт. Покинув эту говорильню, мы сэкономим столько, что остальное — сущие копейки. Хотя ты каждому по ведру водки и фунту икры выставишь.

До подобного купеческого размаха не дошло, но фуршет действительно получился самый богатый и многолюдный за фиксируемый завсегдатаями и «постоянно аккредитованными лицами» отрезок времени. То есть лет за пятнадцать.

Разгуливать по залу с бокалом шампанского Игорю Викторовичу не пришлось. Несколько десятков корреспондентов и в лицо знакомых генералу резидентов европейских разведок, работающих под прикрытием, зажали его в углу, где адъютант вовремя обеспечил столик с креслом.

Первый же вопрос, заданный известным фрилансером десятка информационных агентств Нэдом Мэллоуном, этой темы и касался.

— Господин посол, — оттолкнув коллег крепкими локтями регбиста, сунул тот прямо в лицо Чекменёва микрофон, — вы достаточно долгое время руководили службой личной безопасности нынешнего вашего Императора. — Как понимать вашу смену профессии? Означает ли это...

— Ничего не означает, — громким командирским голосом, чтобы слышно было и всем остальным, не столь пробивным журналистам, ответил посол. — Все мы в Российской Империи несём пожизненную службу Отечеству. В полном соответствии с единожды данной Присягой. Если завтра я получу предписание стать директором Императорских театров или принять командование Тихоокеанским флотом — я его исполню.

— Независимо от образования и фактической компетенции? — попытался съязвить Мэллоун.

— Компетенция — крайне растяжимое понятие. Вот вы, как известно, имеете единственное серьёзное образование — отделение зоологии в колледже города Де-Мойн, штат Айова. Что не мешает вам успешно трудиться на ниве дипломатической журналистики. Всем понятно — дипломаты являются такой же частью биосферы, как кольчатые черви или муравьи вида формика руфа, однако...

Громыхнул такой общий хохот корреспондентской братии, что прочие гости изумлённо завертели головами, не понимая, что вдруг случилось.

Чекменёв мгновенно набрал массу очков, а неудачник Мэллоун был дружно отеснён на периферию.

Следующий вопрос был более конкретным, повторяющим вопрос председателя Совета:

— Следует ли понимать позицию России так, что, отказываясь от международных обязательств, она тем самым развязывает себе руки во вмешательстве в любые процессы в любой точке мира?

— Абсолютно не следует. Всё изложено предельно ясно. Россия отныне намерена заниматься

только собственными делами на собственной территории. Однако подразумевается, что если кто-нибудь, кто угодно — правительство или частные лица в любой точке земного шара попытаются вооружённой силой или любым другим образом посягнуть на вышеназванные, закреплённые законом или обычаем права нашего государства или любого её гражданина — будет предпринят адекватный шаг. Будет он заключаться в возмездии за необратимые последствия или восстановлении статус-кво с адекватной компенсацией — предсказать невозможно. Главное — мы не признаём никаких «двойных стандартов». «Какою мерою меряете — такую и воздастся».

Если мы с вами одинаково понимаем смысл термина «интервенция» — она не исключается. Допустим, — с дипломатической улыбкой сказал бывший генерал, — некое государство осуществит вторжение на территорию нашего посольства или иного экстерриториального объекта, включая, скажем, судно под российским флагом. Не следует надеяться, что таковое деяние останется лишь предметом обсуждения в Гаагском или каком угодно другом суде. Но меру *воздаяния* определять буду не я и не вы.

— А кто же?

— Простите, у нас пресс-конференция, а не курсы повышения квалификации. Обратитесь к законодательству той страны, что вы представляете. Или — к принципам ООН, ТАОС. Там, я думаю, всё достаточно чётко прописано. Мы, как я уже сказал, фактически выходим только из военной структуры нашего сообщества. Ни от каких других обязательств не отказываемся, что, хочу под-

черкнуть, является традицией российской дипломатии последние триста лет. Другие государства неоднократно нарушали свои обязательства, мы — нет...

— Об этом мы сейчас спорить не будем, — просунулась вперёд энергичная дамочка с бэджом какой-то австралийской телекомпании. — Но следует ли понимать, что Россия отныне откажет в помощи любому из своих *бывших*, — это слово корреспондентка произнесла с особым нажимом, — союзников, если он подвергнется вооружённой агрессии?

— В том случае, если все остальные *союзники* не смогут или не захотят оказать *подобную* помощь, мы готовы рассмотреть *прямое* обращение к нам на двухсторонней основе... Хотя я посоветовал бы всем, интересующимся геополитикой, посмотреть вон туда...

И для наглядности простёр руку. Вся задняя стена зала представляла собой великолепно выполненную рельефную карту мира. Шесть на пятнадцать метров. Как же без этого в штаб-квартире организации с глобальными интересами?

— Как видите — почти девяносто процентов «периметра» составляют границы России и САСШ. На долю остальных членов приходится... Он чиркнул по полоске между Гибралтаром и Босфором световой указкой, заранее, как видно, приготовленной, — сравнительно небольшая полоса «обороны». Учитывая глубину стратегического построения, — луч скользнул снизу вверх, от Италии до Швеции, — даже ожидая войны со всей Африкой и Ближним Востоком, сотню дивизий противодесантной обороны отмобилизовать можно.

А на всякий случай разрешить ношение оружия всем лояльным гражданам и ввести уроки начальной военной подготовки с пятого класса средней школы. В таком случае потребность в российской помощи отпадёт сама собой. Разве не так? — Чекменёв улыбнулся одной из самых ярких своих улыбок. Наверное, припасённой для такого именно случая, когда его фотографии попадут на первые полосы тысяч газет.

Что же касается государства, вами представляемого, я бы посоветовал, не ожидая агрессии со стороны Самоа или Фиджи, начать строить собственный военный флот. Здесь Россия вам поможет безусловно и в кратчайшие сроки. Парочку авианесущих крейсеров можем продать прямо сегодня, обратитесь в наше торгпредство.

Переждав очередную вспышку смеха, посол жестом попросил паузы, сделал два глотка шампанского, закурил.

Увидел, что из противоположного угла ему дружелюбно и приглашающе машет рукой посол САСШ господин Бордмен, пятидесятилетний весельчак, чем-то напоминающий диккенсовского мистера Пиквика.

Надо бы подойти. Игорь Викторович, как и все присутствовавшие в зале, обратил внимание на то, что Бордмен сидел в своей персональной ложе представителя стран-учредительниц, никак не реагируя на выступление Чекменёва. Усмехался собственным мыслям, что-то черкал паркеровской ручкой в блокноте, а может быть, просто чёртиков рисовал.

Само собой, такое поведение посла вызвало в дипломатическом сообществе, а особенно — в

крутах журналистов острый интерес. Слухи о личных контактах российского императора и американского президента и раньше имели хождение, а сейчас они получили весьма явственное подтверждение. Что же может означать тайное сотрудничество двух великих, никак не зависящих от всего мирового сообщества держав? Новый передел мира за счёт всех остальных, мгновенно переходящих в разряд второ- и третьестепенных стран?

Генерал, раздвигая корреспондентов, направился к коллеге. На полпути его всё же придержали два особенно нахрапистых журналиста из Швеции и Англии. Уж шведу-то чего? На него только эскимосы из Гренландии напасть могут. Или финны, вздумавшие отквитаться за давнюю трёхсот-летнюю оккупацию.

— Извините, господин посол. А что вы скажете об отношениях России и Израиля? В новых обстоятельствах?

«Вам какое дело?» — захотелось ему ответить, но — дипломат же он теперь, чёрт побери!

— В наших отношениях ничего не меняется. Россия, вместе с Германией, кстати, остаётся гарантом независимости государства, в котором больше половины населения имеет российское подданство или родственников — граждан России.

— Вы хотите сказать, что Израиль переходит в статус российского протектората? — с вызовом спросил англичанин.

Тут Чекменёв и произнёс фразу, только что удержанную на языке.

— Вам лично — какое дело? — Приятно, когда можно не стесняться. На фуршете он — частное

лицо. Человек, который платит за выпивку, и ничего больше. Жестом подозвал официанта с подносом, уставленным большими, по европейским меркам, пятидесятиграммовыми рюмками водки.

— Угощайтесь, — предложил он «акулам пера и шакалам ротационных машин». — Лучше — по две сразу. Мозги проясняет. Понятнее станет, что ни королевство Великобританию, ни королевство Швецию никаким образом не могут затрагивать наши отношения хоть с Израилем, хоть с пиратской республикой Тортуга. Если внезапно географы обнаружат в дальних морях остров, населённый исключительно древними шведами, мы не станем возражать против установления между вами и ними сколь угодно тесных дипломатических и военных отношений... Извините, меня ждут.

В теплой, дружеской, сопровождаемой умеренными возлияниями беседе Чекменёв и Бордмен провели полчаса, и всё это время охрана одного и другого послов не позволила журналистам пересечь десятиметровую зону «прайвести».

От комментариев в кулуарах и Чекменёв, и Бордмен отказались, сразу после окончания фуршета вылетели из Лозанны в противоположных направлениях.

Этим хорошо обдуманном и согласованным поступком они дали пишущей братии заработать гораздо больше денег, чем прямым и конкретным заявлением для прессы. В чём бы оно ни заключалось.

На самом же деле Чекменёв и Бордмен (отстав-

ной коммодор, чего по виду никак не скажешь), отвязавшись от назойливого внимания, обсудили вопрос весьма серьёзный.

Российский Императорский флот к описываемому моменту, кроме стационарных сил в шести основных ГВМБ¹ имел в Атлантике, Средиземном море и Индийском океане четыре эскадры дальних крейсеров-рейдеров типа «Рюрик»², столько же вертолётоносцев типа «Адмирал Колчак»³, восемь дивизионов эсминцев «Новик-3»⁴ и отдельную бригаду БДК⁵. С достаточным количеством судов обеспечения.

Теперь, согласно приказу, они возвращались к портам приписки. В Хайфу пришли шесть «Рюриков» и восемь эсминцев. В городе, да и во всем государстве Израиль стало шумно и весело. Почти десять тысяч моряков ежедневно сходили на берег, щедро тратя скопленные за сотни проведённых в море суток деньги. В порту и вокруг появилась масса рабочих мест. У одиноких девушек и женщин возникли небывалые возможности

¹ ГВМБ — Главная военно-морская база (Севастополь, Ревель, Гельсингфорс, Романов на Мурмане, Владивосток, Порт-Артур).

² «Рюрик» — третий в двадцатом веке крейсер с таким именем. Водоизмещение 29 тыс. тонн. Скорость до 36 узлов, вооружение — 9 орудий 203 мм в трёх башнях, 14—130 мм универсальных, противокорабельные и зенитные ракеты, глубинные бомбы.

³ «Адмирал Колчак» — водоизмещение 36 тыс. тонн. Скорость до 35 узлов, вооружение — 60 универсальных орудий 130 и 37 мм, 40 палубных противолодочных и ударных вертолётот.

⁴ «Новик» — эскадренный миноносец, водоизмещение 3800 тонн, скорость — 44 узла, вооружение — 6 универсальных 130-мм орудий, зенитные и противолодочные ракеты, глубинные бомбы.

⁵ БДК — Большой десантный корабль, принимающий на борт батальон морской пехоты со средствами усиления и огневой поддержки.

для устройства личной жизни, у кого временной, у кого и постоянной.

У пирсов всей этой армаде мест не хватило, и эсминцы швартовались борт к борту с крейсерами, стоящими на внешнем рейде. Что, кроме очевидных неудобств, создавало и ряд преимуществ. С берега очень трудно было заметить, если глухой ночью один, стремительный, как змея, и настолько же трудноразличимый «Новик» уходил в море, а его место занимал другой, похожий на него как две капли воды.

Как только моря опустели от окрашенных светло-шаровой краской грозных кораблей под Андреевским флагом, оживились пираты — алжирские, марокканские, сомалийские, йеменские. И это только в средиземноморском бассейне. А мадагаскарские, малайские, китайские и филиппинские! Для них за одну только неделю настала почти райская жизнь.

Английская эскадра Гибралтара, французский, итальянский и австрийский флоты очевидным образом не были готовы к серьёзной войне на коммуникациях. О чём говорить — итальянские, к примеру, лёгкие крейсера и эсминцы не могли находиться в море больше двух суток по причине отсутствия самых обычных камбузов и запасов продовольствия. Выскочить на пару сотен миль от баз, накормить моряков три-четыре раза макаронами из только для их варки предназначенных котлов — и назад.

В то время, как даже российские «Новики» имели автономность по продовольствию двадцать суток, по пресной воде — месяц. В любых природных и погодных условиях, от Северного полярного

круга до Южного. В случае острой необходимости могли без захода в чужие порты дойти из Севастополя в Порт-Артур. Если очень потребуется — и обратно, питаясь «подножным кормом», то есть пополняя припасы и топливо за счёт неприятеля и нейтральных судов. Естественно, сохраняя полную боеготовность.

За последние сорок лет ТВД (в данном случае — театр не военных, а «возможных» действий) был изучен русскими моряками не хуже, чем Маркизова лужа¹. Любой адмирал, до Морского министра и начальника Генмора² включительно, начиная с мичманских погон, непременно отслужил в этих водах кто пять, а кто и пятнадцать лет. Совершил по несколько дальних походов, и вокруг мысов Доброй Надежды и Горн, Красным морем и Суэцем, Панамским каналом и Северным морским путём. Стояли стационарами на греческих островах, ближневосточных и североафриканских портах. Знали пункты базирования пиратов, тактику, психологию, каналы сбыта. Умели держать их в подобающих рамках.

А теперь — ушли. Демонстративно, дав понять всем, что эта проблема отныне русский флот не интересуется. Наши транспорты и лайнеры не трогайте, остальное — ваше дело.

Ту же мысль, но в гораздо более конкретной и доступной форме довёл до всех вольных и кому-либо подчиняющихся пиратских капитанов Ибра-

¹ Маркизова лужа — шуточное название восточной части Финского залива между Кронштадтом и Петербургом, по имени командующего Балтийским флотом при Елизавете маркиза де Траверси, предпочитавшего не выходить за пределы этой акватории.

² Генмор — Генеральный морской штаб.

гим Катранджи. «Москва шутить не будет. Я — тем более. Кого не достанут русские — накажу я. В остальном — свободны».

Тут же и началось! Средиземное, Красное, Аравийское моря, Индийский океан и восточная часть Тихого мгновенно превратились в зону открытой охоты на любые суда, от прогулочной яхты до танкера в сто тысяч тонн.

На американцев тоже нападать опасались, зная их безбашенную жестокость и наличие двух десятков авианосцев, бомбардировщики с которых могли накрыть напалмовым ковром любой портовый город Юга, хотя бы заподозренный в том, что он даёт пиратам приют.

Остальным приходилось плохо. Торговое судно из Юго-Восточной Азии или Австралии без военного конвоя практически не имело шансов спокойно дойти до Европы. Уже в момент окончания погрузки и получения документов на рейс все, кого это интересовало, располагали нужной информацией.

Добычи стало столько, что грабили даже несколько лениво. Хорошо вооружённый катер военного образца или небольшой быстроходный дизель-электроход перехватывал жертву в удобном месте, заставлял членов экипажа перегружать самую ценную часть груза к себе на борт, изымал из капитанского сейфа валюту, если она там была, потом отпускал. Транспорты с углём, зерном, металлом и прочей дешёвкой обычно пропускали даже без досмотра.

Не то пираты мелкие, самостоятельные и дикие. Всего снаряжения — мореходная пирога или джонка с подвесным движком, несколько автома-

тов, пара бухт тросов с острыми кошками и лёгкие штормтрапы. Эта публика не имела ни моральных принципов, ни даже инстинкта самосохранения. Им годилось всё. Любой товар, личные вещи моряков, включая поношенные ботинки, даже бронзовые пробки от горловин для заливки топлива. Само топливо — тем более.

А уж если на захваченном борту оказывались белые женщины... Сначала их «пробовали» сами пираты, кое-кого оставляли себе, остальных продавали в отдалённые от берега городки и деревни, где о такой прелести многие даже и не слышали...

Одним словом, в полном соответствии с предсказаниями президента Доджсона, наступление «тёмных веков» началось не через десяток лет, а прямо через месяц после его встречи с Олегом Первым.

Тут же мировая пресса взорвалась девятым валом антирусских публикаций. Мол, только её демонстративная позиция вызвала этот сравнимый с достопамятным шестнадцатым веком всплеск пиратства, раньше державшегося в сравнительно терпимых сообществе рамках.

На что незамедлительно последовал официальный ответ не кого-нибудь, а Главкома Российского Императорского флота адмирала Максимова.

Суть его была коротка. Сутки пребывания в открытом море одного крейсера стоят шестнадцать тысяч золотых рублей, эсминца — пять. Если уважаемое сообщество настаивает на возвращении российских кораблей в океаны, стоять это будет столько-то и столько-то. Плюс гарантированные страховки за каждого погибшего и раненого моряка. В суммах, аналогичных тем, что приняты для

своих граждан в странах, обратившихся за помощью.

Естественно, накал европейского общественного мнения ещё более возрос, хотя куда, казалось бы, больше?

Россия, по общему мнению, не должна чего-либо требовать, особенно — в денежном выражении. Есть же общечеловеческие ценности, принципы гуманизма и тому подобное.

На прямой запрос Императору коллективного руководства ТАОС и ООН Олег Константинович ответил, что бюджет содержания военно-морского флота утверждён в ноябре прошлого года и какими-либо экстраординарными суммами казна не располагает.

«При этом я не возражаю, если любое правительство захочет заключить договор с командованием РИФ на, допустим, конвоирование того или иного судна из пункта А в пункт Б по взаимоприемлемым расценкам».

После опубликования этого документа Императору позвонил Катранджи.

— Ваше Величество, я восхищён вашей твердостью и последовательностью. Однако хочу предупредить — в ближайшее время могут начаться неприятности.

— У меня или у вас?

— В том и беда, что сначала — у вас...

— Догадываюсь. Но, как говорят на Востоке — не разбив яйца, яичницу не приготовишь.

— Что-то я не помню у нас такой поговорки, — с сомнением сказал Катранджи.

— Ну, это, наверное, на Дальнем Востоке... Удэгейцы, буряты, тунгусы тоже любят яичницу и поговорки...

Выступая на очередном экстренном заседании Совета ТАОС, посол Чекменёв предложил простейший вариант решения проблемы, якобы страшной, а на самом деле — пустяковой. Методика отработана пятью столетиями раньше, достаточно почитать популярные романы Сабатини и посмотреть поставленные по ним фильмы. Следует всего лишь вооружить суда и экипажи оружием, превосходящим по своим ТТХ пиратское. Для сопровождения особо ценных грузов нанимать команды профессионалов с необходимым боевым опытом. Оплата услуг целой роты морской пехоты на один рейс будет стоить в сотни раз меньше, чем потерянное судно и груз, не говоря о жизнях людей.

На это немедленно последовал шквал протестов от правительств и общественных организаций, наверняка хорошо срежиссированный. Причём непонятно, на каком уровне.

Главный довод против — весь корпус законодательства по морскому праву. Ведь если мореплавание «свободно», то оружие невозможно применять до тех пор, пока не начнётся явный абордаж. В любом другом случае открывать огонь по как угодно близко подошедшему судну недопустимо. А если попытка захвата станет очевидной — обороняться тем более нельзя: могут пострадать совершенно непричастные к пиратству люди, как из числа захватчиков (технический персонал, пассажиры, заложники), так и «захватываемых», поскольку они являются «некомбатантами» и в боевых действиях, каковыми несомненно является борьба с пиратством, принимать участия не могут.

Примеры из обычного права, приводимые сто-

ронниками позиции Чекменёва, относительно того, что на твёрдой земле защита собственного имущества считается правомерной, отметались с порога. У морского судна единственный собственник (персональное лицо или группа акционеров), они-то и могут с оружием в руках защищать свою собственность, с момента, когда покушение на неё становится очевидным. Но для этого им непременно нужно находиться на борту и начать стрелять лишь после того, как означенное деяние совершится.

Позиция с точки зрения здравого смысла абсолютно идиотская, но «общечеловеческие ценности» относятся к этой же категории вторую сотню лет, и никто с этим ничего поделать не может. Именно поэтому Олег Константинович и решил избавиться от такого бремени, пока последствия не стали необратимыми.

Основания для запрещения сопровождения судов вооружённой охраной основывались на той же логике. Во-первых — привлечение частными лицами вооружённых подразделений, не состоящих на действительной военной службе, к участию в боевых действиях, причём в личных корыстных интересах трактуется как «наёмничество». Наёмничество же, само по себе, относится к числу тяжких международных преступлений, и поощрять его нельзя ни в коем случае.

Вообще для решения вопроса о борьбе с пиратством следует создать полномочную комиссию Генеральной Ассамблеи ООН, которая и внесет предложения по разработке необходимых правовых норм, не вступающих в противоречие с уже существующими.

Заранее получивший все необходимые полномочия посол, утомлённый трёхдневной бессмысленной говорильней, заявил, что Российская Держава, на основании всё того же международного права, объявляет о готовности защищать любой объект, стационарный или плавающий — не имеет значения, но обозначенный государственным флагом и, следовательно, являющийся частью её территории, всеми имеющимися в её распоряжении средствами.

Вопрос о наёмничестве также снимается, поскольку российское предприятие и организация любой формы собственности имеет законное право нанимать должным образом лицензированную частную охрану. И она будет выполнять принятые на себя обязательства, не нарушая юрисдикции иных субъектов пресловутого права. Если же «глубокоуважаемые мировым сообществом господа пираты» сочтут свои интересы в чём-либо нарушенными, то имеют полное право обратиться в суд по месту регистрации правонарушителей. Где иск будет рассмотрен со всей возможной тщательностью и оперативностью.

Кроме того, великолепным способом избежать любого рода неприятностей является обыкновенный отказ от сближения с российскими судами в открытом море на дистанцию действительного артиллерийского огня.

Совершенно понятно, что демонстративно вызывающее, а моментами издевательское поведение российского посла вызвало горячую поддержку среди судовладельцев, моряков и рядовых граждан государств, имеющих к мореходству хоть какое-то отношение. И, одновременно, массовую

истерию русофобии в большинстве официальных и официозных средств массовой информации ТАОС. За исключением САСШ, надо отметить.

Очередным шагом навстречу всем заинтересованным в безопасности своего бизнеса грузоперевозчикам стало предложение перерегистрации плавсостава под российский флаг за сравнительно небольшую плату. Гораздо меньшую, чем взлетевшие до небес суммы страховок. Тут, правда, таилась небольшая юридическая тонкость: судном под трёхцветным флагом мог командовать только капитан того же подданства, но желающих наняться на престижную должность среди старших, первых и вторых помощников, имеющих судоводительский диплом, а также и отставников в стране найдётся достаточно.

Идея, настолько выгодная для России финансово и политически, немедленно встретила отпор в виде контрпропагандистской кампании, в основном сводившейся к крайне простой мысли — русские затеяли всю эту театральщину с выходом из ТАОС и косвенным поощрением пиратства, чтобы взять под контроль все мировые транспортные потоки. К примеру, пока продолжались дипломатические прения, а пираты день ото дня нагнали, объём грузоперевозок и пассажиропоток по Трансъевразийской магистрали Порт-Артур — Владивосток — Париж вырос почти наполовину.

«Даже если и так, — отвечали трезвомыслящие, которых и среди иностранных политиков и журналистов находилось достаточно, — то остроумию русских можно только позавидовать. Что в их действиях незаконного или хотя бы удивительного? Во все времена существовали пираты на мо-

рях и разбойники на суше. И за безопасность караванов и обозов купцы всегда платили тому, кто эту безопасность мог гарантировать. Следовательно, либо мировому сообществу нужно перехватывать инициативу, либо — смириться с данностью».

В подходящий момент сказал своё слово в неофициальной обстановке американский президент.

«Не любить Россию имеет право каждый. Недооценивать — только идиот». И сопроводил эту сентенцию несколькими историческими примерами. Чем ещё больше укрепил подозрения в том, что давняя евроатлантическая солидарность впервые с тысяча восемьсот шестьдесят четвёртого года дала трещину.

Прошла всего лишь неделя, и предупреждение Катранджи начало подтверждаться. В юго-восточном секторе Средиземного моря, а также в районе Африканского Рога бесследно исчезли два российских сухогруза и один танкер. Не подав даже автоматического сигнала бедствия, который включается нажатием единственной кнопки в ходовой рубке.

По мнению специалистов, такое могло иметь место только в двух случаях — суда мгновенно затонули от торпедного залпа с подводной лодки (при атаке торпедных катеров времени на подачу сигнала хватило бы) или с экипажами произошло нечто вроде так и не проясненного инцидента с «Марией Селестой», с которой люди просто исчезли, оставив не только все личные вещи, но и тарелки с недоеденным супом.

Первый вариант казался более вероятным. Некто (Катранджи уверял, что ни одна из подконтрольных ему организаций мореходными субмаринами не располагает, да и бессмысленное уничтожение гражданских судов отнюдь не в обычаях пиратов) решил то ли запугать русских, дав им понять, что никакие вооружённые команды им не помогут, то ли дать отчётливый сигнал всем, кто вздумает «сменить флаг».

В описываемый момент в водах Мирового океана находилось более двухсот российских судов, из них — тридцать пять в угрожаемых водах. Капитаны немедленно получили по радио шифрованные инструкции о переходе на режим военного времени. Из Хайфы навстречу пароходам, идущим Средиземным морем, вышли восемь «Новиков» и два вертолётносца: «Адмирал Эссен» и «Адмирал Рощаковский» — глухой ночью, без огней, в режиме радиомолчания и полной противолокационной защиты.

Командующий эскадрой получил приказ — при обнаружении неопознанных подводных и надводных объектов действовать по обстановке, но с максимальной жёсткостью.

Разделившись на две оперативные группы, эскадра словно крыльями невода начала охватывать с востока и с запада район движения гражданских судов. Их капитаны, в свою очередь, стали менять ранее проложенные курсы на *рекомендованные*.

Шансы на то, что неизвестный противник попадётся в ловушку, были достаточно высоки. Террористические атаки, предполагающие устрашение, должны производиться массово, по принципу «волчьих стай» кайзеровского Кригсмарине.

Так оно и получилось, но в этот раз подводным террористам не повезло. По чистой случайности очередной жертвой был избран теплоход «Анапа», шедший из Новороссийска на Касабланку с ценным и одновременно компактным грузом, весьма удобным и для захвата, и для реализации. Поэтому, в виде эксперимента, на теплоход посадили взвод морской пехоты, кроме штатного вооружения усиленный батареей ПТУРС. Одного попадания управляемым снарядом хватит, чтобы утопить бронекатер, полного залпа под ватерлинию — практически любое невоенное судно.

Капитан «Анапы», следуя рекомендациям, увеличил ход до полного и пошёл противолодочным зигзагом, уклоняясь к зюйду, чтобы обойти Мальту милях в сорока и в самое тёмное время ночи проскочить под тунисским берегом. Раз сказано — считать время военным, так он и действовал. Морские пехотинцы, разместившись на верхней палубе, отдыхали посменно, не спускаясь в низы. Там было слишком жарко. Это их и спасло.

Вражеский командир, наудачу или по наводке, верно вычислил курс атаки, а теплоход, к сожалению, не был оснащён гидрофонами.

На выходе из очередной циркуляции «Анапа» получила четырёхторпедный залп между десятым и восьмидесятым шпангоутами. Чему удивляться — лодка стреляла почти в упор, с пятнадцати кабельтовых. Слепой попадёт, даже без помощи перископа с инфракрасной подсветкой. Упреждение на четыре корпуса — и всё. Никаких торпедных треугольников командиру лодки рассчитывать не надо.

Теплоход в двадцать пять тысяч тонн разломил-

ся пополам, носовая часть ушла в воду вертикально и почти мгновенно (какие тут сигналы бедствия?), корма тонула чуть дольше. Поручик, весь его взвод и несколько оказавшихся на палубе матросов во главе с младшим боцманом, прикрытые от ударной волны кормовой рубкой, сохранили самообладание и намертво вколотенные в подкорку инструкции. Были бы на месте морпехов обычные солдаты, пусть и классные спецназовцы, ничего бы у них не получилось.

А тут на кренящейся палубе, оглушённые, половина — разбуженные взрывом, бойцы и матросы, исполняя согласованные команды офицера и боцмана, сумели вывалить с левых шлюпбалок шестнадцатиметровый баркас, организованно в него погрузиться с оружием и отдать тали раньше, чем их накроет валящимся сверху бортом.

— Р-раз, взяли! Р-раз, взяли! — начал командовать боцман, когда двадцать два морпеха и шесть матросов расселись на банках перед рычагами винтового привода, заменившими архаичные вёсла. Примерно такими, как на железнодорожной дрезине, числом восемь и с длинными рукоятками, позволявшими работать на каждом — четверым. На один рычаг людей не хватило.

Боцман задавал темп, поручик сел к румпелю.

Баркас, не уступавший размером и мореходностью драккарам викингов и поморским лодьям, ходившим из Кеми на Грумант¹, свободно мог дойти с места гибели «Анапы» и до Мальты, и до Туниса. Но сначала он по кругу обошёл место гибели теплохода. Спасти удалось только одного, ранено-

¹ Г р у м а н т — поморское название Шпицбергена.

го штурмана, цеплявшегося за шкерттик автоматически раскрывшегося плота. Перевалиться через высокий надувной борт у него сил уже не было.

Пока санинструктор оказывал спасённому «доврачебную помощь», поручик сказал боцману:

— Срываемся отсюда полным ходом, на вест, в темноту... Не надейся, что уже кончилось...

— У тебя закурить есть? — спросил тот внезапно ослабевшим голосом. Каждый человек имеет предел физической и нервной выдержки, только морской пехоте думать о таком не положено. Жив — воюй, остальное — на потом.

— И закурить, и сто грамм. Глотай, держи...

Сунул в руки боцмана портсигар и флажку, приподнялся на кормовой банке. — И раз, и раз! Не сачковать! Хоть спины поломайте, а ходайте... Садись к румпелю, — уступил он своё место.

Паспортно такой баркас при полном усилии гребцов мог развить узлов восемь. Сейчас, наверное, выходили все десять. А толку?

Поручик увидел, что фосфоресцирующая вода обозначила примерно в миле позади длинный корпус с высокой рубкой. Ясно, лодка, и примерно известного типа.

— Такое дело, братцы, — обратился он к своей команде, — живыми нам уйти не дадут. Вон она, та сука, всплыла. Сейчас ищет уцелевших. Только не на тех напали! Оружие — на боевой взвод, положить рядом. Если нас не раздолбают на дистанции, грести до последнего. По моей команде — огонь. По всем, кто шевелится. Пулемёты — по рубке, снизу доверху. Патронов не жалеть, другого шанса не будет. А там как выйдет — или на abordаж, или... Всё понятно?

Со своими двадцатью пятью надводными узлами, даже двадцатью, лодка догонит баркас через пять минут. И наверняка постарается взять в плен. Если бы хотели просто убить — как раз подходящая дистанция для стрельбы из палубной «сотки». А теперь уже и для спаренного пулемёта. А не стреляют. Или заложники им нужны, или просто уточнить захотелось, кого на этот раз потопили, в темноте флаг не разобрали.

Поручик смотрел на приближающийся сзади и немного слева форштевень, разбрасывающий по сторонам веера сияющей пены, на узкую башню рубки с торчащими трубами перископа и шнорхеля. Начали различаться фигуры людей, толпящихся на артиллерийской площадке и в так называемом «лимузине»¹.

«Да они просто собираются нас таранить, — осознал поручик. — Сбрасывать ход, чтобы швартануться к баркасу — поздно. Вот же падлы! Ударят форштевнем, пройдутся по уцелевшим корпусом и винтами — и на глубину. Свидетелей не останется. Ну так получайте!»

Когда до лодки осталось не больше кабельтова, боцман резко затабанил² и переложил румпель вправо до упора.

Баркас увело в сторону, метров на сорок, но достаточно, чтобы форштевень его не зацепил. Двухтысячетонная субмарина к таким манев-

¹ Верхняя площадка рубки подводной лодки, окружённая открытым сверху, остеклённым фальшбортом.

² Та б а н и т ь — грести в обратную сторону, чтобы выполнить разворот шлюпки или дать ей задний ход. В данном случае боцман переключил на реверс муфту редуктора.

рам была не приспособлена. И на то, чтобы осмыслить происходящее, отдать хоть какую-то команду, всему комсоставу лодки, вылезшему наверх в предвкушении развлечения, артиллеристам, пулемётчикам, сигнальщикам — времени тоже не оставалось. Совсем. Даже перекреститься, если верующий.

— Взво-од! Огонь! — скомандовал поручик, вставший на банке во весь рост, демонстрируя собственное презрение к смерти и уверенность в победе. Очевидной.

Четырнадцать автоматов и четыре пулемёта хлестнули в упор, сметая отлично видимые при свете полной луны фигуры на палубе и мостике. С такой дистанции не промахнулся бы и солдат-первогодок, а во взводе служили парни, заканчивающие службу. Поход на теплоходе — «дембельский аккорд».

В течение пяти секунд на палубе убиты были все, а рубка издырявлена бронебойными пулями в такое решето, что погружаться не имело никакого смысла. И шахта перископа перебита, и шнорхель. Тем более что и команду на погружение отдать было некому.

Баркас ткнулся кормой в кранцы на борту лодки, и специально к такому делу подготовленные бойцы, во главе с поручиком, рванулись через скобтрапы с обеих сторон рубки к верхнему люку, и — вниз.

— Только механиков не трогать! — успел прокричать поручик. Пусть в такой команде не было необходимости. Внутри лодки сопротивления не оказал никто. Единственный вахтенный штурман,

не выпущенный наверх своим командиром, в центральном посту получил прикладом по зубам и отключился от дальнейшего. Люки между отсеками, что поразительно, были отдраены все.

— Кто же так воюет, мать вашу?! — нецензурно удивился один из старшин, кое-что знавший о службе на подплаве¹.

Поручик устроился в вертящемся кресле ныне покойного командира перед перископом. К нему подвели человека, назвавшегося стармехом, или, по-русски, «дедом» данного «Наутилуса».

— Что, сволочь, надводным ходом до Хайфы дойдём? — поинтересовался взводный, цыкая зубом и, вопреки всем правилам, закуривая в «святая святых». Беды в этом не было. Открытый люк и иссечённая пулями рубка создавали нормальную вентиляцию.

— Дойдём, господин... — Стармех, судя по своим нашивкам пребывавший в чине приблизительно капитана второго ранга, очевидно, ждал, что этот младший офицер ему представится.

Но получил только плевков под ноги, на палубу центрального поста.

— Тогда приведите в чувство вот этого, — указал на валявшегося у переборки штурмана, — и поехали. Вот сюда. — Он ткнул пальцем на разложенную на навигационном столе карту. — У меня в команде дураков нет. Одно неправильное движение — пуля в лоб и за борт. Доходчиво?

— Так точно, господин, — и льстиво добавил: — Уже убедились.

¹ Подплава — общее наименование служб подводного флота.

— Ну и вперёд. Иди, не отсвечивай... Ромашов, — приказал он старшему унтер-офицеру, замкомвзвода, — выведи наверх кого найдёшь, пусть трупы с палубы в холодильник оттащат. К каждому живому на этой коробке приставь по человеку. Чтобы следом ходил, глаз не спускал. Хер их, раздолбаев, знает, какую они подянку могут выкинуть, если им и так и так помирать... Чтобы ни один вентиль, ни одну задрайку никто не лапнул, не спросив предварительно разрешения. Всех, кто не имеет отношения к обеспечению хода, — запереть в канатный ящик.

— Николай Егорович, — попросил он боцмана, — вы со своими ребятами тоже приглядывайте. От торпед спаслись, неужто теперь до своих не дошлёпаем? Берите на себя весь распорядок на борту... На руль есть кого поставить?

— Сам стану, приходилось.

— Так и сделаем. В подвахту трёх-четырёх парней возьмите, пусть на ходу учатся. Кто знает, когда своих встретим...

В этот момент поручик Летягин из простого статиста на мировой шахматной доске внезапно превратился в фигуру историческую. Его имя и фотографии скоро заполнят мировые газеты и журналы, несколько раз наверняка покажут по дальновидению. Очень может быть, пригласят как свидетеля выступить с трибуны ООН. Главком ВМФ, а то и сам Император примет орденом Святого Георгия пожаловать, ибо в Уставе прямо записано: «Кто с боем захватит вражеский корабль...».

Подводные лодки Летягину никогда не нрави-

лись, даже свои, пусть и спускался он в их таинственные недра несколько раз, в порту, когда приятели приглашали в гости. Искренне считал тех, кто добровольно, в девятнадцать лет поступал в Первое Балтийское имени адмирала Дудорова училище подводного плавания, не совсем нормальными. И вправду, кем же нужно быть, чтобы до конца службы согласиться ползать по тесным отсекам и месяцами не иметь права даже свежего воздуха глотнуть? Ради чего? Какая здесь может быть романтика?

То ли дело — морская пехота!

Вот и сейчас: в отсеках воняло всем сразу — человеческим потом, кислотными испарениями аккумуляторов, выхлопом дизелей, мокрым металлом, бог знает чем ещё. Двигатели гремят, давя на барабанные перепонки, стальной настил вибрирует, даже зубы, если их не сжимать, начинают выстукивать морзянку... Мерзость.

Из центрального поста поручик избежал по трапу в «лимузин», цепляясь широкими плечами за стенки шахты. Звёзды на голове сияют, солёный ветер с норда наполняет лёгкие, волны с плеском набегают на палубу. Совсем другое дело! Он теперь — полноправный командир и владелец этой «шаланды». И нужно думать не как засидевшемуся в должности взводному, а — стратегически!

Прежде всего — заняться допросом пленных. Это первое дело. Составить и предъявить начальству такой документ, чтобы потом поручика не отстранили, не задвинули. Знаем, как оно бывает. Все коврижки — себе, а непосредственному ис-

полнителю — бумажку на подпись «О неразглашении», и гуляй, Вася.

Нет уж! Мы люди тёмные, но не настолько.

Радио в порядке, значит, в эфир на единственной знакомой ему волне, открытым текстом (Летягина секретными кодами не снабдили): «Мною, таким-то, после торпедирования и гибели т/х «Анапа», порт приписки Новороссийск, захвачена пиратская подводная лодка. Координаты примерно такие-то. Следую курсом норд-норд-ост пятьдесят градусов. Прошу помощи».

Едва ли у противника поблизости есть ещё корабли, способные перехватить его сигнал раньше своих. А если и есть — милости просим. Из пушки стрелять обучены, и в аппаратах то ли шесть, то ли восемь торпед. Погружаться не умеем — так в надводном положении повоюем!

Летягин убедился, что лодка завершила разворот. Без всякого компаса видно, по Полярной звезде, начали двигаться в нужном направлении. Осмотрелся, увидел более-менее знакомый пульт управления, сильно поковерканный пулями и залитый кровью. На всякий случай дернул рычаг машинного телеграфа на «средний». К его удивлению, сработало. Снизу отрепетовали¹ команду, лодка прибавила ход.

Он спустился в ЦП, сообщил о своём открытии боцману.

— Дуй наверх, Николай Егорович, оттуда лучше видно. Сам соображай, когда вперёд крутить, когда назад, прикинь, сколько ещё узлов доба-

¹ Отрепетовать — подтвердить получение сигнала, повторить.

вить можно. Чтобы и не потонуть по глупости, и до своих побыстрее добраться...

Затем расположился за обеденным столом в тесной кают-компании, велел по одному, в порядке старшинства, приводить ему «подследственных». В роли командира отдельной части он правами дознавателя обладал. Следовательно, составленные им протоколы будут иметь не только оперативное значение, но и юридическую силу.

Рядом посадил сразу двух секретарей, матросов первой статьи — вольноопределяющихся, с незаконченным высшим образованием, жаль, что не юристов. Велел записывать точно, разборчиво — «аутентично», вспомнил он подходящее слово. Чтобы, значит, одну копию — начальству, вторую — себе. И особых расхождений в заверенных бумагах быть не должно. На случай разбирательств.

Итак. Экипаж подводной лодки, не имеющей названия, только карандашом написанный на первой странице вахтенного журнала номер, «12-бис», составлял сорок восемь человек. Из них двенадцать офицеров. Убиты четырнадцать, в том числе командир и восемь офицеров. Список — составлен. В живых — стармех, второй штурман, начальник минно-торпедной части, тридцать один человек рядового и старшинского состава.

Поручик начинал собеседование с подлежащих обсуждению вариантов. В старых традициях: или — за борт, по доске (опять же — Сабатини), или — повешение на перископе (Летягин с большим вкусом описал, как интересно такой способ может выглядеть. Ничуть не хуже, чем на рее).

— Все вы — помимо тех, что лежат в холоди-

нике, где вино для отмечания очередной победы берегли, — находитесь в полной моей власти. Вы утопили мой пароход, убили моих друзей. С шумным весельем собирались убить меня. Каким-то удивительным случаем тебя, например, — он указал зажатой в пальцах сигаретой на командира минно-торпедной службы, — в первой партии наверх не выпустили. Пообещали во второй, так? Но торпедами стрелял ты?

— Я ничего не знаю, — глядя в железную палубу под ногами, ответил крепкий, жилистый мужчина лет сорока, с очень волевым лицом. Судя по всему — никак не меньше, чем командер одного из западных флотов, или — старший лейтенант нашему.

— Чего ты не знаешь, милый? — с тихой лаской, которой он едва-едва ухитрился маскировать бешенство, спросил Летягин. — Выпускал ли ты торпеды, не знаешь? Или как тебя зовут? Где на службу нанялся, к кому? Не знаешь? В кого стрелял и зачем — тоже не знаешь? Тогда и я не знаю — зачем вдруг вот этот старшина засунет тебя в торпедный аппарат и стрельнёт. Также не зная — куда. Но ведь куда-нибудь ты долетишь? Или это будешь уже не ты? Я не очень разбираюсь в торпедном деле, тебе лучше знать...

— Я не знаю, кто и зачем меня нанимал. Я ирландец, бывший подводник, лейтенант-коммандер¹. Чарльз О'Доннел. В Дублине ко мне в пабе подошёл человек, предложил заработать. По прежней специальности. Пенсия у меня была

¹ Звание, примерно соответствующее лейтенанту российского флота.

очень маленькая, предложили впятеро. Какой смысл отказываться? В своём отсеке я готовил торпеды. Только. По команде выпускал. Куда, в кого — понятия не имею.

— Отлично, — сказал Летягин, почувствовавший, что выходит на интересную тему.

— Начнём с самого начала. Какой паб, название, адрес. Какой человек? Дата и место подписания контракта. Куда отправились после этого? Где базировалась лодка? Сколько их было, кроме этой? Сколько раз выходили в море, сколько раз стреляли по целям. Координаты, результат. Когда и откуда вышли в последний поход... Видишь, как много интересных вопросов. И наверняка столько же ответов будет. Должно быть, — уточнил Летягин. За отказ отвечать — смертная казнь. За ложь — то же самое. У меня есть время, чтобы допросить каждого на борту и сопоставить информацию. Заранее предупреждаю — никаких обнадёживающих обещаний не даю. Не в моих возможностях. Приплюсовать к уже имеющимся покойникам — свободно. Отпустить — нет. Суд будет разбираться. Наш или международный — не моё дело. Но *верхней* меры у нас не предусмотрено, так что поживёшь в любом случае. Так что — начинаем?

Бывший лейтенант-коммандер сделал правильный выбор. Жизненного опыта ему хватило, чтобы сообразить: в своём нынешнем состоянии русский поручик и без того проявляет чудеса психической устойчивости, заставляет себя держаться в рамках и устава, и так называемого гуманизма. Едва ли хоть один из офицеров очередной реинкарнации «Летучего голландца», каковой являлась

субмарина «12-бис», вел бы себя настолько корректно с этим же поручиком.

Поэтому О'Доннел решил все свои силы и изобретательность приберечь для нормального суда. А с человеком, счастливо избегнувшим мокрой могилы, да вдобавок, вместо того, чтобы от радости напиться вдребезги, занявшегося нудной канцелярщиной, лучше по пустякам не спорить. Кто знает, в какое мгновение и от какого слова у него сорвётся нарезка *загадочной славянской гуши*, и он начнёт крушить направо и налево, не разбирая правых и виноватых?

Правда, лейтенант-коммандер отчётливо понимал, что «правых» на борту его лодки гораздо меньше, чем имелось праведников в Содоме и Гоморре, вместе взятых.

Чарльз оказался человеком весьма памятливым и наблюдательным и всячески демонстрировал поручику свою лояльность. Несколько раз попробовал *надавить на жалость*, повествуя о своей трудной судьбе, но увидел на лице едва ли двадцатипятилетнего офицера гримасу брезгливости по отношению к себе, сорокалетнему мужчине, и устыдился. По крайней мере, перешёл на тон деловой и почти бесстрастный.

Большая часть его показаний Летягину оказалась не то чтобы неинтересной, а попросту непонятной. Поручик крайне мало был сведущ в международной политике. Окажись на его месте Чекменёв или даже Ляхов, они мгновенно зацепились бы за незначительные, казалось бы, детали, вроде мельком услышанного О'Доннелом разговора между командиром лодки, то ли с бывшим, то ли до

сих пор состоящим на службе коммодором английского (!) флота, и штатским господином.

Разговор происходил в береговом ресторанчике, незадолго до последнего рейда. Там и прозвучало — «Хантер-клуб». Ирландец об этой организации слышал и раньше (жизнь длинная, чего только не услышишь) и предположил, что в России о ней тоже имеют представление. Кому нужно — разумеется, имеют, но не каждый же строевой офицер, если он не из Разведупра.

Гораздо более важной информацией Летягин счёл ту, что касалась расположения базы подводных лодок. Фарерские острова, один из фьордов миль на тридцать севернее Торсхавна, столицы островов, с населением около десяти тысяч человек.

Главное — база там, судя по словам О'Доннела, появилась не вчера и не позавчера. Лет пять назад, не меньше, и была она тщательно оборудована для обслуживания минимум пяти лодок. По полной, что называется, программе.

Причём явно не датчанами, в чьей юрисдикции находились острова.

...Время от времени подавая условный сигнал на принятой в средиземноморской эскадре частоте, трофейная лодка почти полным ходом шла курсом норд-ост. Погода была самая подходящая — ветер умеренный попутный, волнение не больше трёх баллов, сплошная облачность и дымка, ограничивающая видимость тремя-четырьмя милями. Достаточно, чтобы заблаговременно уклониться от нежелательной встречи с посторонними суда-

ми. Торговые моряки не настолько бдительны, чтобы навскидку обнаружить у горизонта всего лишь семиметровую рубку и почти погружённый корпус. От военных кораблей, конечно, не скроешься, но пока бог миловал.

После полудня лодку наконец обнаружили, на пределе своего радиуса, вертолёт с «Эссена». Снизились почти до высоты рубки, сбросили на тросике красный алюминиевый пенал. Летягин прочитал короткую записку с указанием нового курса и только тут почувствовал, как смертельно устал. Час, от силы два продержится, и всё! Свалится, где стоит. Одновременно, другой частью сознания, понимал, что останется на своей вахте сколько нужно. Хоть бы и ещё сутки.

Очередная пара вертолётов прилетела через час. Один барражировал поверху, другой зашёл с кормы, почти коснулся палубы разлапистыми поплавками, завис, уравнив скорость.

Из распахнутой дверцы прыгнули пять человек в спасательных жилетах. Два со «строевыми» кантами на погонах, трое с «механическими».

Поручик, с ладонью у виска, отрапортовал старшему по званию, капитану второго ранга, и в заключение спросил:

— Могу считать, что командование сдал?

— Так точно, поручик, так точно, — обнял его смутно знакомый офицер. Где-то виделись, а где — убей бог, не вспомнить.

— Капитан второго ранга Шелавин командование принял. Можешь отдыхать, — посмотрел он в красные, воспалённые глаза офицера. — Ходу нам ещё часов пять. Выспишься. На «Эссене» тебя ждёт торжественная встреча. Сам понимаешь...

На свою дачу Фёст с командой возвратились благополучно. Никто их бесшумного скольжения по реке не заметил, всё внимание не слишком многочисленных в это время обитателей прибрежных посёлков было привлечено звуками боя и высоким пламенем пожара.

Секонд, Мария, Марина и Людмила встретили их, как случайно выживших героев — слишком уж большой шум они подняли.

— Даже здесь слышно было, будто батальон воюет, — сказал Ляхов-второй, довольный, что всё закончилось и кроме царапины Инги — никаких потерь.

— А шашлыки готовы? — демонстрируя и выдержку, и чувство юмора, спросила Анастасия.

— Чуть-чуть не подгорели, — в тон ответила Людмила.

— Шашлыки ещё немного подождут, господа офицеры, — сказал Фёст. — Десять минут на всё. Мотор с клипербота снять, протереть, слить бензин. Убрать в дальний угол, можно каким-нибудь мусором притрусить. Словно к нему год не подходили. За полчаса он остынет, не придерёшься. Воздух из лодки спустить, её у огня подсушить. И тоже в сарай. Отдельно и подальше...

— Думаешь — кто-то проверять будет? — удивился Секонд.

— У вас, может, и не стали бы, а у нас... Хрен его знает, товарищ генерал-лейтенант.

Эту присказку из уст аналога Вадим слышал неоднократно, и всегда — в разных вариациях.

— Дальше, девушки и дамы, — сказал Фёст, неизвестно зачем проведя такое разделение среди

ходивших с ним валькирий, — форму, оружие — тоже в подвал. Там есть люк в полу, Вяземская знает, керамический. Никакой металлоискатель не возьмёт. Затем быстренько, но тщательно моемся с применением специальных косметических средств, чтобы ни следа порохового дыма или почвы с того участка ни на ком не осталось. Переодеваемся в самые лёгкие и соблазнительные из имеющихся у вас туалетов — и к столу!

— Ох, и осторожный же ты! — В словах Секонда Фёсту слышалось некоторое осуждение.

— Неужели Конан Дойла не читал? Или Рассела рассказик — «Рутинная работа»? Если кому-то в голову придёт к нам придолбаться — долго отмазываться придётся. Возможно — и со стрельбой. А мне — надоело. Мог бы своим приятелям в больших чинах прямо сейчас позвонить — прикрыли бы. Но опять лишняя засветка. А если сейчас *не наши* люди всей силой навалятся — мало не покажется. Тем более президент, уверен, кого надо вздрючить уже успел. В свете последнего разговора. У нас, при всех негативах, спецы ещё встречаются — упаси бог! Особенно если генерала МГБ и взвод спецназовцев неподалёку завалили.

Подворный обход верняком начнут. Так одно дело — полупьяные эфемерные создания в просвечивающих сарафанчиках на голое тело им явятся, совсем другое — *отчётливые девки* с горящими глазами, грязью под ногтями и пороховым нагаром на щеках... Музыку подходящую заводим, всем — грамм по двести крепкого или по бутылке вина, кому чего нравится — прямо сейчас. Посуду, пустую и полную, сколько есть — на стол. И тут же, подавая пример, разлил валькириям по полста-

кана жутко дорогой, для самых отвязанных любителей понтов выпускаемой водки. Обыкновеннейший «спиритус этиликус», известным способом разбавленный, хорошо, если не водой из-под крана, зато эксклюзивные бутылки из самой Франции...

— Давайте, девочки мои дорогие. Спасибо вам за всё, главное — что не *подставились*.

— Усложняешь ты всё-таки, — с сомнением сказал Секонд, проглотив свою порцию.

И оказался неправ.

Минут через сорок, когда вся компания ненаигранно веселилась, ела сочные шашлыки, запивая их хорошим вином, под приятную, довольно громкую музыку из расставленных вокруг беседки колонок, у ворот грубо загудел мотор «УАЗа». Требовательно крикнул сигнал.

— А я что говорил? — сказал Фёст, вставая. — Люда, со мной... Остальным без команды в разговор не вступать...

Вяземская, одетая именно так, как он приказал, на самой крайней грани приличия, разбросав волосы по плечам и изображая умеренную, не преследуемую законом степень опьянения, пошла следом, на шаг сзади, с трудом ухитряясь не провалиться высоченными шпильками в щели между каменными плитками.

Ляхов открыл калитку, демонстративно держа перед собой мощный травматический пистолет.

— Кто тут и какого... Уже два ночи. До семи утра имею право никого не пускать... — Это он начал говорить, увидев перед собой милицейского старшего лейтенанта и двух людей в штатском чуть позади него. — Чего вам? Пойдите, — мах-

нул расслабленно рукой, свободной от оружия. — Вы — наш участковый, что ли? Чем могу служить?

— Так точно. Старший лейтенант Семиколёных. А вы?

— Доктор медицинских наук, магистр парапсихологии Ляхов Вадим Петрович. В настоящее время — хозяин этой дачи, — подчёркнуто вежливо раскланялся Фёст. — Чем могу служить? — повторил он.

— Вы, это, Вадим Петрович, пистолет опустите, если не трудно, — сказал мужчина слева от участкового. — Разрешение, кстати, имеете?

— Всенепременно. И на пистолет, и на шесть стволов нарезного охотничьего оружия. Только винтовки в Москве и разрешения в Москве. А на это, — он повертел копией «беретты», стреляющей, кстати, очень тяжёлыми резиновыми пулями, шагов с пяти в голову — гарантированно насмерть, — при мне. Как же иначе. Учёные... Пойдёмте, предъявлю... Только сначала тоже представьтесь...

Людмила, не вникая в суть разговора, начала чесать комариный укус намного выше выставленной вперёд коленки.

— Несущественно, — ответил спросивший, переместив взгляд с пистолета на гораздо более привлекательный объект.

— Так что вы хотели? — несколько жёстче спросил Вадим участкового. Сейчас он изображал человека, балансирующего у грани патологического опьянения. Вроде бы полностью адекватен, способен поддерживать разговор и держаться на ногах, но чуть-чуть сверху — или отрубится в секунду, или начнёт творить невообразимо что, не

отдавая себе отчёта. — А то у нас баранина остывает. Она, баранина, имеет отвратительное свойство остывать быстрее, чем надо. Тьфу ты, — шлёпнул он себя ладонью по лбу. — Да что мы тут стоим? Заходите, по стопарику-другому примете, и дальше. Собачья работа ночью по улицам таскаться. И ради чего? — спросил он с интонацией Сократа. — Очередного поросёнка у Солодухина украли или пацанва на танцах передралась? Да, простите, заболтался я. Вчера три лекции прочёл, никак не могу остановиться. Так пошли? Там всё и расскажете. Постараюсь быть всемерно полезным... — он подавил икоту, — нашим родным правоохранительным органам...

Вяземская убила на щеке очередного комара и тут же, изящно изогнувшись, занялась щиколоткой. При этом из выреза сарафана наполовину выскользнула слишком роскошная при общей стройности девушки грудь.

Дав приедем две секунды полюбоваться на чудо природы, он рывком за плечо заставил Люду выпрямиться и подпернул вверх кружевную оторочку, тоже мало что скрывающую.

— Извините, господа! Мила, иди во двор...

— Обещал, что здесь комаров нет, — капризно сказала Вяземская, словно и не заметив лёгкого казуса, — а их тучи.

— У костра не будет, иди, иди, — подтолкнул её Фёст.

За забором очень вовремя пронзительно засмеялись сразу три девушки. Как будто услышали явно неприличный, но смешной анекдот.

— Вы в последние два-три часа чем занимались? — спросил участковый, догадавшийся, что

ловить здесь нечего. Хозяин с компанией пьют настолько давно и упорно, что даже молоденькая девчонка, что называется, в зюсю. Однако явно старше восемнадцати, ничего здесь не пришьёшь. Они не то чтобы пять километров, они и сто метров до соседней дачи по прямой не дойдут. Да в таких обалденных босоножках.

Если только правда заглянуть «на огонёк», стакан накатить. Увы, «соседи»¹ не позволят. Может, завтра с утра? Познакомиться поближе. На участке душевных жильцов не так уж много...

— А этим самым и занимались. И сейчас занимаемся. У нас, знаете ли, помолвка. Ещё раз прошу — заходите. Кто вас проверять будет, сколько «опрос местных жителей» продолжается...

— А стрельбу слышали?

— Мы пьяные, но не глухие, — твёрдо сообщил Фёст. — Нельзя не услышать. Сразу подумали — хорошо люди свадьбу отмечают. Горцы, наверное. Или развод, недавно и такая мода появилась. Минут сорок салютовали...

— А машин мимо вас не проезжало?

— Да кто ж их знает? Смотря какие машины. Вашу сразу услышали, а «Ауди», допустим, проскользнёт — не заметишь. Откровенно говоря, после десяти вечера ни одной не слышали... — Фёст задумчиво посмотрел на старшего лейтенанта. — Так, может, присядете с нами? На полчаса. — Идея затащить за свой стол участкового не остав-

¹ На милицейском сленге «соседями» называют сотрудников МГБ. По странной географической аномалии очень часто «конторы» располагаются очень близко, на соседнем углу или через дорогу. Что здесь первично, что вторично — требует специальных исследований.

ляла его отуманенный алкоголем разум. — Не последний раз видимся. Чтоб и дальше — по-хорошему...

— Спасибо за приглашение, — улыбнулся участковый, делая в памяти отметку. — Дела делами, а в свободное время отчего к хорошему человеку не заглянуть? Одним словом, я вас прошу — что-то подозрительное случится, сообщайте немедленно. Через «ноль два». Здесь со мной сразу соединят. И, мой совет, на такие игрушки, — он указал на пистолет, — не полагайтесь. Вреда от них больше, чем пользы...

— Да это как сказать.

Видимо, тон его каким-то образом изменился, и один из штатских снова вскинулся, нечто одному ему понятное почуяв. Но ничего не сказал, молча полез в заднюю дверь.

«УАЗ» рыкнул, пробуксовав в песке, и рванулся в лесную темноту.

— Ну, вы и актёр, — сказала Людмила, когда за ними захлопнулась калитка. — Магистр парапсихологии, читающий лекции полудюжине голых студенток...

— Ты — не хуже. С комарами — блеск. Я, честно сказать, на такие ножки и позы верняком бы засмотрелся. Уже не о задании б думал, а соображал, надеты под сарафаном трусики или так обходишься... Вот только глаза научись прятать. Те, может, и не заметили, но зыркала ты чересчур потрезвому. Хорошо, ночь. Днём умный опер мог бы просечь...

— А какая разница постороннему, есть под сарафаном трусики или нет? — спросила Людмила с

интересом. Как бы продолжая занятие по практической психологии.

— Да чёрт его знает, — честно ответил Вадим. — Но, как правило, парней, особенно до тридцати, эта проблема основательно волнует. Хотя и вправду — какая разница, один слой материи, два или три, если тебе лично в любом варианте ничего не светит...

Пока они не вышли на освещённое пространство, Люда, словно в продолжение темы, обняла его, несколько раз, слегка даже агрессивно, поцеловала.

— Спасибо, что ты — такой... — Она впервые назвала его на «ты». — Спасибо, что живой вернулся. Девчонки рассказали, как ты там... Они все теперь за тебя в огонь и в воду. А если хочешь, я всегда с тобой буду.

«Вот и меня, наконец, кто-то полюбил, — грустно и непривычно радостно подумал Фёст...

— Всегда — понятие растяжимое, — сказал он, отрываясь от невыносимо притягательных девичьих губ и всего остального, что теперь вдруг снова стало совсем не тем, что он небрежно прикрывал от глаз оперов. Совсем не тем...

К столу они подошли порознь, на приличной дистанции. Вяземская не хотела, чтобы подружки раньше времени что-то узнали. Анастасия — ладно. Сама призналась, что Уваров сделал ей официальное предложение и она его приняла.

У неё пока — ничего подобного. Человек, с которым она возмечтала сойтись судьбой, совсем не то, что подполковник Уваров. И не тот, что его брат-близнец: с ним очень легко и просто было чувствовать себя на «Валгалле». Поразитель-

но другой, словно бы намного старше, суровее, жёстче, и время вокруг — не то. О том, что избранному ею мужчине едва перевалило за тридцать, она не подумала. Зато сумела почувствовать, что при всей своей жёсткости — и нежнее тоже. Возможно — именно поэтому.

— Испугался? — благодушно спросил Фёст у Секонда, сделал несколько больших глотков коньяка, стянул зубами с шампура кусок не успевшего остыть мяса. Совершенно как артист Смирнов в короткометражке «Напарник» тысяча девятьсот шестьдесят шестого года выпуска, который никто, кроме него, в этой компании не видел. А зря.

— А ничего. Как видишь — обошлось. Спасибо Людмиле...

— Ты бы — не испугался? — тихо спросил Секонд. Фёст его понял сразу. Как его самого поняла Людмила, милая Люда.

— Как тебе сказать? Не осуждаю — в твоём положении, то есть — в чужом, до последней гайки непонятном мире, какой бы ты ни был геройский-разгеройский солдат — испугаться можно, иногда и нужно. Страх для того и придуман. Вопрос — чего пугаться? Впасть в несоответствие перед поверившим в тебя коллективом — пожалуй. А физически — нет. Отстрелялись бы, с боем пробились, до дома доехали. Только в этого лейтенанта, участкового, стрелять я бы ни в коем разе не стал... Глаза у него честные, а жизнь — не приведи бог. Оклад — тысяч двенадцать, а «на чай» и сотню далеко не каждый даст. И не у каждого он возьмёт...

Фёст почувствовал, что его понесло совершенно не туда. Бесконечно длинный день, занятия с девушками, встреча с Воловичем, бестолковая

дискуссия с президентом, бой, в котором, признаться, он выжил лишь чудом, нарушив все предварительно данные самому же себе обещания. И после этого — едва не пол-литра крепкого почти без закуски. Чего же ждать? Хорошо, попросту не развезло. Вполне он ещё держится, практически — в норме. И в состоянии *младшего брата* поучать.

— Вот если бы меня там, на даче генеральской, убили, вот тогда вам худовато пришлось бы... Не захотел бы я на твоём месте и в твоём положении оказаться. Но раз я снова выжил — нечего здесь комплексовать. Тебе. Если твой мир — зоопарк, а мой — подлинные джунгли, о чём речь? Я вот хотел благодарность перед строем объявить...

Повинуясь его взгляду, девушки дружно встали. В кителях с погонами и форменных юбках, в высоких сапогах они выглядели бы куда воинственнее, но и в платьицах с босоножками — тоже вполне ничего.

Фёст жестом велел Секонду налить всем, у него самого в чарке уже было. Недопитое. Раза три он только губы мочил. Сам выпрямился, ухитрившись не качнуться. Вздыхнул и сказал:

— Не обладая никакими дисциплинарными и прочими правами, только от себя лично, а может, и не от себя, а от всего становящегося для вас близким мира, который мы вдруг вздумали спасти, хочу объявить эту благодарность... — Сам подтянулся, сдвинул каблуки. — Подпоручикам (а по-местному — лейтенантам) Вельяминовой, Волинской, Витгефт, Вирен — за мужество и героизм, проявленные в боевых действиях. Подпоручику Вяземской — за выдержку и тактическое мастер-

ство в сложной оперативной обстановке. Варламовой и Верещагиной — за тыловое обеспечение очень непростой операции. Сам я ничем государственным вас наградить не могу, а *негосударственное* каждая из вас завтра получит. Надеюсь, что господин полковник Ляхов на *своей* стороне что-нибудь придумает. Сообразно должностным возможностям. Проще говоря — спасибо вам, девочки. Что бы я без вас... А теперь — забыли абсолютно всё и гуляем до утра. Танцы и тому подобное...

С танцами всё получилось хорошо. Девушки, поголовно влюбившиеся в своих командиров (а как иначе может быть после случившегося?) да ещё, согласно приказу, одетые абсолютно символически, немножко страдали.

Пятерым из семи, чувствуя на теле желанные руки, отчётливо зная, что ничего другого не будет, — каково? Все они хорошо знали Вадима Петровича-второго (для них — первого) и его жену Майю Васильевну, что на палубе «Валгаллы», что на пляже за лишний неслужебный взгляд, брошенный любой из них на своего мужа, одаривала таким ответным... Желающих перешагнуть черту не нашлось.

Тут вдруг объявился его брат-близнец. Неженатый и очень спокойный. Слегка меланхолический даже. И что? Его мгновенно, никто даже сообразить не успел, как именно и когда, окрутила Людка Вяземская. Самая тихая и неприметная все последние пять лет в лагере Дайяны.

Казалось бы — что в ней? Всей разницы — цвет глаз, размер груди. На один номер больше, чем у всех, кроме Инги (у неё второй), и только-то? Рост, фигура, ноги, не говоря о прочем, — одина-

ковые. Но каждой видно — она на Вадима Петровича-второго, а по внутреннему счёту братьев — Фёста (значит, есть за что), посматривает через каждые десять, от силы — двадцать секунд. Мгновенно, из-под ресниц, и снова отворачивается. Но долго вытерпеть не может.

Да и он, хоть и сел специально на другой конец стола, уделяя внимание и Маше Варламовой, и Марине Верещагиной, без намёков, по-дружески то за ручку невзначай беря, то по плечам поглаживая, танцевать чаще всех приглашая (наверное, потому, что в бой не взял), всё равно на Вяземскую смотрит.

Даже с любой из девушек танцуя, то и дело на свою пассию оглядывается. Словно боится, что убежит куда-то.

Ладно, хватит об этом. Всего не перескажешь и ничего не исправишь.

Около четырёх утра, когда едва засветлело небо на востоке, Фёст, протрезвевший, будто вообще ничего не пил, вдруг сказал:

— Собираемся и уезжаем. Девчата, что вам нужно из снаряжения — грузите в машину. Кто-нибудь, для смеху, трусики или бюстик на вот эту ветку повесьте. Прямо перед глазами входящего. Пусть люди порадуются. Пустые бутылки и прочий мусор — в яму за домом. Одну полную на столе оставьте. Быстро, быстро...

— Да в чём опять дело? — удивился Секонд. — Со всем разобрались...

— Слушай старших. Очень мне взгляд одного из оперов, что с участковым были, не понравился. Бывают такие... Или упёртые служаки, готовые старушку, не там улицу перешедшую, замордо-

вать, или мерзавцы законченные. Представь себе картинку, у вас, может, малореальную.

Примерно сейчас, кое-как покрутившись на глазах у начальства, которое само в периоде полураспада пребывает, означенный капитан или майор, хрен его знает, втихаря отойдёт в сторонку. Наверняка, если не дали ему конкретного задания, о нём никто и не вспомнит. До утра минимум.

За это время (если он такая сволочь, как я предположил) подскочит сюда. Сдуру может и один, а скорее — с двумя-тремя мордоворотами. Очень у нас всё колоритно. При должном старании алкаша, каким я представился, можно раскрутить на любое признание, любую явку с повинной. В стельку пьяная девчонка, — он указал на Людмилу, — тоже что хочешь подпишет. Они же не знают, кто она есть. Предположат, что дочка приличных, но не слишком влиятельных родителей. Проституцию ей пришьют или — предложат соглашение о сотрудничестве. Выбор почти очевидный...

— Страшные вещи ты говоришь, брат, — поёжился Секонд.

— Привыкай. С этим мы и решили воевать, если ещё не понял. Рад, если ошибусь. Всё может оказаться совсем наоборот, и этот капитан или майор станет верным бойцом «Чёрной метки». Поэтому ты с девочками прямо сейчас гонишь на Столешников и вызываешь по СПВ Воронцова... Скажешь ему вот что...

Фёст начал объяснять, что именно, и тут до него дошло.

— Эх, чёрт возьми! Совсем у меня ум за разум зашёл. Как ты поедешь? У тебя ни прав, ни доку-

ментов... А сейчас, небось, менты все, какие у них есть «Перехваты» и прочие схемы в действие ввели. Тут и я то ли проскочу, то ли нет. Всё. План отменяется. Грузитесь...

— Давайте все останемся, — предложила Анастасия.

— Не пойдёт, — возразил Фёст. — Случись новая заварушка, по-светлому мы все вместе не прорвёмся. Сейчас поехали, время единственно благоприятное...

Мало кому известными дорогами, скорее — с трудом проходимыми просеками — они выбрались к Волоколамскому шоссе. Ухитрились, наверное, из-за своего одновременно респектабельного и разгульного вида спокойно миновать все стационарные и передвижные посты. ППС, ДПС и поддерживающие силы высматривали совсем другой контингент. Домой вернулись в самый раз, до начала пробок.

— Теперь — всем отдыхать, — распорядился Фёст, убедившись, что за окнами нужной половины квартиры — время Секонда, не его. — Не слишком у нас спокойный пикничок получился. Ну да ладно, другим разом отдохнём спокойнее, если Вадим Петрович пригласит...

... Для связи с «Валгаллой» имелась фиксированная частота, так что найти Воронцова не составило труда. Вновь увидев пароход и ставший привычным пейзаж, Секонд испытал чувство, похожее на умиротворение. Вот то место, где нет «ни скорбей, ни воздыханий». А то за истекшие сутки нервотрёпки было многовато. Он сам себе удив-

★

лялся — казалось бы, ничего особенного не случилось, и не такое приходилось видеть, а вот поди ж ты. Вадим ещё не догадывался, что таким образом он ощутил «давление времени». Предупреждал ведь Шульгин — походы именно для него из химеры в реальность могут закончиться плохо. Точнее — неизвестно как и чем. Вплоть до развоплощения.

Об отдалённых последствиях судить пока рано, сейчас воздействие проявилось в депрессии, сильной усталости и словно бы потере части собственной личности. Причём — лучшей части. Словно бы она вся перешла к Фёсту, а сам Секонд превратился в его бледную проекцию... Не зря ведь, когда просветление моментами находило, мелькала мысль: «Да что же это со мной? Лимон выжатый — и тот себя лучше должен ощущать...».

«Так это же оно самое и есть, — подумал Ляхов, переходя на палубу парохода. — Пробудь я там ещё несколько суток, вообще истаял бы, как снеговик на солнце. — Представил себе подобную картину, передёрнул плечами. — Нет уж, я туда больше не ходок. Старших надо слушать».

А вот Фёст был по-прежнему бодр и подтянут, словно на самом деле позаимствовал у своего аналога часть жизненной энергии.

Дмитрий Сергеевич принял гостей с обычным радушием. Здесь у него, после ухода Ляхова с девушками, прошло всего около недели, и новостей от «братьев с сёстрами» не было. Они продолжали свои исследования вновь открытой цивилизации дуггуров и на связь выходили всего один раз.

Ляховых, с их сегодняшними заботами, события фактически столетней, с их точки зрения, дав-

ности интересовали мало. «Довлеет дневи злоба его».

Зато рассказ о проекте Фёста Воронцова позабавил. Родное ведь для него время, пусть и не удосужился он ни разу за шесть биологических и неизвестно сколько физических посетить собственное «будущее». Новиков с Шульгиным ходили, а его не привлекло. Даже, по некоторым мельком сказанным словам, не очень, кажется, верил в его подлинность. Ровно в той же мере, как в тысяча девятьсот сорок первый год, где повоевал, ни разу не усомнившись в подлинности пуль и снарядов, что летали мимо и рвались вокруг.

В ответ на недоумённый вопрос Секонда, как возможен такой интеллектуальный дуализм, предложил перечитать главу шестую «Суммы технологии»¹ Лема. Фёст, кстати, читал её ещё в студенчестве, а в параллели книга так и не была написана, хотя несколько других пан Станислав всё-таки сочинил. Историческая и материально-техническая стабильность не весьма способствует развитию футурологического стиля мышления.

Узнав о появлении обоих Ляховых, в салон пришла Наталья Андреевна, от всей души заинтересованная в судьбах своих воспитанниц.

Секонд тут же доложил, что Фёст собирается сделать предложение Людмиле, а Настя уже нашла себе суженого в его реальности.

— Рада за девочек. Люда, имей в виду, — это она уже к Фёсту обратилась, — самая из них нежная. Не очень хорошо, что ей *наш* мир достался. Лучше бы наоборот. Анастасия покрепче...

¹ Глава шестая называется «Фантоматология».

— Наталья Андреевна, — при разнице в возрасте всего в семь лет ни он, ни Секонд говорить ей «ты» не научились, — зачем о грустном? Один наш популярный певец предлагает: «Не будем прогибаться под изменчивый мир. Пусть лучше он прогнётся под нас». Я Люду никогда не обижу, всем остальным шести миллиардам населения Земли этого делать тем более не стоит. При всей её нежности. Вы вон тоже в моём мире тридцать лет прожили, и ничего. Мне тогда восемь лет было, когда вы ушли, но я восемьдесят четвёртый хорошо помню. Следующие двадцать — тем более. Вы не пропали, уж как-нибудь и мы не пропадём, особенно с вашей помощью.

Фёст говорил со всей возможной деликатностью, но Наталья остро почувствовала в его словах и ревность по поводу того, что не он, а Секонд провёл здесь с девушками очень много дней в тесном общении, и обиду на то, что она как бы выразила недовольство тем, что Вяземская выбрала его, невзирая на *естественную логику*.

Гораздо отчётливее то же самое почувствовал Воронцов. Редкий случай, когда его умная жена допустила «гаф»¹.

Однако русский офицер, тем более — военврач и психолог, Вадим Ляхов очень аккуратно вышел из *ситуации*.

С улыбкой принял поданную стюардом, по жесту адмирала, чернёную серебряную чарку, приложился к ручке адмиральши. Сказал любимый отцом тост: «Побудем, пожелаем».

Секонд произвольно дёрнулся. «Опять всё

¹ На языке кают-компаний — бестактность.

тот же сон!» То есть слова его отца, использованные, как свои, совсем другим человеком.

Наталья Андреевна выпила своё шампанское, Воронцов и Секонд то, что и Фёст. Пятидесятилетний (если он вообще бывает) коньяк.

— Да, кстати, — по неистребимой привычке немедленно взяв сигарету, но пока её не прикуривая, сказал Ляхов-первый. — По этому поводу мы и пришли. Разрешите, ваше превосходительство, приступить к теме?

— Кто же тебе, такому, может не разрешить? — улыбнулся Воронцов.

— Если вас не затруднит и аппаратура позволит, не могли бы вы связать нас с леди Спенсер? Кажется, в том положении, в какое мы попали, или — *влезли*, что тоже правильно, только она сможет нам помочь. Хотя бы советом...

— Советом — наверняка, — кивнул Дмитрий Сергеевич. — Ты, наверное, помнишь этот анекдот: «У нас ведь страна Советов, а не страна баранов...»¹

— Как же, непременно...

Наталья тоже засмеялась, а Секонд снова ничего не понял.

— Я — не могу? — совершенно серьёзно спросил Воронцов.

— Насчёт переброски в Москву очередной ударной дивизии — не сомневаюсь. Но здесь вопрос несколько тоньше...

¹ «В Дагестане или в Карачаево-Черкесии Саид приходит к Ахмету: «У меня завтра свадьба сына, не можешь ли ты одолжить барана? Ахмет отказывает, но даёт совет — пойди к Рамазану. И так далее. На пятом круге Саид взрывается. «Да где же мне взять барана?» На что ему спокойно отвечают — см. выше.

— Хорошо, прямо сейчас и займёмся.

Воронцов через вестового вызвал андроида — инженера, допущенного к самостоятельной работе на СПВ. Обычный на вид капитан-лейтенант в синей рабочей форме внимательно выслушал задание: разыскать по имеющимся в аппарате настройкам в Лондоне тысяча восемьсот девяносто девятого года госпожу Сильвию Спенсер. Не ошибившись и не соединившись с подобной личностью в любом другом году двадцатого века. Их там может оказаться около трёх. А возможно, и больше.

— Попросил бы пройти, господин адмирал, в нижний центральный пост, вне его такой контакт недопустим... — сказал робот. — При этом необходимо отключить уже действующий канал с две тысячи таким-то годом. И ему синфазным. Три межвременные связи сразу — мощный парадокс.

Фёст ощутил беспокойство. Прерывать канал со своей Москвой, где сейчас отдыхают девушки и где у него столько недоделанного, — просто невымыслимо. Кто знает, куда войдёшь следующий раз? Туда, где жизнь идёт заведённым чередом? «Отец пасёт крысиные стада, мать, как всегда, безмятежно несёт яйца. Дубы-гиганты по-прежнему перекочёвывают на юг...»¹

— Не возражаю. Пойдём, — приняв решение, сказал он, вставая. — Но ты, брат, ступай домой. По ту сторону экрана. Если что не сойдётся — вернётесь в твоё время. У вас там всё устроено, и Государь своими милостями не оставит. Постарай-

¹ См. роман Р. Шекли «Обмен разумов».

ся, чтобы Люда не подумала, что я её бросил. Жив буду — вернусь...

— Ты что-то в минор впал, — сказал Воронцов сочувственно.

— Не вам бы спрашивать, Дмитрий Сергеевич, — ответил Фёст не то чтобы резко, но убедительно, с большой долей печали в голосе. — Вы куда с сухумского пляжа попали? А если бы вас девушка в Мурманске, или где там, до сих пор ждала?

Он заметил, что у Натальи Андреевны губы слегка дрогнули. Значит — представила, как оно в любой момент с каждым случиться может. С ней — хорошо случилось, а с другой на её месте?

... Робот-оператор нашёл Сильвию всего через пять минут поиска по волнам сразу нескольких мировых эфиров.

Леди Спенсер в викторианском платье с огромным декольте беседовала за чашкой пятичасового чая с довольно неприглядного вида старухой. Берестина поблизости видно не было.

Блок-универсал, он же портсигар, издал в дамской сумочке едва слышный даже самой хозяйке писк. На грани ультразвука.

— Извините, дорогая Аннабель, — со всей возможной любезностью сказала Сильвия. — Мне действительно нужно отлучиться. Через несколько минут я вернусь и мы продолжим. Я почти уверена, вашего племянника в Сандхёрст мы устроим...

Единственное близкое место, где можно было разговаривать по межвременной связи спокой-

но, — дамский туалет. В нём, как убедилась леди Спенсер, не было никого.

— Кому я потребовалась? — спросила Сильвия, глядя на кафельную стенку кабинки.

— Мне, — ответил Воронцов, предупредительно открывая «дверь» до самого пола. — Заходи...

— Алексею сообщить не надо? — приподняла Сильвия бровь. — Он сейчас наверху, за бриджем.

— Не вижу необходимости. Пока роббер¹ доиграют, успеешь вернуться.

— Ну, хорошо, — приподняв подол муарово переливающегося платья, она шагнула в проём. — Рада вас видеть, господа. Вы — Секонд или Фёст? — спросила она Ляхова. — Подождите, не отвечайте, сама догадаюсь... — Сделала вид, что задумалась. — Да, разумеется, Фёст. Невозможно ошибиться. Как у вас там дела?

— Спасибо, леди. Дела у прокурора, у нас так, делишки... О них и хотелось бы потолковать...

Он с предельной лаконичностью изложил то, что случилось с курсантками Дайяны, от момента их гибели до сегодняшнего (если так можно выразиться о событиях, случившихся восьмьюдесятью годами позже) утра. И о том, какую именно личную игру он затеял в своём времени.

— Весьма, весьма интересно, — сказала Сильвия, выслушав. — Несмотря на все наши и ваши усилия, лавина парадоксов вот-вот готова сорваться со склона и покатиться вниз. Не слишком ли опрометчиво вы действуете? Кажется, роль охранителя реальности предполагает несколько более сдержанное поведение...

¹ Роббер — очередная партия в бридже.

— Прошу прощения, леди. Некоторое время назад я от своего *куратора* слышал прямо противоположное. Он считает, что Ловушку Сознания следует перегрузить выходящими за пределы её опыта впечатлениями, заставить вцепиться зубами в собственный хвост...

— Александр всю жизнь страдает привязанностью к извращённым логикам. — Сильвия несколько раз шлёпнула сложенным веером по затянутой в перчатку ладони. — Вы, разумеется, вольны прислушиваться к именно его умозаключениям, раз он ваш наставник и куратор. Только за помощью сейчас решили обратиться ко мне, не к нему...

Она повернулась к Воронцову.

— Что это твой стюард до сих пор не обслужил даму?

— Ах да! Прошу прощения, слишком быстрый темп набрала наша беседа. И зачем стюард? Всё на столе. Тебе шампанского, виски?

Леди Спенсер снисходительно улыбнулась.

— Мы с герцогиней уже начали вечер с розового джина. При дворе сейчас все подражают королеве, это самый популярный напиток...

— Будет исполнено. Вестовой — рысью! Джин, стакан, лёд.

— Итак, — спросила Сильвия Фёста, — какая же помощь вам от меня требуется? По-моему, спасённые девушки вполне прилично у вас адаптировались. И что я вообще могу предложить сверх того, что имеется в распоряжении Дмитрия?

— Видите ли, вы ведь единственный для них, по-настоящему *родной* человек на всей Земле...

— А Ирина? — тут же возразила леди Спенсер.

— С одной стороны — её здесь нет, а с другой... Она ведь не слишком далеко от них ушла... По статусу. Вы же — представитель «старшего комсостава», почти Дайяна. С прерогативами и опытом...

— Интересно. Дальше...

— Потому я и хотел просить вас — побеседовать с каждой. С позиции одновременно и высокопоставленной аггрианки, и члена «Братства». Выяснить, какие из латентных качеств и свойств, полезных в этой жизни, у них можно дополнительно активизировать. Ведь, как я понял, диплом они не защищали и выпускных экзаменов не было, следовательно... И, напротив, не стоит ли окончательно заблокировать те, что им здесь могут только помешать. В том числе — и в личной жизни. Две из них уже подумывают о замужестве, остальные — только мечтают... Так вот...

Ляхов сказал всё, что хотел, со всей прямоотой, потому что это его действительно волновало. Врачом со склонностью к психиатрии и психологии Вадим был не из последних. Сам президент с ним свободной дискуссии не выдержал.

Бог знает, какие на самом деле комплексы могут начать проявляться у великолепных по всем качествам девушек. Вадиму в институте, занимаясь в психиатрическом кружке, довелось столько всякого повидать... Надо быть очень уверенным в себе человеком, чтобы в восемнадцать поступить в медицинский, изучать и делать всё, что там положено, в двадцать четыре получить диплом, сохранив в себе и лучшие черты изначально заложенного характера, и романтическое отношение к жизни.

— Это я поняла, — сказала Сильвия. — Сделаю, что от меня зависит. Дальше...

— Дальше... В мастерской Лихарева на Столешниковом остался ваш Шар. Мы им пользоваться не умеем. Как следует. Девочки — тем более. Допуска у них к такому нет. Я знаю, что у вас есть уровни. Ирина Владимировна так и осталась на третьем. Лихарев как будто — на шаг возвысился. Вы — насколько я знаю, после Дайяны самая квалифицированная агентесса. Можете научить меня и девушек работать на вашем уровне?

Тон Ляхова не выражал просьбы. Чувствовался в нём и нажим, и вызов.

— О чём речь, Вадим? — спросила Сильвия. — Естественно, всё, о чём вы просите, я сделаю. Что такое Шар? Обычный инструмент. В моё время, чтобы получить право перейти на следующий уровень управления им, приходилось служить десяти лет. По понятным вам причинам. А технически... Я и вас за три дня обучу навыкам координатора... Моего уровня. Выше — извините, ключа не имею. Ясно?

— Вполне. И вашего уровня абсолютно достаточно для наших целей. Потребуется повыше — Дайяну попросим.

— Очень вы решительный молодой человек, — вздохнула Сильвия. — Правда, Дмитрий?

— Мы ведь сами предложили ему учиться плавать, — ответил Воронцов. — Теперь наблюдаем результаты...

— Вполне впечатляющие результаты. Так мы прямо сейчас пойдём? — Сильвия с некоторым сомнением осмотрела свой наряд. В Лондоне рубежа веков — прелестно. На палубе «Валгаллы» — тер-

пимо. В Москве второго десятилетия двадцать первого века — абсурдно.

— Хочешь — сначала ко мне, — сказала Наталья Андреевна, — найдём, во что приодеться.

Женщины ушли. Воронцов тут же разлил ещё по стопке.

— Как думаешь, не переигрываешь? — спросил Воронцов у «младшего брата», до сих пор не проявлявшего (по крайней мере, в его присутствии) признаков агрессивности.

— Вы думаете — я играю? — грустно спросил Ляхов. — Хотел бы. Беда в том, что положение у меня довольно дурацкое. Числюсь вроде бы за «Братством», а на самом деле — ни то ни сё... А это не по мне. У вас у всех хоть какие занятия есть, пусть и придуманные. Сами пьесу написали, роли распределили, для самих себя и играете. Где-то я подобную историю читал...

А я в вашу пьесу опоздал. Не нашлось у драматургов времени сообразить, для чего такой персонаж может пригодиться. Вот и приходится мне как бы *настоящей* жизнью жить. Представьте — вы с Антоном так и не встретились, но откуда-то узнали, что встреча такая должна была случиться, да Ловушка помешала. И всё, что потом произошло, — тоже знали бы. Хоть в виде воспоминания о несбывшемся, хоть — фантастического романа. Тоскливо, да? Сейчас там, у меня, вам бы под шестьдесят было. Пенсия скоро, Наталью Андреевну так и не нашли, «Валгаллу» только на картинке в альбоме увидели.

Что мне остаётся? Махнуть рукой и пользоваться предоставленными *от щедрот* благами жизни? Не мой стиль. Сопьюсь потихоньку, суч-

но и без эксцессов. Думал я, думал и решил сочинить собственный сценарий. По тем же правилам, но с поправкой на эпоху и психологию персонажей.

— А цель? — осведомился Воронцов, плеснул в чарки ещё понемногу. — Мотивы понятны, цель неясна.

— Да примерно та самая, что у вас была, когда вы в белый Крым направились. Убедиться: тварь я дрожащая или *право имею*... Если получится то, что задумал, очень многие проблемы «Братства», почти неразрешимые, исчезнут сами собой. Ко всеобщему удовольствию. Не выйдет — никто, кроме меня, ничем особенно не рискует. Я ведь единственный из всех вас *коренной* обитатель моей реальности. Очень возможно, такой же придуманной, как и все остальные. А единственная подлинная Главная Историческая Последовательность закончилась или в семьдесят шестом, когда Новиков с Ириной встретились и я, очень может быть, по этой самой причине *возник*... Или в семьдесят четвёртом, когда вы *ушли*.

Поэтому любые мои поступки никак не могут внести возмущения в Мировую Сеть. Они ничем не отличаются от поступков любого из миллиардов ныне живущих, то есть — имманентны этой самой реальности...

— Ишь, как закрутил. Ещё один философ. Дерзай, что тут другое скажешь? Я, если о чём и начал догадываться, оставляю свои озарения пока при себе. В процессе же воплощения очередной сверхценной идеи ты, ясное дело, решил взять на вооружение тактику не существующих в твоём мире аггров. Или и стратегию тоже?

— Со стратегией потом разберёмся, а с тактикой всё верно. Личной гвардией в количестве семи штыков я уже обзавёлся. Теперь к этим «штыкам» нужна ещё кое-какая амуниция. Работе с Шаром Сильвия обучить уже пообещала... Как вы считаете, — задал Ляхов с самого начала беспокоивший его вопрос, — никаких неожиданностей со стороны леди не последует?

— В смысле?

— Не решит ли она, пользуясь своими возможностями и моей темнотой, подкорректировать психику девчонок и в своих интересах тоже? Или даже — только в своих?

— В пределах своей компетенции скажу — нет. Я её за эти годы изучил достаточно. Ей это просто незачем. С «Братством» она себя связала осознанно и окончательно. Я, как ты знаешь, медиум так себе, на Держателя тем более не тяну, но Новиков, Шульгин, Удолин даже по отдельности любые отклонения сразу бы выявили. А им и втроём сразу приходилось на *очень высоких уровнях* её ауру изучать. Здесь можешь полностью Сильвии довериться.

— Спасибо, одним камнем меньше...

— Валяй дальше. Чего ты ещё, кроме этой *консультации*, от Сильвии хочешь? Она правильно заметила — сверх того, что уже попросил, все остальное и я могу предоставить. Или нет?

— Не знаю. Раньше эта тема не возникала. Я хотел спросить, есть ли хоть какая-то возможность снабдить моих валькирий положенным штатным снаряжением?

Воронцов посмотрел на Вадима с уважением.

— Интересная идея. Губа, то есть, не дура.

Только, боюсь, со всем комплектом ничего не выйдет. Гомеостаты, увы, на дубликаторе не размножаются. Пробовали, с самого начала пробовали. Получилось точно, как у Полесова с мотором¹. По сию пору пользуемся теми, что есть.

Гомеостат, естественно, интересовал Ляхова в первую очередь. Блок-универсалы тоже вещь в хозяйстве незаменимая, но — никакого сравнения. Полная опасностей жизнь «странствующего рыцаря», какую он себе определил, при гарантии личной безопасности и почти вечной молодости могла бы стать гораздо насыщеннее и эффективнее.

— Я не о дубликаторе, Дмитрий Сергеевич, — медленно сказал он. — Я о тех комплектах, что девушкам полагались в качестве «приданого» при выпуске. Они должны были где-то храниться, настроенные именно на них? Нам чужого не надо. Вот что я хотел у Сильвии выяснить...

— Не промах ты, парень, далеко не промах. — Даже Воронцова удивила самоочевидная простота решения. Интересно, что никому из них, в том числе и Ирине с Сильвией, такая идея в голову не пришла. А ведь, казалось бы...

Ещё во время самого первого рейда на агтрианскую базу можно ведь было, кроме взрыва информационной бомбы, предусмотреть и захват трофеев. Ладно, там было не до того, сами едва ноги унесли. Ну а потом? Кто мешал специальную операцию именно с этой целью прокрутить? Разве только опять Ловушка, каким-то способом не до-

¹ См. роман И. Ильфа, Е. Петрова «12 стульев».

пущавшая возникновения подобной *мыслеформы* в мозгах своих клиентов.

— Имеешь в виду организовать набег на базу Дайяны и изъять требуемое? Технически — выполнимо. Сам думаешь сходить или вместе с девочками?

— Сам. В крайнем случае — Лихарева привлечь...

Воронцов изобразил полное одобрение.

— Это — хорошо! И замотивировать акцию можно классно, и не своими руками «товар взять». Глядишь, в будущем вам с ней ещё контактировать, так незачем отношения портить...

Тут как раз вернулись Сильвия с Натальей. Леди Спенсер переоделась в джинсовый костюм, под курткой — пёстрая рубашка, на ногах кроссовки. Волосы собрала в «конский хвост». Всю косметику смыла. Этакая получилась молодая женщина неопределённого возраста и профессии. Не способная привлечь на улице ни малейшего внимания, разве что у слишком уж наблюдательного человека, и то, если дать ему время тщательно эту «прохожую» рассмотреть. А в потоке мелькнёт неразличимой тенью, и всё...

— Очень даже хорошо, — одобрил Вадим. — А то мой консьерж наверняка мыслями о моём нравственном облике озаботился. Теперь увидит, что я вашим воспитанницам действительно добрый дядя и ничего больше. Мы с вами выглядим подходящей парой...

Наталья засмеялась, а Сильвия бросила на Ляхова заинтересованный взгляд.

— Пожалуй. Ко двору ни меня, ни вас в таком виде точно бы не допустили.

... Фёсту и Секонду было очень интересно наблюдать, как девушки отреагировали на появление Сильвии. Нескольких слов было достаточно, чтобы они поняли, что за дама их навестила. И вот тут сразу выявились различия в реакции.

Анастасия и Людмила сразу, аккуратно, но твёрдо дали понять, что с прошлым, которое координаторша высокого уровня олицетворяет, они не желают иметь ничего общего. Кристина и Мария тоже старались подражать подругам, однако слишком часто поглядывали в сторону своих командиров, как бы за моральной поддержкой. Труднее всех пришлось Герте, Инге и Марине. В них инстинкт подчинённости старшим в своей иерархии выветриться не успел, несмотря на полгода предыдущей подготовки, совсем по другим канонам. Они очевидным образом нервничали, не совсем понимая, что будет дальше.

Сильвия так и сказала Фёсту, пригласив его на минутку в комнату напротив.

— Ты правильно сделал, что меня позвал. За свою девушку можешь не беспокоиться, за Анастасию тоже. С остальными мне придётся поработать. Импринтинг на Дайяну и таких, как я, у них пока сильнее привязанности к вам. Они держатся, но с трудом. Собака, отданная новому хозяину, всегда бросит его, если позовёт старый. Тем более, есть специальные формулы подчинения. Лихарев их *освободил слишком поверхностно*.

Я постараюсь всё это убраться. Наверное, весь день придётся потратить. Лучше, если вы с Секондом, Анастасией и Людмилой сходите погулять в город. Возвращайтесь к ночи.

— Экзорцизм? — почти шутливо спросил Вадим.

— Очень близко к истине, — не поддержала его интонацию Сильвия.

— Тогда я вас *очень* попрошу, постарайтесь, чтобы они остались просто обыкновенными девушками. Любящими подруг, уважающими старших товарищей, преданными присяге, которую они принесли своему Государю. И ничего больше. Мне не нужно, чтобы их *импринтинг* переключился на меня или Секонда. Ему и мне хватит своих, *единственных* женщин. Вам, наверное, не понять чувства мужчины, на которого смотрят влюблёнными глазами, а он испытывает одновременно жалость и вину за то, что не может ответить. Я совсем недавно понял, что *мы*, что бы на эту тему ни говорили, особенно последнее время, гораздо *моногамнее вас*, якобы «хранительниц очага».

— Молодец, Вадим. Вы мне очень понравились именно сейчас. Я сделаю так, как вы хотите. Однако признаюсь — если бы вы не сказали того, что сказали, вы сильно рисковали. Я, без всяких шуток, собиралась в очередной раз проверить свои чары. На вас, мой дорогой, на вас. Когда живёшь *слишком долго*, тянет на свежие ощущения...

Фёсту её слова тоже пришлось в настроение. Сразу по нескольким причинам.

— Не повезло нам с вами, леди Спенсер, — вздохнул он. — Всего бы на недельку раньше встретиться, и мы могли бы остаться довольными друг другом...

— Вот эта девчонка — и я ей проиграла?! И никаких колебаний? — Сильвия словно бы и шутила,

а где-то и нет. В чём в чём, а в женской психологии доктор Ляхов разбирался. Опыт имел большой, и профессиональный, и личный.

— Наверное, хватит колебаться. Тридцать лет за плечами. И прямо тут же и повезло. Спасибо Лихареву, Левашову, вам, Дайяне. Будто все дружно решили моим личным счастьем озаботиться. И снизошло озарение... Вы мне, миледи, что могли предложить, хоть год назад, хоть сегодня? Видел, знаю. С восемнадцати лет. А тут, как ни выпренне это звучит — любовь и дружба до гроба. Я ведь правильно вас понял: за другими мужиками через некоторое время моя Люда бегать не начнёт?

— В этом можете быть уверены беззаветно. Лишь бы вы не начали.

— Обстановка покажет, Сильвия... — ну всё время меня тянет назвать вас по отчеству, такая национальная привычка. А до сих пор его не знаю.

— И не надо. Не воображайте меня старше, чем я есть. Леди Си — вполне достаточно. Ну, идите. Для *первой* встречи с глазу на глаз мы сказали друг другу едва ли не больше, чем нужно.

В одиннадцатом часу вечера Ляховы с Анастасией и Людмилой вернулись. Фёст постарался показать им ту Москву, которой до сих пор можно было гордиться. Старые, не потерявшие былого очарования улочки и переулки, бульвары, где под навесами и зонтиками можно ощущать себя почти в Париже. Воробьёвы горы с видом на Москву-реку и ярко освещённый центр.

Хорошо нагулялись и ни разу не касались темы Сильвии и будущего, пусть и видно было, что деву-

шек не оставляют связанные с этим мысли. Людмилу меньше, ей хватало и того, что, приотстав от Секонда с Настей, она сжимала пальцы Ляхова и шла, погруженная в текущее мгновение.

На кухне, традиционно, пусть и хватало в квартире других комнат, сели втроём, оставив девушек заниматься своими делами. Фёсту было интересно, как после проведённых Сильвией процедур они себя поведут, оказавшись вместе. Но леди Си сказала, что сейчас их трогать не нужно. Пусть адаптируются.

— Сами не понимая к чему? — спросил Секонд.

— Именно. Из занятий со мной они ничего не запомнили. Кроме того, что очень приятно пообщались с твоей, Фёст, старинной подружкой. — При этом Сильвия мстительно улыбнулась.

Да, такая специалистка своего не упустит. Как-нибудь когда-нибудь у Людмилы прорежется зубочек ревности. От запавшего в память слова Инги или Марины.

— Но ты с этим справишься, — улыбнулась Сильвия, легко реконструировав промелькнувшую у Ляхова-первого мысль. — Вы бы знали, парни, — обратившись сразу к двум аналогам, сказала она, полностью попадая в образ вышесреднего класса московской женщины, не захотевшей возвращаться в гламурных тусовках, но сохранившей верность идеалам студенческой юности, Грушинских фестивалей и тому подобного. — Вы бы знали, как я смертельно устала. Та ещё работёнка. Поэтому не задавайте мне сегодня больше никаких вопросов. Налейте обычной водки, какой к чёрту

«розовый джин»! Помнится, где-то в одной из гостиных был обычный, древний магнитофон. Приноси его... — она задумалась, выбирая, — ну, ты. — Указала пальцем на Секонда. — И найди в тумбочке бобины. С подходящей настроению музыкой... Моей и, надеюсь, вашей.

На трёхсотпятидесятиметровых катушках магнитной ленты типа «десять» ничего другого, кроме бардовских песен шестидесятых годов и того же времени блюзов и джазовых композиций, Ляхов не нашёл. Имелись ещё виниловые пластинки, числом несколько сотен, но его ведь просили именно магнитофон.

— Настолько глубоко пришлось погружаться? — заботливо спросил Фёст. — Девчонки ведь рождения максимум условного конца восьмидесятых... Скорее даже начала девяностых.

— Само собой, — ответила Сильвия, подмигнув и подняв гранёную стопку. — Поэтому у них должны были быть любимые матери и отцы, воспитанные на Высоцком, Клячкине, Городницком, Хампердинке, Поле Мориа...

Секонд принёс и поставил на тумбочку магнитофон, ткнул пальцем в клавишу. И тут же на всю кухню разлился голос Сальваторе Адамо: «Томбе ля неже¹...».

— Одного я не пойму, леди Спенсер, вы ведь, насколько мне известно, всю жизнь по Западу специализировались. Откуда вдруг такое проникновение в психологию наших «шестидесятни-

¹ «Падает снег», чрезвычайно популярная в СССР 60-х годов песня.

ков»? — спросил Фёст, сам сын родителей этой страты. Секунду подобные ностальгические рефлексии были абсолютно чужды. Понимал, о чём речь, поскольку посмотрел десяток кинофильмов того времени, ничего в них по-настоящему не поняв. Что ему, к примеру, «Июльский дождь» или «Улица Ньютона, дом один»?

— Ограниченно мыслите, молодой человек, — ответила Сильвия. — По должности мне приходилось контролировать деятельность координаторов практически всего Северного полушария. С дореволюционной российской и советской действительностью была неплохо знакома. Врангеля лечила от посттифозного миокардита, с Савинковым, всем известным, дружила. Одна из героинь фильма «Операция «Трест» — тоже я. Поэтому — не удивляйтесь больше. Скажите лучше — что дальше? Мне не терпится вернуться в «прекрасную викторианскую эпоху». Помогу, если сумею — и обратно. Не хотите себя там попробовать? Моему Алексею одному скучновато, вы смогли бы составить ему подходящую компанию, особенно после того, как повоевали вместе. Людмилу, само собой, тоже возьмите.

— Спасибо за приглашение, леди Си. Мы к нему, при случае, непременно вернёмся. Но сейчас у меня к вам другая просьба...

... — Да почему и нет? — с непривычным обоим Ляховым бесшабашным весельем ответила Сильвия. Неужели так на неё подействовала обстановка «интеллигентской кухни», почти советская на

вкус водка и совершенно советская музыка? Или не столь уж «прекрасна» викторианская эпоха?

(Времена детства и юности могут казаться субъективно прекрасными, но вот вернуться в на постоянное жительство в конец сороковых — начало пятидесятых годов лично я не захотел бы.)

— Давайте попробуем! У меня с Дайяной давние счёты. Вот прямо сейчас! — Леди Си вытащила из нагрудного кармана куртки свой золотой портсигар, с гораздо более сложной, чем у Ирины Новиковой, как только что сейчас заметил Фёст, инкрустацией рубинами и бриллиантами на рифлёной крышке.

Улыбалась она и подначивающе, и успокаивающе одновременно.

«Что-то такое интересное затевается, — подумал Фёст. — Моя идея — это одно. Реакция на неё Сильвии — другое. Мнение Воронцова — третье. Что выберем?»

— Только не напоминай мне сентенцию из твоего любимого Михайлова: «Если не знаешь, что делать, в любом случае делай шаг вперёд», — вслух ответил на его мысль Секонд. — Штурмана в тумане стопорят ход, и сапёры не шагают на непроверенное поле без миноискателя...

— Ловушка ждёт стандартных реакций. Леди Си нас явно провоцирует. — В очередной раз Фёст с сигаретой подошёл к окну. Дождь монотонно колотил в стёкла. Значит, по ту сторону — другая Москва. В настоящей — ни тучки на небе не было.

Для него за эти сутки намечался уже второй рейд. Едва ли он будет легче первого, но усталости, что удивительно, он не испытывал ни малейшей. Только бодрящее возбуждение.

— Поэтому — пошли, — жёстко сказал он. — Прямо сейчас, с этого места. Никто и в туалет не выйдет. Знаем мы эти туалеты. Включайте, мадам...

ГЛАВА 23

— Так и сделаем, — согласилась леди Спенсер, — а в туалет и там можно сходить, это не вопрос.

Она произвела несколько манипуляций, стремительными, почти неуловимыми для взгляда движениями нажимая отточенным ногтем мизинца какие-то кнопки внутри своего портсигара.

— Поехали, как сказал Юрий Гагарин. — Сильвия развернула свой блок-универсал в сторону Ляховых, блеснула яркая вспышка.

«Везде разные эффекты», — подумал Секонд, растворяясь в нирване. Если бы он из неё не вышел секундой позже, наверняка бы ничего не потерял. Поскольку некому и не о чем было бы сожалеть.

А раз вышел — как бы ничего и не изменилось в его самосознании. Окружающий пейзаж — да, он изменился сильно. Шумящие под ветром кроны исполинских сосен, высокая жёсткая трава под ногами. Темнота. Несколько звёзд в просвете ветвей. Довольно прохладно.

— Мы теперь где? — спросил он.

— По-нашему — на Валгалле, по их — на Таорэре, — ответил Фёст.

— Как ты быстро ориентируешься, — не то с уважением, не то с насмешкой сказала Сильвия.

— На всех зачётах командирской учёбы — топография всегда «отлично», — ответил Фёст. — Что неизменно вызывало тупое недоумение проверяющих. Не встречал ни одного человека, отчётливо понимающего, что врачи — отнюдь не чеховские «Ионычи». Тем более — военные. Как будто карта-километровка и компас в их понимании несравненно более сложные предметы, чем «Атлас Синельникова» и хирургический набор «Б-1».

— Тогда — начинаем движение, — предложила агтрианка. Оружия ни у Фёста, ни у Секонда не было никакого, даже пистолетов. От этого они чувствовали себя неуютно, на чужой планете, в полусотне парсеков от Земли.

Идти пришлось не очень далеко, меньше километра.

Остановились перед оградой, за которой в долине виднелись несколько домов. Один — освещённый электричеством или чем-то подобным, остальные — тёмные.

«На Теберду похоже, — подумал Фёст, — даже речка вдалеке шумит».

— Сейчас я попробую нейтрализовать охранную сигнализацию, — сказала Сильвия. — Если ничего не изменилось, мы пройдем спокойно.

— А если? — спросил Фёст.

— Тогда вы будете стоять за моей спиной и молча наблюдать за происходящим...

— Понятно, — ответил Секонд, чувствуя, что попал в ситуацию, где от него ничего не зависит. Фёст перемолчал.

Дайяна, видимо, не сочла нужным перена-

страивать системы Базы. Аггры вообще отличались непостижимым, с точки зрения землян, технологическим консерватизмом. Если что-то работает десять тысяч лет с предполагаемым эффектом, так и пусть работает. Как колесо, например.

Сильвия провела своих напарников по нескольким дорожкам, обходящим постройку посёлка извне. Её блок-универсал по мощности превосходил любой из тех, что могли здесь оказаться. Кроме принадлежащего самой Дайяне. Но он наверняка был выключен, иначе тревога поднялась бы сразу, при пересечении первого рубежа.

— Вот мы и у цели, — сказала Сильвия, открывая дверь в цоколе здания, похожего на противотомный бункер.

Фёсту было очень неприятно. Непрерывно его царапало, и снаружи и изнутри. То ли подобие чужого взгляда в спину, то ли пробегающие по нервам искровые разряды.

Люминесцентные лампы освещали длинный коридор непривычной взгляду землянина конструкции, а главное — пространственной метрики. Не квадратный, не цилиндрический, а словно бы овальный, но с беспорядочно меняющейся кривизной, да вдобавок несколько скрученный по оси. Вестибулярный аппарат сразу запротестовал, словно в «комнате смеха» с раскачивающимися кривыми зеркалами. Слегка пружинящий под ногами пол. Россыпи огоньков следящих устройств (видимо) по складкам стен, послушно гаснущих под лучом портсигара Сильвии. И совершенно нечеловеческая тишина. Здесь поглощалось всё — звуки шагов и даже дыхания.

— Залезли хрен знает куда, — едва слышно прошептал Секонд в ухо аналогу.

— Ничего, прорвёмся...

В известном ей месте Сильвия остановилась, направила плоскость блок-универсала на изгиб трубы. Снова чёрная вспышка и мгновенный приступ дурноты у людей. Раздвинулась ирисовая диафрагма, открывая проход в просторное помещение.

— Получилось, — с оттенком торжества в голосе сказала агтрианка. — Вот оно, перед вами...

Теперь они оказались словно бы внутри гигантского улья.

В сотнях шестигранных ячеек, от пола до потолка всех пяти стен комнаты, лежали жемчужно-серые футляры, похожие на сплюснутые куриные яйца. С полметра длиной. На верхней поверхности каждого светился зеленоватый экран с непонятными знаками.

— Быстро, — свистящим шёпотом сказала Сильвия. — Забирайте. Вот эти, — она провела рукой вдоль ряда на уровне пояса, — семь штук. Наши...

— Куда? — почти выкрикнул Секонд. — Даже рюкзака не догадались взять!

— Да хоть в рубашку, — досадливо ответил Фёст. — Снимай, рукава завязывай...

Сильвия сделала успокаивающий жест, снова подняла портсигар.

Посреди комнаты открылся проём в московскую квартиру, точно в точку отправления.

— Бросайте туда. Не бойтесь, не разобьются...

— Так, может, ещё штук пять лишних прихва-

тить? — спросил Фёст, поднимая первый контейнер. Не тяжёлый, килограмм пять или шесть.

— Взять можно, только не отсюда, с самой нижней...

Сильвия не успела закончить, у неё за спиной как бы из ничего появилась Дайяна с таким же блок-универсалом в руке.

— Какая неожиданная встреча, — язвительно сказала хозяйка Базы. — Что вам здесь потребовалось? Даже невежливо — стоило бы вначале ко мне заглянуть, объясниться... Не чужие люди.

Она взглянула на маркировку футляра в руках Секонда.

— Ах, вот как! Очень интересно. Они опять живы? Неужели ваш Левашов ухитрился ещё одну петлю создать? Не думала, что такое возможно. Или...

— Скорее — «или», Дайяна. Петля из реала в реал — я тоже не могу это представить... — ответила Сильвия.

— Пожалуй, — кивнула Дайяна. — Твои друзья оказались здесь позже их безусловной гибели. И горевали вполне искренне. Ирина проявила сочувствие, сказала Новикову, что любую из «заготовок» можно переоформить так, что он никогда не заметит разницы...

— Вот как? Ирина предложила ему *восстановить* собственную соперницу? Они что, решили перейти к многожёнству? — Сильвия была совершенно искренне удивлена, и это лишний раз убедило Дайяну, что она говорит правду и в остальном.

— Не совсем так. Он подал это несколько ина-

че. Мол, девушка помогла ему оправиться после психического удара «дуггуров», а он в благодарность пообещал стать ей добрым дядюшкой-покровителем в будущей земной жизни...

— Очень похоже на Андрея. Ирина должна была ему поверить.

— Тем более, он почти не солгал. Его действительно тяжелейшим образом контузило. Увидев Новикова снова, я, признаться, удивилась, что он вообще выжил...

Пока дамы разговаривали, Ляховы в четыре руки перекидали прямо на пол своей кухни и семь намеченных контейнеров, и пять лишних.

Потом стали так, чтобы в глаза хозяйке не бросились опустошённые ячейки из нижнего ряда.

— Таким образом, — вернулась к причине своего здесь появления Сильвия, — семерых девушек больше нет, их комплекты никому не нужны, тебе и оставшиеся девать некуда, а мы найдём им применение. Знаешь, если верна прямая теорема, верна и обратная. У меня хватит подготовки, чтобы сделать из обычных людей то, что ты так долго делала из нас...

— И к чему всё это? Только попроси, я отдам тебе столько курсанток, сколько скажешь. Сама ведь знаешь. Мы, кажется, обо всём договорились...

Заметила недоумение на лице Сильвии, которое та не сумела скрыть.

— Понятно. Очередное пересечение. С твоими друзьями я уже успела несколько раз встретиться, ты с ними — ещё нет. Из какого же ты года, милочка?

— Из восьмьсот девяносто девятого через тридцать восьмой, — ответила леди Си, уверенная, что с названными датами она не промахнётся. Всё, что касалось её *воплощения* там, она знала доподлинно. А Дайяна успела запутаться в нескольких реинкарнациях своей некогда ближайшей помощницы. С последней *настоящей* она как раз встречалась в тридцать восьмом, но через восемьдесят четвёртый. А потом сама *потеряла нить* и даже часть памяти. Касающуюся как раз событий, непосредственно примыкающих к моменту взрыва информационной бомбы.

Отчего и не сообразила, та ли Сильвия перед ней, что попадала на Таорэру из две тысячи шестого, или другая.

— Пусть так. И эти молодые люди — оттуда же? Решила восстанавливать структуры? Для себя? Будь по-твоему, меня это совсем не касается. Я твоим друзьям сказала — ничего, кроме личной жизни в ненужной им реальности, меня больше не интересует. Как считаешь, стоит прямо сегодня деактивировать всё оставшееся оборудование? И на Главной базе, и здесь. Снимутся все проблемы. Когда я вернусь на Землю в подходящее для меня время и место, спокойнее будет жить, зная, что в ничьи руки оно больше не попадёт.

— Не верю, — сказала Сильвия. — Мы с тобой не из тех, что способны на *окончательные* поступки. Всего пять лет назад я тоже решила жить сама по себе, не участвуя ни в наших, ни в человеческих играх. А сейчас вдруг пришлось передумать. Откуда ты знаешь, что случится лет через пятьдесят?

Мосты за собой сжигают только идиоты или параноики.

— Возможно, ты и права. Я подумаю. Ты взяла всё, что собиралась? Ни о чём больше не хочешь спросить? Тогда расстанемся. Но всё-таки... — Её лицо выразило сомнение. — Откуда ты можешь знать о гибели именно этих семи номеров? Если вы не встречались...

— Кто сказал, что не встречались? В Кейптауне, в девяносто девятом Лариса сказала Берестину о гибели Лихарева и девушек, трое из которых успели *подружиться* с Новиковым, Левашовым и Шульгиным. С Валентином все мы были знакомы очень хорошо... Лариса ещё сказала, что о смерти одной из «номеров» Андрей очень горевал. По не слишком понятным мне причинам. Теперь ты объяснила. Она же, ничего не имея в виду, просто по привычке хвастаться своей памятью и эрудицией, назвала и номера, и имена. Со слов скорее Левашова, чем Новикова. Вот тут я и подумала...

— В принципе — правильно подумала, — почти равнодушно ответила Дайяна. Сильвия сумела окончательно развеять её подозрения. — Только не забывай — с твоим *уровнем* из *взрослых* землян ничего близкого и к третьему классу подготовить не удастся. Да и мне — едва ли.

— Кажется, *некоторые взрослые* земляне и без предварительной стажировки от нас с тобой кое-чего добились, — рассчитываясь за прошлые обиды, особенно за последнее пережитое по вине Дайяны унижение¹, небрежно ответила Силь-

¹ См. роман «Хлопок одной ладонью», т. 2.

вия. — Как, на твой взгляд, из этих молодых людей выйдет что-нибудь приличное?

Дайяна лишь на секунду повернулась к Ляховым лицом.

Когда-то она при первой же встрече сумела определить потенциальные способности Новикова и Берестина, да и то сильно их недооценила.

— Кое-что — безусловно может. Иначе ты не стала бы ими заниматься. Действуй, ты в своём праве. Не забывай только, что и Шары, и блок-универсалы не под них настроены. Вреда может случиться намного больше, чем пользы...

— Ничего. Все лишние функции заблокировать в моих силах. В любом случае эти юноши с аппаратурой будут мне куда полезнее, чем без неё...

— Тогда — до свидания, — сказала Дайяна. — Рада буду встретить тебя в *нерабочей* обстановке.

— Лариса говорила, будто ты собираешься обосноваться в её Кисловодске.

— Подумываю об этом. Но сначала нужно окончательно понять, кто такие «дуггуры», и разобратся с ними. Иначе никакой спокойной жизни не получится. Ни у меня, ни у твоих друзей.

Сильвия со своими паладинами¹ ушла по третьему из возможных каналов связи то ли с далёкой, то ли составляющей с Землёй одно целое планетой. Нет, не одно, понятное дело, даже планетография у них была совершенно разная. А вот идея «гантели», двух шариков на одной ручке, бесконечной и одновременно нулевой протяжённости,

¹ «Паладин» в Средневековье — верный рыцарь, беззаветно преданный сюзерену или «прекрасной даме».

многим казалась убедительной. Прежде всего — некроманту Удолину.

Снова они втроём оказались на кухне. Не той, конечно, положенной простому советскому интеллигенту, в окраинной «хрущёвке» — шести-метровой, в Черёмушках на юго-западе. В девятнадцатом веке эти самые «кухни», ставшие чуть ли не символом «интеллектуального сопротивления» полувеком позже, строились метров по двадцать, заведомо предполагая их прямое назначение. А трепаться и проклинать власть вполне можно было и в гостиных. Как, например, в квартире скромного инженера Телегина¹ собиралось по полсотни футуристов.

Каждый молод, молод, молод,
В животе чертовский голод!
Будем лопать пустоту!

Икра, водка, колбаса и прочее в разгар Мировой войны в разряд «пустоты» попадали без всяких внутренних сомнений. Через восемьдесят лет ситуация в России вернулась на круги своя. Действующую власть по-прежнему проклинали, пусть не за отсутствие в достаточном количестве колбасы «по два двадцать», приличного пива и радиоглушилки², теперь — чисто экзистенциально. За сам факт существования и за собственную неспособ-

¹ См. роман А. Толстого «Хождение по мукам».

² До 1987 года в СССР любые западные радиопередачи, в том числе и музыкальные, круглосуточно забивались специальными станциями помех. Их огромные антенны можно было видеть «от Владивостока до Бреста».

ность дарованными свыше свободами разумно распорядиться.

— Напугались, ребята? — простецки спросила Сильвия, положив локти на край дубового стола, за которым даже в нераздвинутом виде могло свободно разместиться десять человек.

— Офицерам пугаться не положено, — ответил Секонд, на самом деле испытывающий огромное облегчение от того, что весьма сомнительный по последствиям инцидент закончился вполне благополучно.

— Так-то оно так. — Сильвия показала на пустующие стопки, разминая сигарету абсолютно русским манером. В Европе такая привычка отсутствует. — Но я, признаюсь, слегка испугалась. Видимо, Дайяна действительно перевоспиталась. Мы ведь были в полной её власти. Стоило ей захотеть — от нас бы не осталось ничего, кроме лёгкого мезонного облачка. И никаких претензий, поскольку никто не знал, куда мы пошли...

— Воронцов знал, — возразил Фёст.

— Он знал, да и то не точно, о твоих намерениях. Допустим, совместными усилиями «Братства» удалось бы восстановить примерную картину. И что толку? В любом случае — нам с вами легче бы не стало. Трюк с девушками неповторим...

— Эрго бибамус, — хором сказали доктора — знатоки латыни.

— Лучше объясните нам, Си, — предложил Фёст, — что она подразумевала, говоря, будто от пользования этими штуками вреда может быть больше, чем пользы? — указал на принесенный им из гостиной один из контейнеров.

— Совершенно правильно говорила. — Сильвия коснулась пальцами двух почти незаметных сенсорных полей рядом со светящейся табличкой, обозначавшей, что предназначен он для номера 291, то есть Кристины Воынской.

— Вот — стандартный комплект снаряжения координатора, направляемого к месту службы. Шар, гомеостат, блок-универсал... — Ещё четыре футляра, отливающих синевой ружейной стали, она отложила в сторону. — Это дополнительные устройства, сейчас значения не имеющие.

— Каждый предмет в наборе изначально настроен на конкретную хозяйку. Ритмы мозга, общая аура, биохимия и так далее. Если показатели «пользователя» не совпадают, прибор блокируется...

— А как же? — удивился Фёст. — Он знал, что и «портсигарами», и гомеостатом умел пользоваться любой «старший брат». Самому не приходилось, зато с Шаром управлялся довольно уверенно.

— В том и хитрость. Я и Ирина умеем перевести ряд функций в общедоступные. Но далеко не все. И гомеостат для вас будет служить только «походной аптечкой», способной спасти жизнь в почти любой ситуации, а для «хозяйки» он — куда большее. Следующий раз расскажу подробнее. То же самое Шар. Представьте всеволновой приёмопередатчик, где вам доступны две-три частоты. Или «вавилонскую библиотеку» с запертыми шкафами.

— Жаль, конечно, — согласился Секонд, — а в чём опасность?

— Всего лишь в том, что с помощью Шара и блок-универсала безответственная или неуравновешенная личность вполне способна устроить на Земле полноценный Армагеддон. Например — взорвать атомную станцию или подводную лодку с полным боезапасом баллистических ракет...

— Кажется, — спросил Фёст, — ни один из членов «Братства» ничего подобного до сих пор не совершил?

— В том и суть. Осталось убедиться, что вы оба относитесь к тому же психотипу, — ответила Сильвия.

— Вы — в состоянии?

— Думаю — да. Но от такой ответственности — увольте. Пусть Воронцов решает. Единолично или с привлечением консилиума. Я и так взяла на себя слишком многое...

Видно было, что спорить с ней бесполезно. Да Ляховы и не собирались этого делать. Нарисованная перспектива выглядела слишком... неудобно. Вроде как носить в кармане гранату с вставленным запалом.

— Спасибо, леди Си, — сказал Фёст. — Действительно, пусть решает Воронцов. Вы и так сделали для нас слишком много.

— А как же девушки? — заинтересовался Секонд. — Им вы доверяете приборы с полным набором свойств и возможностей?

— Доверяю. В каждую из нас заведомо встроены *предохранители*. Именно поэтому я, например, Ирина, Лихарев, многие другие координаторы практически никогда не использовали свои *обширные* возможности для решения служебных, а

тем более — личных задач силовыми методами. Предпочитали действовать через добровольных помощников — людей. Воздействуя на них методами убеждения. В качестве оружия блок-универсалы применялись крайне редко и только для самозащиты.

— Кто-то, наверное, *убедил* Трумэна сбросить атомные бомбы на Японию, — задумчиво предположил Фёст.

— Очень возможно, хотя и не наверняка, — слегка улыбнулась Сильвия. — Глупости у многих людей и своей достаточно. Но если предположить, что альтернативой Хиросимы была Москва — что бы вы предпочли? Имея возможность выбирать.

— Взорвать «Малыша» и «Толстяка» ещё в процессе сборки, — быстро ответил Фёст.

— Хорошо соображаете, — похвалила Сильвия, опять указывая глазами на опустевшие стаканчики. — По последней, и пойдём отдыхать. День сегодня выдался тяжёлый даже для меня. Что касается подобной идеи — она рассматривалась. Серьёзные аналитики решили, что вариант плавного перетекания Второй мировой в Третью, если Сталин, зная, что у американцев бомбы нет, решит наступать до Атлантики — ничем не лучше. Жертв в последующие тридцать лет могло быть на порядки больше... Тем более, американцам, с их возможностями, собрать сразу десяток новых «Толстяков» труда бы не составило, но применили бы они их по самому центру России...

Фёст махнул рукой. Действительно, о чём спорить и, главное — с кем? Как ему было известно, в

те годы Сильвия работала на западной стороне, так что всё достаточно ясно.

— Встреча с президентом у тебя сегодня не намечается? — спросил Секонд, когда леди удалась в одну из дальних спален своей, пространственно и временно смежной с этой, квартиры.

— Сегодня — нет. В свете «вновь открывшихся обстоятельств» нужно крепко подумать. И манеру обращения изменить, и имидж, да вообще у меня появились несколько другие соображения. С нашими нынешними возможностями можно и по-другому... Давай лучше посмотрим, как на нас пресловутые гомеостаты подействуют. Выбери, — он указал на один из пяти «лишних» контейнеров.

— Думаю, никакой разницы, если мы генетически идентичны. — Секонд повторил жест Сильвии над сенсорами. Крышка послушно откинулась.

— Ну, если получится, — сказал Секонд, надевая на запястье браслет, — завтра проснёмся новыми людьми.

— Скорее — обновлёнными, — по привычке уточнил Фёст, делая то же самое.

Проснувшись, особой разницы в самочувствии они не ощутили, что и неудивительно. В тридцать лет что лечить совершенно здоровым парням? Немного лёгкости в теле прибавилось, исчезло чувство накопившейся за последнее время физической усталости. В общем, ничего особенно-

го — словно после трудового года беззаботно провели две недели на морском курорте.

Однако Сильвия наметанным глазом разницу уловила.

— Достаточно, мальчики. Попробовали — и хватит. Омолодитесь ещё на пару лет — вопросы у окружающих могут возникнуть. Надевайте, если действительно заболаете или перед опасной работой.

За общим завтраком, после того, как леди Спенсер, в завершение вчерашнего *кондиционирования*, выдала каждой девушке изначально положенный ей комплект и пообещала провести итоговый инструктаж вкупе с выпускным экзаменом, Фёст сменил тему.

— Не хотите ли вы вместо меня поговорить сегодня с президентом? На размышление он имел больше суток. Я — тоже. Если попробовать вот в таком плане... — за десять минут он успел изложить ей свои тезисы.

— Не возражаю, — лучезарно улыбнулась Сильвия. — С королевой Викторией находила общий язык, с королём Георгом. О Чемберлене, Ллойд-Джорже, Черчилле и вспоминать не буду. Это меня слегка развлечёт, пожалуй. Только вечера ждать не стоит. Застанем его в рабочей обстановке.

— Да неудобно вроде, — выразил сомнение Фёст. — У нас с ним как бы личные контакты.

— Всё нормально. Пора переходить на официальный уровень. Да и возможности ваши продемонстрировать. Вы даёте мне право на импровизации по ходу беседы?

— Не в нашем праве отказать, Си.

— Тогда мне нужно немного времени, чтобы привести себя в форму... а вы, молодёжь, — это она обратилась уже к девушкам, — отправляйтесь город изучать. По музеям походите, ещё куда-нибудь. Пора привыкать жить без нянек. Блок-универсалы у вас теперь имеются, так что опасаться вам нечего. Но в стайку всё равно не сбивайтесь, гуляйте по двое, по трое, в пределах видимости.

Валькирии охотно начали собираться. Сидеть в четырёх стенах и слушать неинтересные разговоры им основательно надоело. А прогулка в эту Москву сулила массу новых впечатлений.

Обоим Ляховым казалось непонятным, что там Сильвии «приводить в форму», она и так способна покорить любого мужчину на Земле, если не за счёт внешности, так опыта — точно.

Однако, увидев леди Спенсер после *подготовки*, дружно признали, что женские таланты безграничны.

Настроив на предельный уровень своей компетенции взятый наугад девчоночий Шар, вполне способный в заданном режиме заменить СПВ в пределах планеты, Сильвия дождалась момента, когда от президента вышел посетитель, а следующего в приёмной не было.

Полутораметровый экран телевизора, стоявший в кабинете больше для антуража, — смотреть его хозяину было некогда, а в основном и незачем, сам собой засветился.

Президент не очень удивился, третий раз — не первый. Но когда вместо прежнего «пирата» он

увидел изысканно-прекрасную женщину, мило ему улыбающуюся, ощутил сильный дискомфорт. Не совсем понимая его причину.

— Здравствуйте, — поздоровалась дама, в её мелодичном голосе ощущался неуловимый и непонятный акцент. — Не затрудняйте себя посторонними мыслями — отчего вдруг перед вами я, а не он. Темпора мутантур, эт нос мутамур ин иллис. Перевод нужен?

— Нет. Кое-что из латыни и я помню.

— Прелестно. Люблю эрудированных мужчин. Проще будет разговаривать. Вас наверняка нервировал мой предшественник. Ведь правда?

Президент непроизвольно кивнул.

— Мы тоже так подумали и решили временно отстранить его от переговоров. Он был излишне резок. — Сильвия снова улыбнулась, но так, чтобы стало понятно: резкость «Александра Александровича» ничуть не хуже её *очаровательности*.

— Себя — не назовёте?

— Сильвия. Меня зовут Сильвия. Вы поняли, что я имею в виду?

— Конечно. «Бонд. Меня зовут Джеймс Бонд». Отдаёт безвкусицей, вам не кажется?

— Отчего же? О «безвкусице» стоило бы говорить в случае вашего превосходства, в том числе и касательно «вкуса». Пока у нас другая ситуация. То, что вы подразумеваете под «вкусом», — наша прерогатива. Но, может быть, хватит пикироваться? Перейдём к сути?

— Попробуйте. Собираетесь поговорить о том, что случилось минувшей ночью?

— Об этом *вам* явно интереснее говорить, чем

мне. Или вам — об этом? — Сильвия умела играть словами, как немногие. Больше сотни лет, проведённых в кругах, где изящество риторики зачастую ценилось выше грубого смысла, сказывались. — Что же касается минувшей ночи — это как раз образец нашей новой тактики. Сначала мы сделали *ставку на случайности*. Вы ведь до сих пор думаете, что первые четыре смерти — следствие нашего злого умысла. Это хорошо. Так подумали вы, тут же и пресса поддержала, пресловутую «Чёрную метку» вспомнила...

— На самом деле — нет? — сохраняя выдержку, спросил президент.

— Конечно же! Обычный карточный фокус. Вы загадали бубновую даму, вам её из колоды и выбрасывают. В тот факт, что мы способны общаться с вами внепространственно, вы уже поверили. Теперь попробуйте поверить в возможность предвидения будущего, пусть в пределах всего нескольких суток. Вот и всё. Сначала наши специалисты, маги и некроманты, просчитали, кто из более-менее заметных личностей должен покинуть этот мир такого-то числа. Потом аналитики выбрали из *мартиролога* лично известных вам людей, с отчётливо криминальной биографией. Александр Александрович, ничего не говоря прямо, намекнул вам, всего лишь...

Она подождала реакции собеседника. Её не последовало. Умеет человек владеть собой, ничего не скажешь.

— Теперь — о вчерашней ночи. Я уверена — вам уже доложили, во всех подробностях, и сюжет, и фабулу, и внешне незначительные, но су-

щественные детали. В том числе и «послужные списки» пострадавших. Наверняка вы задумались — что связывает (связывало) столь разных по служебному положению и роду занятий людей. Каким образом и отчего на месте происшествия оказалось почти полсотни боевиков, в том числе и состоящих на действительной государственной службе, до зубов вооружённых, готовых и способных сражаться друг с другом буквально «до последнего патрона». Я права?

— Правы, — согласился президент. Обаяние Сильвии действовало на него даже через телеэкран. Примерно, как на генерала Врангеля, когда она устроила тому сеанс «восточной медицины»¹. — Я уже дал все необходимые поручения...

— Вот здесь мы и можем найти точку соприкосновения. Никто из нас не собирался учинять в стране кровавую вакханалию. Вы этого тоже не хотите...

— Да, уж я-то — меньше, чем кто-либо...

— Поэтому мы, всего-навсего, накануне сообщили погибшим во вчерашней разборке *абсолютно достоверную* информацию о том, кто кого, когда и как именно «кинул», кто перевёл на собственные счета половину «общака», кто из воров «стучит» в уголовку, кто — в МГБ. Наоборот — тоже. О вариантах намеченной «стрелки» и о том, что, вопреки договорённости, «кореша» едут в сопровождении своих лучших боевиков, и о том, что живым оттуда сможет уйти только один. Кто именно — вы догадываетесь...

¹ См. роман «Разведка боем».

Понятное дело — печальный исход был неизбежен, принимая во внимание психологию названной публики. Нас же можно обвинить только в *разглашении врачебной тайны*. Или, в самом худшем случае, в доведении до самоубийства... — Слова её прозвучали деликатно, безукоризненно серьезно, но с явной насмешкой, как принято было обмениваться колкостями в лондонском высшем свете рубежа позапрошлого и прошлого веков.

— Допустим. Но я так и не понимаю до конца — чего, даже принимая во внимание вышесказанное, вы хотите от меня? Обладая неограниченными возможностями — зачем вам вообще обращаться к моей скромной персоне?

— Вы просто *не хотите* понять, возможно, не отдавая себе отчёта. — Сильвия сделала капризно-расстроенное лицо. Будто не с президентом великой державы говорила, а просто с приятным мужчиной, плохо поддающимся её чарам. — Наша организация, я готова сказать, как она на самом деле называется: «Комитет по защите реальности» — ставит себе именно эту цель. Никакой другой, поверьте. Вам ведь уже демонстрировали — мы можем всё, но на это самое «всё» — не способны. Почти физически.

Только вообразите: через этот экран я могу вас застрелить, похитить, подменить неразличимым двойником. Одновременно мои соратники сделают то же самое со всеми главами великих и не очень держав. Завтра я выступлю на всех мировых каналах и объявлю себя «Царицей мира». И приведу неопровержимые доводы в пользу своей аб-

солютной безальтернативности на этом посту. Думаете — возникнут возражения?

— Скорее всего — нет, — немного подумав, согласился президент. — В предложенных обстоятельствах если возникнут, то немного. И вы их немедленно подавите...

— Какие-то меры принуждения использовать придётся, — чуть ли не в стиле Мерилин Монро улыбнулась Сильвия. — Но строго в пределах необходимой достаточности.

— Очень может быть, что на первых порах так и будет, — ответил президент, отводя глаза в сторону. Но что ему это признание стоило — отдельный вопрос.

— Слава богу, — облегчённо вздохнула леди Спенсер. — Прогресс наметился. Значит, следующий тезис тоже не должен вызвать возражений. Имея неограниченную возможность установить неограниченную власть, мы, тем не менее, хотим хоть в этот раз избежать потрясений. Пройти по лезвию бритвы, как определил Ефремов, Иван Антонович. Глубоко изучив «материалы дела», сочли, что вы на своём посту достаточно профессиональны, адекватны, отвечаете «народным чаяниям». То есть — и нашим тоже. Только мушкетёрской отваги и решимости немного не хватает. Ничего, оно, пожалуй, и к лучшему. Проще говоря, мы всесильно и всемерно поможем вам исполнить исторический долг перед Россией...

— Не слишком ли помпезно? — президенту приходилось говорить хоть что-то. Молчать — глупо. Возражать по сути — нечему.

— Ничуть. Исторический долг — категория

безусловная. Качество исполнения — особая статья. Хотите пример? Когда Сталин назначил Кагановича, с его двумя классами образования, наркомом путей сообщения, количество аварий и катастроф на транспорте за один год упало в сотни раз...

— Какой ценой?

— Этого вопроса я ждала, — без улыбки на этот раз кивнула Сильвия. — Сами себе и ответьте. Человек сто, от стрелочников до начальников дорог, пошло под расстрел. Тысяч пять получили лагерные сроки. Но железнодорожный транспорт начал работать почти без жертв в мирное время и обеспечил нигде в мире не виданную эффективность в военное. Что спасло миллионы жизней и, в итоге, обеспечило Победу. Сделайте за год в стране то, что Лазарь Моисеевич на вверенном ему участке... Разумеется — строжайшим образом соблюдая «социалистическую законность», в чём, как мы знаем, товарищ Каганович не был силён.

Президент снова не выдержал и достал из ящика стола сигареты.

— Тогда и я закурю, — сказала Сильвия. — Мне кажется, со мной у вас взаимопонимание достигается легче, чем с Александром Александровичем. Я поясню. Вы почти согласились, хотя бы внутренне, с нашей новой тактикой. То, что мы проделали вчера, — не вызвало у вас категорического неприятия. И это хорошо. Отныне все *заинтересованные* лица станут получать ежедневные сводки о происках своих конкурентов, личных врагов, с указанием финансовых проводок, крышевателей, инициаторов и покровителей рейдер-

ских захватов и тому подобного. Одним словом — читайте газеты. Ваша задача — обеспечить соблюдение законности, которой вы так привержены.

Скажем, завтра председатель Верховного суда получит документ с перечислением всех федеральных судей, в течение последнего года получивших взятки. От кого, по какому делу, сколько. Копии — Генеральной прокуратуре, МГБ, МВД, прессе, само собой. Послезавтра появится подобный же список по прокурорам, начальникам ГУВД... А сколько у вас появится добровольных помощников из частных *сыскарей*, ушедших на вольные хлеба от неприятия обстановки на казённой службе! Те же шестьдесят процентов от суммы вскрытых финансовых преступлений — Новый год мы с вами будем встречать в другой стране.

Вам бы следовало сегодня же издать «Именной указ», помимо всяких там парламентских процедур обязывающий каждую из правоохранительных структур немедленно возбуждать дела в отношении «коллег» по статьям «бездействие власти» и «соучастие», если возникнут попытки что-то «замазать» или кого-то «отмазать». Помните, у Солженицына: «Одной головы не досчитаешься — своей головой пополнишь»¹?

— К тому и пришли, — грустно сказал президент. — Тотальный террор...

— Если элементарное соблюдение даже действующего, весьма несовершенного уголовного кодекса для вас — тотальный террор, тогда я даже и не знаю, — развела руками Сильвия. — Тогда да-

¹ См. роман «Один день Ивана Денисовича».

вайте уж по-прибалтийски к этому вопросу подойдем. Каждый участник Отечественной войны должен быть судим по статье «убийство» за каждый прицельный выстрел по «гражданам страны с иной политической ориентацией», прибывшим на данную территорию в полном праве распространять своё понимание истины. «Врачи без границ», «Журналисты без границ», «Гомосексуалисты без границ» — кумиры нынешнего толерантного общества, получающие от *цивилизованного сообщества* миллионные гранты и миллионные же премии. Вы считаете, что к ним следует приравнять и отечественных «Воров без границ»?

— Не надо, не отвечайте, — резко взмахнула она рукой с зажатой в пальцах сигаретой, так что пепел полетел на ковёр президентского кабинета. — Себе ответите. Помните Пушкина:

Когда для смертного умолкнет шумный день
И на немые стогны града
Полупрозрачная наляжет ночи тень
И сон, дневных трудов награда,
В то время для меня влачатся в тишине
Часы томительного бденья...

В такой момент и ответите. Как же вы не поймёте — люди, которым совершенно ничего не нужно — ни деньги, ни власть, ни почитание толпы, стремятся сделать всё, что в их силах, для возрождения и процветания Родины. И видят в вас своего естественного союзника...

Пусть завтра одновременно арестуют сотню судей, две сотни прокуроров, дадут им на широко раньше использовавшихся «показательных процессах» по верхней планке, разве это террор?

В какой-то там Италии давно отменён принцип презумпции невиновности в отношении коррупционеров. Если ты за три года построил себе на Рублёвке виллу, ценой превышающую твой заработок за двести лет, — объясни, как? Не можешь — безусловная конфискация, потом суд и срок, если найдётся состав преступления. Вам никогда не попадались такие, к примеру, сведения? В Италии (просто я недавно оттуда, оттого и ссылаюсь) в прошлом году по коррупционным делам произведено конфискаций на четыре миллиарда евро. В России — на *шестьсот тысяч рублей*. Меньше зарплаты одного районного прокурора. Забавно?

— Не очень, — ответил президент. — Но если вы действительно готовы помочь ненасильственными методами, у нас есть точки соприкосновения.

— Вот и хорошо. Я вижу — наш разговор получился утомительным для обеих сторон. Но — продуктивным. Одним словом — мы обещаем вам полную гарантию личной безопасности и информационную поддержку любого полезного начинания. Телефон для связи у вас есть. Мы оставляем за собой право обращаться к вам по мере собственного усмотрения. Желаем успехов. Был такой немецкий поэт Генрих Гейне. Он писал: «Бей в барабан и не бойся».

— Подождите, — поднял руку президент, поняв, что эта странная женщина, красивее какой-нибудь Синди Кроуфорд с обложки рекламного проспекта, умнее Талейрана и разговорчивее Дизраэли, сейчас исчезнет. Унеся с собой не разгаданную им тайну. Ибо всё, что сказала она, — навер-

няка лишь часть правды, а может быть, не только правды, но и истины!

— Охотно, господин президент, я никуда не то-роплюсь. — Но вместо очередной улыбки она по-смотрела на него внимательно и словно бы даже строго. Как бы намекая: «Если ты до чего-нибудь дозрел, так и отношения наши переходят в другую плоскость...»

— Давайте встретимся немного по-другому. На должном уровне, как равноправные договаривающиеся стороны. Мне, признаться, эти фокусы с телевизором слегка надоели. Вы готовы войти в мой кабинет, здесь, или в иной резиденции, и провести нормальные переговоры? Я подготовлю свои предложения, вы — свои. С моей и вашей стороны будут присутствовать советники, специалисты, эксперты. Назовите как угодно. Допустим — через три дня...

— Мы — готовы, — опять улыбаясь, сказала Сильвия. — Только заранее хочу предупредить — никаких «спецмероприятий». Ни одного из наших представителей вы захватить или задержать не сможете, хоть всю Псковскую дивизию используйте. А меры нашей *самозащиты* могут оказаться... — Сильвия сделала вид, что подбирает наиболее удачное слово. — Да, вот так — могут оказаться слишком *адекватными*.

— Как вы можете подобное подумать? — возмущился президент, но леди Спенсер легко прочитала степень искренности его возмущения.

— Разумеется, если сам российский президент даст мне слово чести — ни о чём подобном я думать себе не позволю. И, в качестве благодарно-

сти, сделаю вам сюрприз. Значит, договорились? Через три дня в назначенном вами месте. Пусть ваш секретарь позвонит в десять утра. Если в мировом континууме ничего не случится — встреча состоится в полдень. То есть — в двенадцать часов по московскому времени, — сочла нужным уточнить Сильвия.

ГЛАВА 24

Сообщение о захвате подводной лодки с экипажем, краткое изложение полученных Летягиным данных о расположении пиратского гнезда было немедленно передано с борта «Эссена» в Москву. Императора разбудили в три часа утра, как только закончили дешифровку длинной телеграммы.

Олег Константинович, как был, в исподнем, дважды перечитал текст, сверяясь с поданными адъютантом картами.

— Вот тут мы их и ущучили, — с наслаждением, пробуя слово на вкус, сказал Император, — ущучили! Записывай, — приказал он, облачаясь в халат, подходя к выходящему в Александровский сад окну. Дёрнул створку. В комнату хлынул густой и влажный от недавнего ливня с грозой воздух. За Воробьёвыми горами продолжало погромыхивать. Отчётливо пахло озоном.

«Хорошо как, — подумал Олег. — А в Берендеевке! С утра туда и отъеду. Если войной руководить придётся — лучше места нет...»

— Записывай, — повторил он штабс-капитану. — Первое — поручика Летягина, за то-то и то-то, сам посмотри формулировки, удостоить зва-

ния «Герой России» с одновременным производством в чин капитана, выслугой с сего числа.

Император, подобно августейшим предкам Петру и Павлу Первым, считал, что забота о преданно служащих Престолу людях важнее всего остального. Как это писал в собственноручном Указе Пётр Алексеевич: «А ежели окажется в Нашей армии хоть один человек, награждённый всеми существующими наградами, немедленно следует учредить новую, дабы никого не лишать стимула к свершению подвигов и воинской доблести».

— Прочих воинских чинов, — незаметно для себя, под влиянием *высоких мыслей*, перешёл Олег на стиль восемнадцатого века, — в сём деле участвовавших, наградить, помимо артикула, знаками ордена Святого Георгия первой степени. Со всеми вытекающими правами и преимуществами.

— Так и писать, Ваше Величество? — осмелился переспросить адъютант.

— Что-то не нравится? — удивился Император.

Его приближённые знали, что задавать вопросы самодержцу можно и спорить, если обоснованно.

— Мне — нравится, — слегка улыбнулся штабс-капитан, — я бы всегда теперь так Указы и Рескрипты писал. Повелеть соизволите — лично редактировать буду, помимо Протокольного приказа. Убедительнее звучит.

Император рассмеялся, похлопал адъютанта по погону.

— На себя тоже представление напиши. Сколько в штабах ходишь?

— Два с половиной года, Ваше Величество!

— Хватит. Снимай звёздочки...¹

— Служу России, Ваше Величество! Но я — про кресты. Не положено первую степень давать раньше трёх предыдущих... Георгиевская дума возражать начнёт...

Император лично открыл настенный погребец красного дерева (иностранное слово «бар» он не любил), налил себе и новопроизведённому капитану.

— Давай про кресты. Не положено, говоришь? А мне, скажем, проще Георгиевскую думу распустить, чем заслуживших солдат без достойной награды оставить. Если она, Дума, вдруг не вспомнит такую статью: «Не всегда верному сыну Отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость постоянно блистать может, оттого следует наградить его немедленно, не держась Устава, яко слепой — стенки». В таком случае самодержавной власти позволено обойти Уложения, дабы заслути каждого должным образом отметить. А я совсем не уверен, что этим бойцам удастся дожить до золотого крестика, если снизу вверх начинать²... Понятно?

¹ Для превращения штабс-капитана в капитана достаточно было отцепить с погон четыре звёздочки. Просвет оставался тот же.

² «Георгиевские кресты», они же — «Знаки отличия Военного ордена», были четырёх степеней, вручались последовательно. До 1915 года изготавливались из драгоценных металлов. Первая степень — чисто золотая.

— Так точно, Ваше Величество...

— На этом закончим. Пиши второе...

Император снова выглянул в окно с дымящейся папиросой в руке.

— Подожди. Никакого второго. Тот лист закончи, я подпишу. Морского министра ко мне. По тревоге. Посмотрим, как адмиралы умеют бегать...

Адмирал Гостев явился в Кремль через тридцать семь минут. Неплохо, если учесть, что пустая ночная дорога заняла не меньше двадцати. Значит, на пробуждение, умывание, бритьё, одевание в парадную форму ушло не больше пятнадцати. Моряк есть моряк.

— Читай, — сунул ему в руки шифrogramму Олег Константинович.

— Так точно. — Адмирал всё понял мгновенно. — Как прикажете распорядиться?

— Это я бы от тебя лучше послушал. Как мой морской министр думает распорядиться. Не стесняйся. Выпей вот, закури. Пять минут на всё про всё хватит. Или нет? — Олег присел на уголок дивана, вытянул длинные босые ноги. Такие вводные он ставил своим подчинённым, хорунжим и сотникам Уссурийского казачьего войска, сам будучи обыкновенным, почти не причастным к высшим сферам подполковником во время верховых странствий по Маньчжурии и Уссурийскому краю.

— В Норвежском море, миль на триста северо-восточнее Фарер у нас крейсирует отряд адмирала фон Фелькерзама. Вертолётоносец «Адмирал Исаков», два крейсера — «Диана» и «Паллада», четы-

ре «Новика», корабль обеспечения «Нарова». Запас автономности на вчерашний день — пятнадцать суток. Вооружение — по штату, — не глядя в бумаги, сообщил адмирал.

Точность доклада Императора устроила. Знает Порфирий Игнатьевич диспозицию, знает. Послушаем, куда дальше станет развиваться военноморская мысль.

— Если я сейчас же поеду в Главморштаб, подниму оперотдел по тревоге и мы начнём готовить боевой приказ немедленно, Фелькерзам его получит часа через полтора, пусть два. Ему на принятие решения и подготовку — ещё два, в лучшем случае. С криком и топотом ударные и десантные вертолёты можно поднять. — Адмирал посмотрел на башеноподобный футляр «Павла Буре», безразлично размахивающего бронзовым, размером в тарелку маятником. — Скажем, в пять по Гринвичу. Над целью они будут около семи. Хорошее время. Не все успеют проснуться. Час на *непосредственную* работу. Дальше — по обстановке и согласно *последующей* задаче. Можно на месте подождать подхода отряда, можно улетать...

— Молодец, Порфирий! Начинай командовать. А у меня и других забот достаточно. Вдруг дипломатические осложнения возникнут... Езжай к себе, а я разворачиваю полевую Ставку в Берендеевке. Туда и докладывай. Одно запомни — выжженная земля мне не нужна. Базу, лодки, персонал, документы — чтобы в целости. Если попадутся датчане — ну, *вдруг* попадутся, — обращаться со всей возможной деликатностью. Их, как ни крути, территория. Надо будет — отдельную *пре-*

тензию предъявим. Королю *ихнему*... — Император намеренно употребил нелитературное слово, как бы демонстрируя своё истинное отношение к *так называемым* европейским монархиям.

Для выполнения внезапно поступившего приказа крайней степени срочности контр-адмиралу фон Фелькерзаму пришлось импровизировать в пожарном порядке. В Москве легко принимать «принципиальные решения», а исполнителю нужно думать конкретно. В штабе отряда подобного рода операция не прорабатывалась даже теоретически, все заготовки подразумевали разные варианты противодействия надводному, подводному или воздушному (причём — «условному») противнику. Нынешний период не объявлялся даже «угрожаемым», то есть корабли, фактически, несли службу по планам мирного времени, находились в учебном, а не боевом походе.

По всем нормативам требовалось хотя бы десять-двенадцать часов на нормальную подготовку.

Но — приказ есть приказ, тем более, если отдан по личному повелению Императора. Да и само по себе задание было очень интересным. Задубевший от морской соли, с четырнадцати лет качающийся на палубах адмирал Фелькерзам великолепно это понимал. И перспективы тоже видел не хуже статс-секретаря министерства иностранных дел. А то и лучше. С мостика иногда виднее, чем из-за канцелярского стола.

В распоряжении адмирала на «Исакове» и «Нарове» было всего шесть транспортных вертолёт

«Си-51», способных перебросить к цели роту морской пехоты с лёгким стрелковым оружием и носимым боезапасом. Да и то в перегруз, горючего придётся брать в один конец, с очень небольшим резервом. Не предусматривались отряду операции по чужому берегу.

Зато огневую поддержку десанту можно организовать солидную — десять ударных «Си-85», с мощным ракетным и пулемётно-пушечным вооружением. По скорости они почти на сто километров превосходят транспортники, значит, флагманскому штурману авиагруппы пришлось срочно рисовать и просчитывать графики подхода к цели и маневрирования. Ещё одна головная боль — никаких данных о вражеской базе, кроме довольно приблизительных координат, не имелось. Есть там противовоздушная оборона или нет — бог весть. Десятка переносных ЗРК хватит, грамотно используемых на подходах к базе, чтобы поставить на операции жирный крест. Будет с его авиагруппой, как в детской песенке: «Нос налево, хвост направо». По отдельности.

И так далее, и тому подобное...

Но в полтора часа лихорадочной, с элементами обычной отечественной бестолковщины, работы штабисты, механики, вооруженцы уложились. Одни морпехи собирались без суеты. Им на сборы хватило и пятнадцати минут. Расселись в специально отведённых местах, закурили, с интересом наблюдая за суетой на палубах и мостике.

Пока на «Исакове» готовился десант, четыре эсминца, раскручивая турбины до полного хода, стремительно исчезли за горизонтом. На форсаже

им бежать до цели не меньше семи часов. Значит, целых четыре часа морские пехотинцы и вертолётчики смогут рассчитывать только на самих себя. Едва ли секретная база пиратских субмарин охраняется превосходящими силами регулярных войск, а там — кто его знает.

Транспортники один за другим тяжело поднялись в воздух, выстроились в походный ордер, потянулись на зюйд-вест.

В тридцати милях от предполагаемого места цели один из «восемьдесят пятых», с наскоро нарисованными на фюзеляже опознавательными знаками британской морской авиации, выделенный для разведки цели и введения противника в заблуждение, начал резкое снижение, до километра. И сменил курс, как будто летит с зюйд-оста, из недалёкой Англии.

Остальные штурмовики продолжали идти широким строем фронта на высоте около трёх тысяч. За ними, чуть ниже, плотной группой держались транспортники.

— Дай бог сразу на цель выйти, — пробормотал штурман. — На втором заходе нас только дурак не завалит...

Командир его услышал.

— Не дрейфь. Там, может, вообще ничего нет. Тоже мне информация: «Одна бабка сказала»...

— Тогда ещё хуже, — огрызнулся штурман. — Нас точно крайними сделают. Не сумели найти, мол, и так далее. Не адмирал же виноват будет!

— Ему побольше нашего отвесят.

— Не бывает такого, чтоб адмиралу крепко от-
весили, если два лейтенанта¹ под рукой. — Штур-
ман был мужчина скептический, перехаживаю-
щий в чине второй срок.

— Стоп, Коля, что-то там такое замаячило,
смотри, на десять часов... — Меланхолию с лейте-
нанта как встречным потоком воздуха сдуло. —
Разворачивай на норд, выравнивай, правее, ещё
правее, вот так, и заходим, с бреющего!

Действительно, в глубине фьорда, врезавшегося
в невысокое скалистое плато на милю с лиш-
ним, у левого берега отчётливо просматривалось
несколько построек и длинный бетонный пирс,
прикрытый двумя брекватерами.

— Оно, Коля, оно! И лодки, сука, стоят...

По обе стороны пирса действительно вытяну-
лись длинные узкие корпуса с высокими гладкими
рубками и бульбообразными вздутиями на полу-
баках. Правда, всего два. А речь в приказе шла о
четырёх-пяти. Остальные в море, значит, «работают», сволочи!

— Ох и старьё, — удивился командир. — Тип
«Оберон», проект семьдесят первого года, тысяча
шестьсот тонн, семнадцать узлов под дизелями,
восемь аппаратов, пушка сто, экипаж шестьдесят
восемь человек...

Столько лет лейтенант-противолодочник еже-
дневно справочники и таблицы зубрил, что сейчас
все ТТХ и прочее от тех же зубов и отскакивало.

— Туман-два, Туман-два, — закричал он в мик-

¹ Лейтенант — флотский чин, соответствующий армейско-
му штабс-капитану.

рофон ведущему эскадрильи, — цель обнаружена, цель обнаружена! Атакую! Вы за мной, по пеленгу. Десант бросайте беспосадочно — скалы, пляж узкий. Как понял?

«Восемьдесят пятый», до предела убрав газ, лишь бы только не потерять управляемость, прошёл над домиками, покачался с борта на борт, демонстрируя свои эмблемы, в расчёте выиграть нужные до подхода десанта пять-семь минут. Изобразил намерение приземлиться, и вдруг командир подумал: «А зачем изображать? Сяду, и всё. Контрольная комиссия прилетела».

Лейтенант рассудил правильно: если вертолёт с опознавательными знаками «дружественной державы» (а в то, что здесь окопались марокканцы или малайцы, салага-первогодок не поверил бы) собрался сесть, значит — надо. Кому — отдельный вопрос. Главное, раньше времени фонари не открывать. Броня вертолётов и остекление пули, даже крупнокалиберные, выдержат. А уж ответить — есть чем. Даже интересно будет посмотреть, как шестнадцать ракет с пилонов сработают по этому милому городку. Плюс две тридцатисемимиллиметровые пушки и четыре пулемёта «УБК».

— Туман-два, Туман-два, отставить! Отставить! Я сажусь. Здесь тихо. Мне с крыльца дружелюбно машут. Оставайтесь в зоне прикрытия. Десант сбрасывайте вне зоны видимости. За горкой на шесть часов. Добегут пешком...

В этот момент два лейтенанта гидроавиации уже заработали свои новые погоны.

— Слышь, Толя, — сказал командир штурма-

ну, — ты инглиш лучше меня знаешь. Сядем — выходи, начинай плести, что в голову взбрѣдет. А я озираться буду...

Лейтенант довернул вертолѣт, чтобы в сферу пулемѣтно-пушечного огня попал пирс и подходы к нему. А ракеты в пилонах смотрели на посѣлок. Счита́й, дело сделано.

Штурман лейтенант Финогеев спрыгнул на площадку, покрытую утрамбованным вулканическим щебнем, пошѣл навстрѣчу высокому, наголо бритому мужику в синей робе, помахивая своим планшетом.

— Хеллоу, комред! Пакеты вам привѣз... — с двадцати шагов крикнул штурман и не встретил ответной улыбки. На него смотрело напряжѣнное лицо человека, заведомо и предварительно ненавидящего весь окружающий мир. Лет ему примерно сорок пять, из них две трети этого срока биография, скорее всего, складывалась не так, как воображалось.

Ну а сейчас-то что? Какие претензии к летунам, доставившим почту? Вдруг в ней сплошная польза и радость? Чек за службу на год вперѣд, призывые за последнюю успешную операцию...

Лейтенант, успев сделать ещё десять шагов, вдруг увидел округлившиеся до невероятия глаза и жуткую гримасу и без того малопривлекательной физиономии. Уловил мгновенный бросок руки к кобуре, пристроенной под рубашкой по-немецки, сильно слева. И сам метнулся вбок, против часовой стрелки. Не ковбой он, но кое-чему учили. Почти полный оборот придётся сделать камраду ему вдогонку, а двуствольная ракетница, как у лю-

бого штурмана, пристёгнута снаружи к правому сапогу. Не боевое оружие, а попадёшь под выстрел — извини-подвинься: от белых медведей на Новой Земле легко отбивались.

Кнопки расстёгивать некогда. Рывок, ремешки пополам и навскидку, на уровне колен, сразу на оба спуска.

Сдвоенный хлопок, свист, фиолетовое пламя и нечеловеческий крик. Всё здесь — нечеловеческое. Никакой выдержки. Ранили — ну и терпи.

Николай Шорохов, верный друг-командир, за пять лет даже до звеньевого не дослужившийся, среагировал мгновенно. И приказ помнил, и то, как товарища спасать, сообразил в секунду. Отпустил тормоза, вертолёт, покотившись вперёд, прикрыл штурмана своим шасси. Из правого подфюзеляжного пулемёта прошёлся по крышам (не ниже), разнося по окрестностям старинной работы черепицу. В ответ — ни выстрела. Как иначе? Сколько бы их там ни было, лежат носами в пол. Стены — простая щитовка, а позади, в полусотне метров — вкопанные в рыхлый склон горы цистерны с бензином или соляркой. Тонн на тысячу. Дадут по ним — и привет, ребята. Ни зарплата не понадобится, ни премиальные...Как писал, по другому, впрочем, поводу гений всех времён Козьма Прутков: «В таком случае не останется ни того человека, ни даже самых отдалённых его единомышленников!»

— Туман-два, садитесь за мной, садитесь. Не стрелять! — прокричал лейтенант в микрофон.

Финогеев втащил через комингс вертолёта тяжёлое тело врага. Ох и лихо он ему попал!

Ниже колен ног, считай, нет. Ракеты, пусть не успевают как следует разгореться, имели страшную кинетическую энергию с температурой в тысячу градусов. Отчего сосуды спеклись, нет кровотечения.

Штурман всё равно, как учили, затянул жгуты по бёдрам раненого, вколол сразу три тюбика морфия. Выживет, сволочь, от шока не сдохнет. А где и как — не наше дело.

Глаза раненого начали приобретать осмысленное выражение. Минут на десять, потом снова отрубится.

Финогеев спросил то, что его больше всего сейчас интересовало:

— Ты, идиот, зачем за пистолет схватился? Я к тебе по делу шёл... Сейчас бы сидели, виски пили...

Пленник поднял руку и показал пальцем на грудь штурмана.

Ох, ты, вот уж действительно... Вертолёт замаскировали, а тут над левым карманом — русский флаг, над правым — чин и фамилия. Выражаясь научно — бывает! Они ведь садиться и в зрительный контакт с противником вступать не собирались. Так уж вышло!

Так кому в итоге не повезло?

Внезапно с близкой сопки часто забил тяжёлый пулемёт. Миллиметров двенадцать, если не четырнадцать. Фюзеляж загудел от нескольких попаданий, на лобовом стекле возникла чёткая белая борозда.

— Врёшь, падла, нас этим не возьмёшь, — оскалился Шорохов, ударил в ответ НУРСом. Попал не попал — пулемёт примолк.

— Взлетаем, Толя!

— Взлетай, я выскочу. Они, бля, там сейчас, небось, бумаги жечь начнут...

— Да плевать, не наша забота! Мы цель нашли, языка взяли...

Однако в крови у штурмана бурлил не только боевой адреналин. Хрена б ему, действительно, о чужих делах думать? Так нет! У любого должен быть свой Аркольский мост! Убьют — так и чёрт с ним. А последний шанс упускать — всю жизнь жалеть будешь.

Финогеев выдернул из зажима рядом с сиденьем штатный автомат.

— Прикрывай меня, Коля, а я им щас...

— Туман-два, Туман-два! — кричал Шорохов, подняв вертолёт на двадцать метров и зависнув напротив строений посёлка, из которых начали стрелять, и довольно дружно. — Высаживайте десант на пирс, прямо на лодки. — В мою сторону не работайте, там Финогеев!

— Какого... ему там нужно, — выругался командир ударной группы капитан второго ранга Туманов-второй. Очень ему хотелось ударить по объекту из всех стволов. Когда ещё придётся?

Однако просьбу-приказ младшего по чину и должности выполнил. В армии, если есть взаимопонимание и доверие — командует тот, кто лучше понимает обстановку. Сколько раз бывало, когда взводные и ротные своевременными и грамотными решениями командиров полков выручали.

Чисто для психологического воздействия «восемьдесят пятые» кружили над фьордом и посёлком, демонстрируя готовность спалить здесь

всё к чёртовой матери. Грохот двигателей, отчётливо видимые снизу пилоны с десятками смертоносных ракет, ищущие цель стволы пушек и пулемётов.

Два «пятьдесят первых» с десантом рискованно сблизилась, коснулись колёсами узкого, как школьная линейка, пирса, вдобавок — перехлёстываемого боковой прибойной волной. Пилоты виртуозно манипулировали ручками управления и газа, удерживая машины в неустойчивом равновесии.

Двадцать морпехов спрыгивали с кормовой аппарели и из боковых дверей, бросались — вправо-влево, по намеченному уже в полёте плану — на палубы субмарин.

Опять лишние секунды проспали подводники. Если бы немного раньше, с первым звуком приближавшегося вертолёта, дежурные расчёты по тревоге выбежали к пушкам и пулемётам — совсем другая могла получиться картина — из стомиллиметровки в упор по садящемуся рядом вертолёту — вообразить страшно, как бы такое выглядело. Из спаренного «гочкиса» — немногим лучше.

Зато теперь — как на отработке упражнения «семь-восемь» на Оленегорском полигоне. По возникшей из рубочного люка голове — точный удар затыльником приклада, из палубного — специально окованным по ранту ботинком. И следом, вниз — дымовая граната с хлорацетофеноном. Ужасная вещь — в тесных отсеках ничего не увидеть, а тысячи острейших крючков раздирают глаза, носоглотку, бронхи... Легче умереть.

В это время лейтенант Финогеев, непременно решивший поймать за хвост чересчур близко полетевшую «птицу счастья», в несколько бросков добрался до торца дома, определённого им как штабной. С какой бы другой радости над ним торчала десятиметровая антенна с несколькими решётками и симметрирующими петлями? Из обращённых к пляжу окон часто били несколько автоматов и ручной пулемёт. Смысла в этом сопротивлении — никакого, при наличии подавляющего превосходства противника и в численности, и в огневой мощи. А вот поди ж ты...

Ещё один транспортный вертолёт заходил со стороны берега — несколько минут подождать, он зависнет прямо над посёлком и высадит десант. Ребята сработают как надо, сомнений нет, но минуты на три-четыре они явно запаздывают. А кроме того, лейтенанту ну просто хотелось слегка блеснуть. Не всё же ждать почти бесперспективной выслуги, раз в неделю выполняя скучные подскоки с палубы и учебный поиск не менее учебного радиобуя, имитирующего вражескую подводную лодку.

А тут вдруг — шанс, как у флотских мичманов, сходявших на сухопутные позиции Порт-Артура, как у пресловутого, в тысячах анекдотов прославленного Луки Пустошкина, придумавшего атаковать японцев на суше минами заграждения. Кто догадается — как, получит приз.

Злой был сегодня лейтенант Финогеев. На чистый убой их с командиром послали. Горючки — в один конец, все силы вражеского ПВО — ваши. И спасибо, если живой прилетишь, едва ли ска-

жут. Слетал — и слетал. Лишняя запись в лётную книжку. И тройной суточный оклад. Нам — самый риск, а ордена — вам?

Давайте чуть иначе попробуем!

Прижавшись к сложенному из крупной гальки на цементе цоколю, штурман прикинул — с фронта ничего не выйдет. Шлёпнут при первой же попытке высунуться. А если с тыла?

Была б у него пара гранат — совсем другое дело. Но чего нет — того нет. Откуда у штурмана разведывательного вертолёта гранаты? Хорошо, хоть один на двоих ППС со сдвоенным магазином выдали. Ну, и пистолеты в кобурах — вот и весь арсенал.

Зато сзади барака он увидел малозаметную дверь, выходящую на бетонированную дорожку, к кирпичному гальюну и длинному одноэтажному сараю. Годится.

Самое смешное — дверь была не заперта.

Финогеев ворвался внутрь, сообразил, откуда стреляют. С порога длинной очередью, патронов на двадцать, расстрелял всех, кто работал у станкового «гочкиса», и пристроился у боковых окон со старыми «мадсенами». Сразу же — налево по коридору, к очередной двустворчатой двери.

Вот, пожалуйста, что и требовалось доказать.

Настоящий штаб соединения. Большая комната, несколько столов посередине, заполненные картонными папками шкафы у стен. Ящик мощной радиостанции в специальной выгородке, ещё одно электромеханическое устройство, с первого взгляда не идентифицируемое. Возле него суетятся сразу три человека. И — самое ценное — штук

пять больших плексигласовых планшетов с контурными картами морей и берегов, с нанесённой дислокацией лодок и колонками цифр на полях. Здесь штурману объяснять не надо, что почём. За одни эти карты им флотские разведчики руки должны целовать...

Всего в комнате — семь операторов, или хрен их знает, может — это как раз и есть командование. Нет, не семь их, восемь. Восьмой как раз поднимал пистолет, прячась за вешалкой с мокрыми брезентовыми плащами. Салага, лет двадцати пяти, рыжий, губастый... Пистолет неизвестной конструкции, очень длинный...

Всё это успел заметить за полсекунды Финогеев.

У морского штурмана-бомбардира реакция многократно быстрее, чем у любого шпака¹, тем более — из числа заплывших мозговым жиром европейцев.

Короткое «та-та» навскидку, и тело дурака-неудачника сползло по стенке. Чего он хотел, на что надеялся?

— Всем стоять! Руки за голову! — заорал лейтенант устрашающим голосом, свободно перекрывавшим на палубе рёв нескольких вертолётных моторов.

И всё. Вот они стоят рядом со своими аппаратами и канцелярией. Что уж там, в этих папках и в начинке машин — не лейтенанту разбираться.

¹ Полупрезрительное обозначение штатских кадровыми военными.

Он указал ближайшему от него человеку стволом автомата на белую оконную занавеску.

— Сдёрни, выходи на крыльцо и маши. Только без дури. — Финогеев указал на ларингофон. Отключённый, естественно, да кто сейчас об этом догадается?

— Скомандую — всем амбец...

О том, что при таком повороте — и ему тоже, пленникам задумываться было некогда.

И тут как раз на своих колёсах подкатился «во семьдесят пятый», проломил стену дома бронированным носом, заполнил половину комнаты. Щепки, труха из начинки стен полетела, движок ревёт, лопасти над самым коньком крыши свистят. Тютелька в тютельку рассчитал командир. Вот теперь по всем ВВС шорох пойдёт. Шорох — про Шорохова... Финогеев облегчённо опустил автомат.

Хватит, наверное. Нагеройствовался. До конца службы будет о чём в кают-компаниях рассказывать. Но сначала — особистам.

Лейтенант вышел на крыльцо, предварительно выгнав перед собой пленных. Удивительно, от тарана никто не пострадал. Только одного балкой слегка приложило. Однако на своих ногах держится.

Приятная картина открылась его глазам. Цепь морпехов уже окружила весь посёлок, стоят — стволы на окна и двери нацелены, но не подходят, команду исполняют. Дивятся, что тут летуны учили. Придумают же — таран морским вертолётном сухопутной огневой точки!

На узких полосках пляжа сидят три «пятьдесят

первых», остальные садятся по ту стороны гряды, на альпийский лужок. Скорее всего — дожигая последние литры бензина.

Пятнадцать минут всего, и база захвачена без потерь. С нашей стороны. Но это ведь только начало куда более затейливой игры, где и капитаны второго ранга — пешки.

Подошёл кап-два Туманов, с ним незнакомый, тоже кап-два, но просветы на погонах не голубые, а белые. Представился, первым протянув руку. Ну, всё верно — из разведотдела флота, капитан второго ранга Мамаев.

— Ну и какого... вы эту... затеяли? Жить надоело? А за вертушку я платить буду, в двенадцатикратном размере¹? — наверняка, чтобы произвести впечатление на разведчика, разбушевался Туманов. Так-то он был мужик спокойный, несколько флегматичный. Вертолётчик, чай, не истребитель.

— Осмелюсь доложить, господин капитан второго ранга, — выдвинулся вперёд штурман. При равном чине он был старше командира и возрастом, и по производству. Вдобавок — кровь ещё играла боевым азартом, автомат в левой руке. — Вертолёт понёс незначительные повреждения при выполнении боевой задачи. Мы бы чуток промедлили — вам точно вlepили бы из ПЗРК по полной. У них имеются, лично видел. Кроме того — иным

¹ В начале пятидесятых годов, в целях повышения ответственности за вверенное имущество, а также предотвращения умышленной утраты и промотания оно́го была введена система штрафов — в двенадцатикратном размере от штатной стоимости.

образом невозможно было обеспечить захват радиостанции, шифровальной аппаратуры и, я думаю, главное — схемы дислокации вражеских лодок в мировом океане...

— Что ты трепаться умеешь, я давно знаю, — ответил Туманов. — А всё равно дураки. Хрен тебя понёс с автоматиком бегать под пулями, если всё равно Шорохов к ним по самое не могу заехал? Там бы, внутри, открыл фонарь и вылез — без всякого риска.

Тут спорить было не с чем.

— Так на то вы и кап-два, чтобы оптимальные решение за нас, дураков, принимать, — подключился Шорохов. — А у нас, простите, в боевом запале умишка-то и не хватило. Но если потерь нет, задачу, так полагаю, мы выполнили.

— Выполнили, выполнили, — сказал Мамаев, которому слушать «спор славян между собою» было неинтересно. — Если и планшеты и аппаратура уцелели, я вас по своей линии к наградам представляю. Не возражаешь? — спросил он Туманова.

— Я и сам представляю, — взревновал комэска. — Только после разбора полётов. Мало не покажется, *штурмгвардия*, мать их! Схему маневрирования над целью нарисовать не заставишь, а им бы с автоматиками бегать...

Увидев перед собой сразу два раскрытых портсигара, Туманов прервал свою филиппику¹, оказавшись в роли буриданова осла. Шорохова он

¹ Филиппика — исходно, обличительная речь Демосфена против царя Филиппа Македонского. Вообще — любое гневное публичное выступление.

считал более виноватым, но и папиросы у него были заведомо лучше штурманских. Возьмёшь у него — уже как бы и простил. А курить хотелось.

Мгновенно принял решение, самому Чекменёву под стать, будь он с ним знаком: предложил первым угоститься особисту, сам взял после него. И скроил на своём дублёном лице торжествующую усмешку: «И здесь я вас сделал, са-лаги!»

Финогеев кивнул и развёл руками: «Кто бы спорил, командир?»

— Идите отдыхайте, — бросил Туманов, чувствуя, что чистого выигрыша у него не получилось. — Летать сегодня не будем, флот подождём. Разрешаю по сто грамм за мой счёт...

— Душевно благодарим, — прижал ладонь к сердцу Шорохов. Где сто, там и двести, не проверишь, фляжки у всех полны. Не за упокой, так за здравие...

Через полчаса, в окружении временно свободных от службы экипажей обеих эскадрилий и офицеров морской пехоты, закончив *предварительно* обкатывать на очевидцах первоначальную версию собственных геройских приключений (а какой дальше эпос сложится — представить невозможно), лейтенанты, обнявшись, запели:

От ветров и водки хрипли наши глотки,
Но мы скажем тем, кто упрекнёт:
С наше поночуйте, с наше покочуйте,
С наше повоюйте хоть бы год...¹

¹ Из К. Симонова.

... Государь Император, получив докладную сначала от адмирала Гостева, а потом и по несколькими другим каналам, пришёл в великолепнейшее расположение духа. Если окружающий мир соглашался поступать сообразно с его настроением, так и Олег Константинович был полон желания творить исключительно добро, врагам своим прощать... Что там ещё в Евангелии написано? На всё согласен. Если вдруг наоборот, и приносят тебе документальные подтверждения жалкого, подлого, мерзкого коварства людей, совсем недавно с тобой за одним столом ужинавших, в уверениях дружбы рассыпавшихся, — с ними и поступать следует соответственно. Не так, как они, гордыней обуйные и оттого разучившиеся тонко и изящно думать, — совсем иначе.

На веранде Берендеевского дворца, в прохладе дующего со стороны реки ветерка, под сенью ветвей вековых сосен Олег Константинович давал урок *правильной* политики двум десяткам генералов, адмиралов и лиц гражданских ведомств. На бревенчатых стенах шелестели развешанные адъютантами карты. И мировые, и отдельных театров.

Император положил ладонь на стопку бюваров «К докладу», где содержались материалы, захваченные на Фарерах, сообщения официальных военных агентов из стран ТАОС, расшифровки донесений агентурной разведки.

— Чувствую, большинство из вас горит желанием немедленно вынести имеющиеся у нас факты на обозрение мирового сообщества. О чём говорить — карты неубиваемые! Вот и пиратская база, вот и доказательства британского участия в её создании. И рапорты командиров лодок, и инст-

рукции из Лондона. Списки потопленных судов. Кое-что ещё — тоже. Шум, само собой, поднимется. Пресса трёх континентов, забитая дешёвыми сенсациями, вскипит праведным гневом. И что в итоге? Мало-помалу всё так или иначе рассосётся. С определённой пользой для нас, не спорю. Но не более, чем с тактической, господа, тактической. Месяц-другой — всё вернётся на круги своя. Запад снова поверит, что любые мировые инциденты — так или иначе происки России. А англичане, если в чём и виноваты, то как бы случайно. Выхода у них не было, ибо иначе русские непременно сделали бы гораздо хуже...

На понимание и благодарность нам рассчитывать нечего, поэтому русская армия и флот должны служить исключительно отечественным интересам. Десять лет назад наш учебный отряд кораблей Балтийского флота спас несколько десятков тысяч погибающих от землетрясения на Гаити. И хоть кто-нибудь об этом сегодня помнит? Никак нет. Благодарственная мемориальная доска поставлена в честь бывшей метрополии — Франции, через две недели после нас приславшей туда пароход с одеялами и просроченными консервами. Так-то...

Данная тирада встретила полное понимание и одобрение приглашённых. Кого-кого, а либералов-западников среди них не было. Скорее, наоборот. Император был здесь самым умеренным человеком, понимавшим необходимость балансировать между крайностями политических настроений.

— Потому мы сделаем так. — Олег Константинович щёлкнул пальцами, адъютант немедленно

принёс массивную коробку телефона ЗАСовской связи на длинном шнуре. — Премьера Англии мне найди и скажи, что дело крайней срочности, — бросил в трубку Император, услышав голос первого заместителя министра иностранных дел.

Соединили почти сразу, получаса не прошло. Понятно — минут десять, чтобы секретарь понял, от кого звонок, нашёл своего шефа, хоть в постели у любовницы, доложил, в чём дело.

Ещё двадцать господину Уоллесу, чтобы наскоро обсудить с оказавшимися под рукой советниками, как и о чём говорить. На большее время отложить разговор — духу не хватило. Не Черчилль, не Рузвельт, а других политиков с характером там с начала двадцатого века больше и не было.

Олег Константинович сразу после протокольных приветствий перешёл к делу. В жёсткой форме. С подобными персонами иначе нельзя.

— Вы полностью в курсе последней операции моего флота на Фарерах? Очень хорошо. Вы согласны, «сэр», — титул был назван со всей возможной язвительностью, — что повод к объявлению войны достаточно веский? Не в пример более, чем тот, что вы придумали в тысяча восемьсот пятьдесят четвёртом году. Имеете возражения? А какие именно? Давность в данном случае не имеет никакого значения. Вы ведь признаёте исключительно «прецедентное право». Вот теперь и мы тоже. Всё, что на протяжении последних пяти-сот лет можно было вам — можно и нам. Обсудить, конечно, можно всё, что угодно.

Я только что с датским королём переговорил — ему наличие иностранной военной базы на своей территории очень не понравилось. Даже — выве-

ло из себя. А он — потомок викингов, мужчина резкий, с трудом сдерживаемый в рамках идей конституционной монархии. Но — ненадолго. Самодержавие его тоже интересует. Тем более — его прабабка Мария Фёдоровна, она же принцесса Луиза София Фредерика Дагмара, была матерью моего прадеда. То есть мы с ним довольно близкие родственники. Я сумел его убедить, что база — пиратская и все причастные после необходимых процедур будут переданы именно датскому правосудию. Правда, при этом попросил у Его Величества Гальфдана Третьего неделю для завершения мероприятий, датчанам непосильных и неинтересных. С определённой компенсацией.

— И что же за компенсация? Точнее — за что? — Премьер явно путался в мыслях. Да и то! Мало кому пожелаешь оказаться на его месте. О далёких последствиях скандала с постепенным угасанием *зыби* он сейчас не думал. А вот о возможном падении Его Кабинета, да ещё с подключением Международного Трибунала — очень даже! Русский Император только что назвал ему несколько фамилий, номеров бумаг, принятых на совершенно секретных заседаниях «Особой палаты».

Премьер помнил, как не слишком давно американцы десантировались в столице суверенного государства, перебили президентских гвардейцев, а самого президента вертолётom доставили «куда надо» и военно-полевым судом отвесили ему двадцать пять лет за терроризм и наркоторговлю. Никто во всем мировом сообществе не возразил, разве десяток газет из подворотни тихонько гавкнули, да и тем мгновенно заткнули глотку доводом о

том, что любое национальное законодательство имеет силу только в случае его совпадения с интересами «демократии».

Долгое время и парламентское правительство России придерживалось тех же «демократических» принципов. Пока Олег, утвердившись самодержцем, не решил поставить на подобных профанациях жирную точку. Гусиным пером, с чернильными брызгами по всему листу.

— Компенсация за то, что нашим войскам разрешено официально и экстерриториально проводить на островах необходимые следственные и иные мероприятия. Кроме того — за *правильное* понимание датским королём международной обстановки. Поэтому Российский флот *совершенно бесплатно* берёт на себя обязательство защищать границы Датского королевства, как свои собственные... Поскольку ваши, господин премьер, поданные позволили себе так грубо нарушить датский суверенитет, явно полагаясь на неспособность этого маленького государства должным образом защищать свои интересы. Россия с времён государя Петра Алексеевича относилась к нему гораздо предупредительнее..

На той стороне подводного кабеля британский премьер судорожно вздохнул. Такого ни ему, ни одному из его советников в голову прийти не могло. Махнув рукой на все законы и принципы, под сильным давлением председателей «Хантер-клуба» и ещё нескольких наднациональных организаций, он согласился на эту авантюру. Собирались внезапными лодочными атаками как следует напугать русских и их сателлитов, пресечь претензии на равенство, а то и превосходство в торговом

судоходстве. Через полгода-год добиться, чтобы только в зоне *ответственности* британского флота не случилось «внезапных исчезновений». Десяток или два фрегатов и корветов под «Юнион Джеком» примутся эффективно уничтожать пиратов. А русские покажут всему миру, что даже собственные пароходы защитить не в силах...

Теперь же Россия, мало того, что готова выложить на стол ООН и ТАОС тома прямых улик и доказательств преступной, что уж тут прятать глаза, политики британского правительства, что вызовет невиданный и неслыханный политический кризис, так ещё и на полном законном основании получает под контроль Фареры, Гренландию, Каттегат, Скагеррак, Большие и Малые Бельты. То есть половину Атлантики и всё Балтийское море. Лет на триста назад отброшена Великобритания в своей геополитике. Балтийский флот может перенести передовое базирование на Ольборг, а Северный — на Торсхавн.

Даже средний русский бомбардировщик теперь на одной заправке долетит до любого английского города и любой военно-морской базы. Хоть до Саутгемптона. Оркнейские острова — те вообще под прямым прицелом «Рюриков» и тяжёлых, вооружённых пятнадцатидюймовой артиллерией «Измаилов».

Когда всё это станет достоянием прессы, не отставка грозит мистеру Уоллесу. Разъярённая толпа (особенно заранее подготовленная) может растерзать его в буквальном смысле, а дом в центре Лондона и загородные поместья — сжечь в назидание прочим. Бывали в английской истории такие прецеденты.

— Вам это нравится, господин премьер? — заботливо спросил Олег Константинович. — А ведь не я это начал. Помните — тысяча восемьсот пятьдесят четвёртый год? Петропавловск-на-Камчатке.

Зачем пришли они из Альбиона?

Что нужно им?

Раздался дальний гром,

И волны у подножья бастиона

Вскипели, обожжённые ядром...¹

— Зачем вы приходили туда, за двадцать тысяч миль? Чтобы нашлось местечко для похорон адмирала Прайса²? Не спору, могила на склоне Петропавловской сопки моряку приятнее, чем яма для самоубийц на окраине Лондона... Так Россия большая, двадцать четыре миллиона квадратных километров. Всем хватит... Да что вы молчите? У нас дружеский разговор. Я вот сейчас назову вам ещё десяток фамилий людей, у которых вы давно на содержании. И они вам, в случае чего, не помогут. Давайте так рассудим. Мы воевать не хотим, пусть повод имеется прямо великолепный. Исход войны одной Англии против одной России вам понятен. Коалицию вы создать не успеете, наш флот

¹ К. Симонов. «Поручик».

² См. А. Борщаговский «Русский флаг». Имеется в виду эпизод, когда командующий соединённой англо-французской эскадрой, адмирал Прайс, потерпев неудачу при попытке захвата Петропавловска-на-Камчатке 18(30) августа 1854 года десятикратно превосходящими силами, застрелился на борту своего флагманского линкора «Президент», не желая подвергнуться парламентскому расследованию и позорной отставке. Похоронен, с разрешения русского командования, на берегу. С почестями. См. также Е. Тарле «Крымская война».

сильнее, сухопутной армии у вас просто нет. Согласны?

Премьер сдавленно кашлянул. Были бы настоящие силы и характер, бросил бы трубку и тоже застрелился. Как удивительно к месту упомянутый Олегом адмирал Прайс. А не хочется. Жить куда лучше, особенно если ещё раз вдуматься в слова Олега Константиновича. Великолепные условия он предлагает. Данный прискорбный эпизод считать неслучившимся, базу признать пиратской, неустановленной принадлежности. Забыть иные-прочие межгосударственные недоразумения, вернуться к временам «искренней дружбы», которая то ли была, то ли нет с тысяча девятьсот четырнадцатого по восемнадцатый год.

Император очень хорошо помнил, а премьер Уоллес, видимо, забыл, а то никогда и не знал интересный эпизод общей истории.

В тысяча девятьсот четырнадцатом году, в самом начале Мировой войны в Средиземном море *зависли*, что называется, немецкие крейсера, линейный «Гебен» и лёгкий «Бреслау». Деваться им было некуда, море плотно контролировалось английским, французским, итальянским флотами. Ни через Гибралтар, ни через Суэц не уйти. Выхода у адмирала Сушона оставалось только два — героически погибнуть в неравном бою, подобно «Варягу», или сдаться. Но он нашёл третий — прорываться через всё море на норд-ост.

Турция тогда ещё числилась нейтральной, но Сушон был политик покруче нынешних. Вопреки прямому приказу своего Адмирал-штаба он рва-

нул к Проливам¹. На переходе от Мессины до Дарданелл преследующие его английские линейные крейсера «Индефетигейбл» и «Индомитебл», совокупно с крейсером «Дублин» и «Глостер», легко могли раскатать в тонкий блин «Гебен» с «Бреслау», едва выжимавшие осенью четырнадцатого года двадцать два узла при двадцати семи английских.

Однако английские адмиралы Милн и Трубридж, получив инструкции из Лондона, одновременно приняв к сведению мнение французского комфлота Лапейрера о том, что его корабли с немцами сражаться не в состоянии и технически, и психологически, сделали то, что сделали. «Гебен» и «Бреслау» пришли в Константинополь, где были якобы куплены у Германии Турцией. Адмирал Сушон под титулом Сушон-паша назначен командующим флотом, и весь остальной турецкий флот перешёл под его полное, беспрекословное и никакими законами не регулируемое подчинение, что в обычной дипломатической практике явление как бы и немислимое. Но Олег Константинович отныне решил именно такие отношения с соседями и «союзниками» взять за основу.

И о дальнейшем Император напомнил собеседнику. Усиленный германскими крейсерами турецкий флот три года рейдировал в Чёрном море, уступая российскому в артиллерии, но вдвое превосходя его по скорости. Англичане радовались — никакая Босфорская операция русских до конца войны невозможна, дай им бог свои базы хоть как-то прикрывать. А они, «сердечные друзья» (Антан-

¹ См. «Флот в Первой мировой войне». Т. 2. М. 1964 г.

те кордially¹), в то время, когда русские корпуса гибнут в Восточной Пруссии, спасая Париж, сами возмут, что хотят и где хотят. К случаю вспомнил стихотворение ныне забытого автора:

Ты ушла в Мазурские болота,
Защищая Франции престиж,
Русская гвардейская пехота,
Понаслышке знавшая Париж.
А Россия получала займы,
Вас Антанте продал за аванс.
Лишь кувшинки, полные слезами,
До сих пор оплакивают вас.
И уходит в землю кровь густая,
Унося с собой пожаров жар.
Будто бы Земля внутри пустая —
Столько крови нужно в этот шар...

Но зато и сами союзнички, по законам исторической справедливости, своё получили. Так получили, что от души умылись кровавыми соплями!

Утопив германские крейсера, они через год не пролили бы море собственной крови, пытаясь штурмовать укрепления Дарданелл. Русский десант на Босфоре, не имея противодействия на коммуникациях, спокойно дошёл бы до Седдюльбахира и Кумкале², освободив союзникам 18 линкоров, 12 крейсеров, 40 эсминцев и полумиллионную армейскую группировку³ для действий на

¹ Наименование союза Англии, Франции и России в Первую мировую войну — «Сердечное согласие».

² Турецкие укрепленные позиции по обе стороны входа в Дарданеллы с юга.

³ Столько сил было привлечено союзниками для закончившейся полным разгромом Дарданелльской операции, имевшей целью не допустить занятия Россией Зоны Проливов.

других театрах. Глядишь, бессмысленная война закончилась бы годом, а то и двумя раньше.

Но занятие союзной Россией Проливов казалось англо-французам страшнее, чем тяжелейшее поражение от общего врага. Ну так и теперь не жалуйтесь, господа.

Император широким жестом расправил усы.

— Мы обо всём договорились, мистер Уоллес? От вас, по сути, ничего не требуется. Пресса пусть болтает, что хочет, служба у неё такая. А вот Кабинет её Величества отныне, перед тем, как предпринять какое-либо действие на арене внешней политики, пусть предварительно осведомится о его разумности и своевременности у нашего посла в Лондоне, барона Гирса. Если что посерьёзнее — можете и прямо мне звонить. А то приезжайте, рыбалка тут у нас на Валдайской возвышенности хорошая. Главное, при разумном поведении пятьдесят спокойных лет в нынешнем кресле я вам гарантирую... Россия своих друзей не сдаёт.

ГЛАВА 25

Вчерашний день получился невероятно длинный и страшно насыщенный всяческими событиями. Большинству так называемых «простых людей» за всю жизнь столько переживать не приходилось, за исключением участников главных событий мировых войн. Да и то далеко не всем.

Сегодняшний, напротив, казался пустым — после разговора Сильвии с президентом делать было как бы и нечего. Девушки гуляют в Москве и до вечера едва ли вернутся. А чем заняться остальным? Фёст подумал и решил, что обстановка вполне позволяет встретиться с Воловичем и кое-кем ещё из

журналистской братии. Поделиться собственной информацией, а главное — выяснить, что творится внутри так называемого «экспертного сообщества», как оно намерено реагировать на происходящее. Особенно его интересовали каналы связи Михаила с преступным миром. С помощью Шара выяснить это можно было в несколько минут, но в личной беседе — интереснее. Машина — она и есть машина, а когда глядишь человеку глаза в глаза, ловишь его реакцию на только что сказанное слово, догадываешься, что может значить та или иная интонация, — совсем другой получается колорит.

Секонд и Сильвия удалились на другую половину квартиры, прямо связанную с две тысячи десятым годом императорской России. Так леди Спенсер показалось удобнее.

И Ляхову-второму опять немедленно стало легче. По всем показателям, лучше даже, чем после воздействия гомеостата. Дома — одно слово.

— Как хотите, леди Си, но не могу я к вам обращаться по имени, — сказал Вадим, садясь в просторное кожаное кресло у письменного стола в переполненном книгами кабинете. Сколько значительных людей до него здесь сидело. — Вот прямо требуется отчество, иначе ничего не получается...

— Старухой я тебе кажусь? — без всякой посторонней эмоции спросила Сильвия.

— Ни в жисть! А так складывается. Не хотите назвать имя своего уважаемого папаши — не надо. Давайте я вас буду называть Сильвия Артуровна?

— Забавно. — Она посмотрела на него чуть по-другому. — А почему?

— Чёрт его знает. Король Артур на память пришёл, да в детстве у меня была подружка с таким отчеством, отдалённо на вас похожая кое-какими манерами...

Сильвия рассмеялась серебристо.

— Хочешь — называй. Тем более что моего *гипотетического* отца действительно звали Артуром. Лорд Артур Гедеон Филип Дормер Стенхоп Спенсер. Если полностью. Это у тебя ясновидение, озарение или как?

Ляхов тоже улыбнулся, облегчённо. Станным образом эта тема его беспокоила, а теперь — отпустило.

— Как хотите думайте. Но ведь интересно?

— Более чем... Слушай, может, мы с тобой тоже куда-нибудь сходим? В ресторан пообедать, например. Давно в *здешних* кабаках не была, — предложила Сильвия, рассеянно глядя в потолок.

— Почему бы и нет? Для меня будет большая честь. И местечки уютные есть на примете...

— Тогда посиди, поскучай...

Сильвия вышла из кабинета. Квартира была устроена по старым архитектурным принципам. Больше половины комнат — смежные, в каждой по несколько дверей, ведущих в общий длинный коридор и прилегающие помещения. В советской малогабаритке при такой планировке мебель ставить было бы некуда, а здесь — нормально, на всё стен и простенков хватало.

Между двумя книжными шкафами, прямо напротив кресла, где сидел и дымил сигареткой Ляхов, — двустворчатая дверь в спальню, выбранную для себя Сильвией, хозяйкой этой секции.

Там она и начала переодеваться из наряда, в котором беседовала с президентом, в более удобное, домашнее платье.

То ли случайно, то ли специально леди Спенсер приоткрыла зеркальную створку шифоньера так, что Вадиму было видно её отражение и большая часть спальни, с разброшенными в беспорядке предметами туалета, девятнадцатого века и нынешнего. К числу аккуратисток леди явно не относилась, привыкла, что её постоянно окружают многочисленные горничные и камеристки. И приберут, и подадут, и корсет зашнуруют.

Сильвия точно так же отбросила на ковёр жакет, блузку, потянула через голову юбку.

Уж никак этой женщине не дашь её то ли сто сорок, то ли сто пятьдесят лет. Тридцать пять от силы. Самый прекрасный возраст, когда всё сошлось — и красота неувядающая, и ум, и опыт... Как говорил всем известный профессор Выбегало: «Она, значить, хочет всё, что может, и может всё, что хочет!»

Что касается фигуры Сильвии Артуровны — снимай и помещай без всякой ретуши на обложку самого престижного мужского журнала. Обосновавшись на жительство в викторианской Англии, она, похоже, многое потеряла. Там ничем не блеснёшь в свете, кроме как тонкостью талии и глубиной выреза декольте.

Леди раздевалась не спеша, обстоятельно, давая возможность рассмотреть себя в любой из тщательно продуманных поз. Секонд несколько раз непроизвольно сглотнул слюну, не отрываясь от лично для него устроенного представления.

Сняв абсолютно всё, она так же не спеша начала выбирать подходящий наряд из десятков платьев и костюмов именно этой эпохи, развешанных на плечиках. Наконец остановилась на ярком, но одновременно весьма элегантном платье, приложила к телу, прикидывая, хорошо ли будет, поправила причёску и вдруг от души рассмеялась, скорчила забавную гримасу, резко повернулась и вышла в дверной проём, подбоченившись и отставив в сторону ножку.

Секонд отчего-то не подумал, что если он её видит в зеркале, так и она его тоже. «Угол падения равен углу отражения» — закон физики.

— Интересно исподтишка за голыми женщинами наблюдать? — спросила она, садясь напротив, ничуть не стесняясь своей наготы, на расстоянии протянутой руки всего лишь. Даже алое, в белых цветах платье положила не на колени, а рядом, на подлокотник.

— Врачу — не очень, — ответил Вадим, однако достал из пачки вторую сигарету. — На первом-втором курсе действительно интересно было, да и то далеко не в каждом случае...

— Оставь. — Она плеснула себе в рюмку на палец коньяка. — Ты — будешь? — придержала в воздухе наклонённую бутылку.

— Не хочется, — мотнул головой Секонд. — Сколько можно?

— Как знаешь. А тяга к рассматриванию обнажённых, ещё лучше — обнажающихся женщин, в процессе — от профессии не зависит, иначе все врачи были бы профессиональными импотентами. Уж гинекологи — обязательно. Любой взрос-

лый мужчина совершенно точно знает, что увидеть что-нибудь принципиально новое невозможно теоретически, и тем не менее...

— Наверное, — рассудительно сказал Секонд, стараясь всё-таки смотреть в лицо Сильвии, а не на грудь и ниже, — нас волнует не анатомия как таковая, а возможность увидеть конкретный объект в нестандартной ситуации. Нет ничего более скучно-раздражающего, чем нудистский пляж или плановый медосмотр сотрудниц ткацкой фабрики. Пусть и двадцатилетних, но в числе около ста человек.

— Опять философствуешь. — Леди Спенсер потянулась к сигаретной коробке на столе, качнув над столом совершенно девичьими, но впечатляющими грудями, как бы опровергающими только что изложенный тезис. — А сам небось еле-еле сдерживаешься...

Пришлось, в душе, согласиться, что Сильвия скорее права, чем нет. Особенно — глядя на её правую ножку, перекинутую через колено левой, плавно раскачивающуюся перед глазами.

— Так пойдём? — Она правильно поняла его ускользающий взгляд. Сделала движение, чтобы встать с кресла, одновременно указывая головой на спальню.

Вчера она сделала попытку соблазнить Фёста, но тот, весь в процессе ухода за Вяземской, её прямые намёки проигнорировал. А Сильвия себе отказывать в желаниях не привыкла. Постоянный мужчина, вроде Берестина, конечно, нужен. Не может нормальная женщина без такого. Но лёгкие фривольные приключения значительно разнообразят жизнь. Прожить с одним и тем же,

вроде первого мужа, графа Стенбок-Фермора, за которого она вышла в тысяча восемьсот девяносто третьем году, сто десять лет — физически и психологически невозможно.

Фёст не согласился, чувствительно Сильвию задев. Но чем хуже Секонд — аналог и близнец?

— Знаете, Сильвия Артуровна, — ответил Ляхов-второй, — при всем восхищении вашими прелестями... — прелести имели место, кто бы поспори́л: что ноги, что изгиб бёдер, что грудь, — давайте оставим эту тему.

— Почему? — Она удивилась совершенно искренне. — От твоей жены нисколько не убудет. Тем более — Майя не узнает ни о чём. Мы здесь одни, я отнюдь не болтлива. Пятнадцать минут взаимной страсти — и разойдёмся. Навсегда или до следующего раза.

— Тяжело объяснить, — вздохнул Вадим, против воли закуривая третью подряд местную сигарету. Они ему нравились гораздо больше, чем отечественные папиросы. — Есть такое понятие — философский дуализм. Предположим, что пятнадцать минут в постели с вами станут самым незабываемым впечатлением в моей жизни. Значит, все прочие отпущенные мне годы я буду вспоминать вас и мечтать о новой близости... Во что тогда превратится жизнь с законной и, добавлю, любимой женой? Берём обратную теорему — ничего интересного вы мне предложить не сможете... — Уловил искру гнева в пронзающих его глазах. — Или — я вам, что вероятнее. Не совпадём мы с вами анатомически и физиологически. В этом случае? Один великий русский писатель говорил: «Нет худшего чувства, чем ощущение напрасно

сделанной подлости». Да, вдобавок, комплекс у меня какой-нибудь разовьётся, как у одного приятеля, лишившегося мужской силы от неожиданности, когда страстно желаемая особа вдруг, без предупреждения, решила уступить его домогательствам. На всю жизнь лишился, заметьте... — Ляхов сделал печальное, как у патера Брауна, лицо.

— Значит, так это ты понимаешь? — Сильвия встала во весь рост, заведя руки за спину, отчего грудь поднялась и стан вызывающе изогнулся.

— Уж простите, Сильвия Артуровна. Как женщина вы меня восхищаете. Давайте на этом чувстве и остановимся... Если бы вас сейчас сфотографировать, было бы о чём вспоминать долгими зимними вечерами и о чём сладко сожалеть...

Слова Секонда Сильвии понравились.

— Чего-чего — фотографий могу целый альбом подарить. Только где ты его от жены будешь прятать? — пренебрежительно махнула она рукой. — Пожалуй, я тебя уважаю, Вадим. — Сильвия одним движением натянула через голову платье, одёрнула, поправила, где нужно. — У настоящего мужчины должны быть принципы. А я... Да перетерплю как-нибудь. Не смертельно. Завтра домой поеду.

Вдруг у Секонда появилась интереснейшая мысль. Как производная от всех прочих, двое суток крутившихся в голове. Словно запал сработал.

— Знаете, леди Си, мы сейчас одним махом можем решить все наши проблемы. Ваши, мои, Фёста и двух российских государств заодно.

— Неужели? Это очень интересно. А то мне на самом деле показалось, что вы в тупике. Помочь я

вам помогла, в меру сил, но в окончательный успех затеянной Фёстом авантюры не верю. Инерция и упругость истории — страшная сила. Ваш, вернее — его президент прав. Сотня лет кропотливого и целенаправленного труда рано или поздно принесут свои результаты, но никак не раньше. Кавалерийскими набегам войны не выигрываются. Хочешь — моему личному опыту поверь, хочешь — вспомни печальную судьбу империи, созданной Чингисханом...

— Так и я об этом же, — с энтузиазмом согласился Секонд. — Не хотелось только друга и брата огорчать. Лишать, так сказать, последнего смысла жизни. Он не из тех, чтобы удалиться с любимой «под сень струй» и коротать следующую сотню лет, наблюдая за неспешным вращением жерновов божьих мельниц...

— Поэтически выражаться умеешь, — одобрительно похлопала его по руке Сильвия. — Я, правда, не совсем поняла, при чём тут мои проблемы, тем более — текущие. — Она улыбнулась весьма двусмысленно.

— При этом самом. Всё взаимосвязано, и одно вытекает из другого. Кроме громкой геополитической победы и славы в веках вы почти немедленно получите самые яркие и сильные впечатления, которые только можете представить...

— Ну-ка, ну-ка. — Леди Спенсер, похоже, заинтересовалась. — С кем же, любопытно узнать?

— Вы умеете производить на мужчин мгновенное, убойное впечатление? — спросил Вадим. — Такое, чтобы на колени падали, в попытке облобызать ножку, или сразу, невзирая на сопротивление, хватали в охапку и тащили в койку?

— А ты как думаешь?

— По идее, должны бы. А вот с нами как-то не получилось, не в обиду вам будь сказано...

Сильвия снова рассмеялась и покровительственно погладила его руку.

— Милый мальчик, — сказала она, — да-да, мальчик, хоть и полковник. Стоило мне захотеть, и ты бы сейчас орошал слезами мою грудь, вымаливая позволение одним глазком взглянуть, что же у меня всё-таки спрятано под платьем. — Она эффектным взмахом поменяла ноги местами. — Втайне надеясь, что я, возможно, позволю что-нибудь ещё...

— Да неужели? — не поверил Секонд. — Тогда почему не вышло?

— Тебе известна разница между чистой взаимной страстью (я не говорю «любовью») и изнасилованием? Мне нужно было, чтобы ты искренне меня пожелал и я, млея от счастья, тебе уступила... А то, о чём спросил ты, может сделать с любым, повторяю, с любым мужчиной даже каждая из ваших «валькирий», как вы их, довольно банально, на мой вкус, именуете. Но ведь не делают, ждут совсем другого... Две, похоже, дождались, что значительно повысило градус желания «чистого чувства» и у остальных. Но зачем ты об этом спросил?

— Видите ли... Государь Император Олег Первый — страстный обожатель красивых женщин. Совершенно как его августейший прапрадед. И вам он непременно понравится, как мужчина вообще и особенно — как уникальный экспонат вашей обширной, насколько мне известно, коллекции.

О способности внушать мгновенную страсть я

спросил просто для подстраховки. Вдруг его Величество именно сегодня окажется не совсем в настроении, так скажем... А ни вам, ни мне откладывать дело в долгий ящик незачем...

Сильвия пришла в великолепнейшее расположение духа, едва ли не в восторг.

— Молодец, это ты шикарно придумал! Российский Император — действительно, трофей! Тем более, мне приходилось слышать о его подвигах на любовном поприще. Ещё когда он был почти никем всерьёз не принимаемым Великим князем. Сублимировался, попросту говоря, таким образом. И как ты это намереваешься обставить?

— Нет ничего проще. Государь сейчас в Берендеевке, пребывает, как это здесь называется, в *трудовом отпуске*. Я, в качестве флигель-адъютанта, «пересвета», Георгиевского кавалера и так далее, имею право на немедленную, *вызванную обстоятельствами*, естественно, аудиенцию.

— И что же у нас за обстоятельства? — уже настоящему заинтересовавшись, спросила Сильвия. Ей стал интересен этот юноша, уже не как Платон Зубов Екатерине Великой, а в роли государственного деятеля. Она с первого взгляда поняла, насколько некомфортно Ляхов себя чувствовал в реальности ГИП и как расцвёл, вернувшись в свою. Оттого, может, её к нему и потянуло.

— Да простенькие такие... — Вадим, наконец, разрешил себе наполнить рюмку. Разговор пошёл деловой. А к Императору явятся — там при любом раскладе пить придётся, пока их Величество сам не велит заканчивать. Ну и Сильвии тоже предложил.

— Можешь даже и не спрашивать. Запомни на

будущее, *милый*, с гомеостатом на руке ты теперь имеешь возможность пить круглосуточно, семь дней в неделю. Нужно только режим поднастроить — немедленно по поступлении в организм разлагать алкоголь или с замедлением на нужный отрезок времени, чтобы хоть что-то приятное почувствовать...

— Спасибо, леди, на службе нам это свойство прибора очень пригодится. Особенно вам...

— То есть? — приподняла Сильвия тонкую бровь.

— Государь любит, когда женщины за его столом напиваются в стельку. Ходить ещё могут, а сдерживать поток подсознания — уже нет.

— Прелестно. Доставлю ему такое удовольствие. До-олго будет вспоминать, как сладкий сон...

Глядя на ставшее азартным и совсем молодым лицо агтрианки, Вадим по-хорошему позавидовал своему Императору.

— Только... Это, Сильвия Артуровна, переоделись бы вы подходящим к приёму образом. Олег Константинович любит, чтобы женщины были одеты строго, элегантно. Платьице ваше, простите, для похода в ресторан с полковником Ляховым годится, а вот для императорского приёма... И чтобы снимать с них нужно было много, преодолевая известные трудности, — это он намекнул на то, что Сильвия натянула и так фактически прозрачное платье на голое тело.

— Совершенно в моём вкусе мужчина. — Она в который уже раз рассмеялась серебристо и очень завлекательно. — Одеваться — при тебе?

— Да лучше нет, избавьте от нравственных

терзаний. Я пока тезисы предстоящей беседы набросаю, а вы — дверь в гардеробную прикройте.

— Жаль. Вдруг бы посоветовал что. Адъютанты обычно много знают о тайных пристрастиях своих начальников.

— Самые обычные пристрастия. Хлысты, чёрное бельё и «шнурованные ботинки до самой задницы» не потребуются.

— И Ремарка читал¹, надо же, — восхитилась Сильвия. — Настоящий мужчина, не зря тебя в «Герои России» произвели.

— Стараемся, леди, в меру сил стараемся постоянно повышать как служебную квалификацию, так и общую эрудицию. На руководство не очень, а на красивых дам иногда впечатление производит, — теперь уже откровенно развлекался Секонд.

Ляхов по телефону предупредил Фёста, что они с Сильвией кое-куда съезжают в своём мире, вернутся или через час, или утром, видно будет. И настоятельно попросил никаких действий, выходящих за рамки общепринятых, не предпринимать.

— Лучше всего включи Шар, посмотри, где сейчас девочки колобродят, разыщи Люду и погуляйте как следует, ни о чём постороннем не думая. Три дня мы президенту дали, вот на три и отвлекись. Я бы знаешь, что сделал?

— Что? — с ожиданием подвоха спросил Фёст.

— Поехал бы с ней в самый богатый ассорти-

¹ См. роман Э.М. Ремарка «Чёрный обелиск».

ментом антикварный магазин, наверняка здесь такой есть, и купил бы ей обручальное кольцо или старинный перстенёк...

На удивление, аналог отнёсся к его словам с полным пониманием.

— Нет, обручальное в «Антикваре» нельзя. Только новое, лучше — на заказ. Знаю, где. А перстенёк века восемнадцатого — это ты здорово придумал... Спасибо. До встречи. И удачи тебе...

При этом голос Фёста звучал в трубке так, будто тот заведомо предположил, что в планах аналога — капитальный разгул с сексуальной красавицей. На той же загородной даче. Что же ещё могло прийти в голову почти одинаково мыслящему человеку, заметившему и взгляды, то и дело бросаемые леди Си на одного и другого «близнеца». Он даже слегка испугался за Секонда — неужто махнул на Майю рукой и решил пуститься во все тяжкие?

Ну, даже если так — ему какое дело. Истинно: «Никто не сторож брату своему».

Ехать к Императору на съёмном таксомоторе верх бестактности. Поэтому Вадим с Сильвией сначала добрались на такси до Управления, где Ляхов в своём кабинете переоделся в придворную форму с орденами и при холодном оружии (для *малого приёма*), взял свою машину, а главное — позвонил по спецсвязи дежурному сейчас в Берендеевке генерал-адъютанту. Попросил передать просьбу о неотложной аудиенции.

— Чего это тебя вдруг разобрало? — по-товарищески спросил генерал-майор Дзилихов. — Го-

сударь не слишком в духе. Рассеянный какой-то. Сидит на веранде и из воздушного пистолета мух стреляет. Может, завтра лучше?

— Глядишь, я его и развлеку, — с куражом в голосе ответил Ляхов. — Доложи, а там посмотрим...

— Знаешь, ты угадал, — зазвучал через несколько минут в трубке раскатистый баритон генерала. — Не сказать, чтоб обрадовался, но оживился. Какого, говорит, ... ему от меня надо? Пусть едет, послушаю, а то мне штатные раз...и уже надоели. Так что приезжай, вдруг свой профит поймает. Часа хватит?

— Придавлю как следует — хватит.

— Ну, Вадим, — восхитилась Сильвия, увидев Ляхова при полном параде, — я просто понять не в состоянии, как ты ухитряешься сохранять целомудрие в окружении стольких очаровашек... Всё, всё, не сердись, я только шучу.

Олег Константинович не собирался устраивать торжественного приёма одному из тридцати своих флигель-адъютантов. Спасибо, что вообще не послал очень и очень далеко в известном направлении. Так и сидел на затенённой сосновыми лапами и кустами сирени веранде, с длинноствольным пистолетом на коленях и открытой коробкой свинцовых пуль на столе. Там же ваза с фруктами, бокал и две бутылки испанского хереса. Ветерок шелестел страницами толстой книги формата «ин кварто», названия которой Ляхов увидеть не смог, точнее — не успел. И ещё — рядом с книгой лежала толстая красная папка «К докладу».

Император был приведён в восторженное со-

стояние фактически мгновенно. Как только на крыльцо, в сопровождении побрякивающего заказными серебряными шпорами и придерживающего у левого бедра шашку с аннинским темляком Ляхова вспорхнула, иначе не скажешь, — великолепнейшая Сильвия. Одетая, обутая, причёсанная, покрашенная и надушенная так, чтобы пришёл в полное расстройство чувств именно *этот* мужчина (у Шара имелась и такая опция). Так и получилось. Недавно обуревавшие самодержца меланхолические и даже мизантропические мысли как ветром дуло.

«Садизм, конечно, — подумал Вадим с внутренней усмешкой, наблюдая за своим Государем, — так и садизм для чего-нибудь полезен. Как бы иначе существовать мазохистам?»

Прежде Олег Константинович вскочил, приложился к ручке прелестной дамы, поедая и ощущая её глазами от щиколоток до глаз и обратно. Будто сам не веря своему счастью. И только после этого выслушал положенным тоном произнесённое флигель-адъютантом представление:

— Дама Сильвия Артуровна Берестина, супруга хорошо вам известного генерал-лейтенанта Берестина, Алексея Михайловича...

— Да не может быть! — удивился и одновременно восхитился Император. — Прямо из тысяча девятьсот двадцать пятого года? И что же вас привело сюда, очаровательная Сильвия Артуровна? А где ваш супруг? Я для него держу коробку с орденом, желая вручить при личной встрече, а его всё нет и нет...

Про орден Вадим услышал впервые. Так и не должен ведь Его Величество с каждым полковни-

ком своими намерениями делиться. А всё же любопытно — каким таким орденом Олег собрался Берестина наградить? Врангелевского «Николая Чудотворца» только «Андреем Первозванным» можно перешибить, на шейной цепи ювелирной работы.

Или прямо сейчас ему такая идея пришла, после того как в глаза Сильвии заглянул и в вырез декольте, естественно? И что там такого невероятно мог увидеть опытный мужчина, удивился полковник, в глубине души гордый тем, что устоял перед якобы непреодолимым соблазном. По прошествии двух часов леди Спенсер уже казалась ему совершенно рядовой женщиной, прелестно сложенной, но и не более того. Жене изменять ради того, что банально, как солнечный рассвет, — себе дороже.

Однако Император считал совсем иначе. Тем более наверняка уже начала действовать включённая аггрианкой программа.

Но характер у Олега Константиновича всё равно *был правильный*. Выказав Сильвии все положенные знаки внимания, усадив её в удобное плетёное кресло, он повернулся к стоящему, как положено, почти «во фронт» полковнику.

— Какие у тебя ко мне вопросы или предложения? Зачем приехал? Докладывай. Если здесь неудобно — пойдём в кабинет. Сильвия Артуровна нас подождёт? Я распоряжусь, ей скучно не будет. Тебе сколько времени нужно? Пятнадцать минут, полчаса?

Император на то и Император, чтобы по глазам адъютанта понять, что не просто так он явился, а с по-настоящему серьёзным делом.

Обо всём, что Ляхов придумал, он обстоятельно рассказал Сильвии, пока они крутились по лесным дорогам, через каждый километр перекрытым казачьими патрулями. Урок из прошлого служба императорского конвоя извлекала, серьёзный до крайнего предела.

Леди Спенсер его замысел понравился чрезвычайно. Вадим даже удивился, насколько живо эта, по всем параметрам *далёкая* дама отнеслась к совсем не нужной ей идее. Или — наоборот. То, что не получилось двадцать с лишним лет назад у неё, руководительницы мощной, охватывающей полмира организации, решили с помощью нескольких недоученных девчонок воплотить два вполне рядовых парня. С некоторыми способностями, но и не более того.

— Ваше Величество, — ещё раз звякнул шпорами Ляхов. — Желание обратиться к вам с *особой важности* предложением изъявила госпожа Берестина. Я всего лишь позволил себе попросить об аудиенции, используя должность, и доставить её сюда. Прошу прощения, если...

Император махнул рукой. Его меланхолия, или, по-английски выражаясь — сплин, исчезла, как и не было.

— Молодец. Смелость города берёт. И, это... — Он кашлянул, не придумав подходящего продолжения сентенции, которая могла бы стать исторической. — Миллер!

Войсковой старшина появился из глубины двorca почти мгновенно.

— Ты давай... Займитесь с полковником в охотничьем домике чем-нибудь интересным. Не стес-

няйтесь. Я потом позову... У нас с госпожой Берестиной важное государственное дело.

Государь, придерживая Сильвию под локоток, направился к ведущей на второй этаж лестнице. За ними было направился неразлучный пёс, дремавший под столом, но Олег Константинович на него цыкнул, и Красс, недовольно дёрнув ухом, вернулся на прежнее место.

Войсковой старшина¹ Миллер, с которым Ляхов был хорошо знаком, особенно после боёв за Берендеевку, откровенно обрадовался его приезду. Тем более — поступил приказ, заведомо предполагающий хорошую гулянку без последствий.

Казак в пятом поколении с немецкой фамилией посадил на своё место поручика из общего адъютантского наряда, повёл Ляхова в охотничий домик, крайне удобно расположенный метрах в ста позади главного терема. Полсотни гостей в нём принять всегда можно, двое тем более поместятся.

— Надолго мой с дамочкой завязался, как думаешь? — спросил Миллер, чтобы правильно «распределить силы». Его бы устроило — до утра пусть Император гостей занимается... Что, в общем, привычкам Олега соответствовало. Если только женщина не оказывалась слишком капризной или *неинтересной*. — И где ты такую ... её разыскал? Вроде — не по твоей части, царю баб поставлять. Но — неплоха, неплоха, честно скажу. Даже великолепна. Ножкой как из-под юбки сверкнула — полный, тоё-моё и каменные пули. Не московская? — Войсковой старшина, седьмой год с то-

¹ Казачий чин, соответствующий армейскому подполковнику или капитану гвардии.

гдашним князем, нынешним Императором неразлучный, весь более-менее подходящий столичный контингент знал. Поскольку Олег Константинович уделял внимание только дамам безукоризненного происхождения и непременно замужним. Девственницы были скучны, разведённые — опасно непредсказуемы.

Ляхову сегодня напиться ужас как хотелось, да ещё и в хорошей компании одного с ним происхождения и воспитания человека. Нелегко ему далось общение с Сильвией. Он решил отключить гомеостат часа на два хотя бы. Далее — по обстановке. Служба потребует — через двадцать минут будет как огурец.

Дворцовые лакеи уже тащили, непосредственно с царской кухни, жаренных в собственном жире с луком свежедобытых перепелов, закуски всевозможнейшие, названия которых большинство населения Империи если и слышало, то о сути не догадывалось: «страсбургский пирог», например. Естественно, напитки всякие, лично для Государя в особых винокурнях производимые. В количестве — на весь дворцовый адъютантский наряд, не меньше.

— Ты, Паша, хоть и войсковой старшина, — сказал Ляхов, отстёгивая шашку и снимая мундирный китель, слишком тугой и жаркий по этому времени, — а в высокой политике — ни в зуб ногой. Этот бабец, тебя очаровавший, думаешь — так себе? Графиня, проездом из Вятки в Карлсбад?

— Так и разъясни, чего зря трепаться, — сказал Миллер, поднимая чарку. Чокнулись, выпили, чтоб не последнюю.

— Позволь тебе доложить, друг мой Павел, что сия дама — непосредственно собственная жена оч-чень тебе хорошо известного генерал-лейтенанта Берестина, плац-парад не так давно вам здесь устроившего.

— Да ты... Твою ж мать! — Аж поперхнулся душистой травкой Миллер и немедленно налил по второй. — Того самого, врангелевского? Ну-у, брат. Ох же и бабы у них там, в старой России. И чего она сюда?

— Личное послание, вроде бы, привезла, то ли от мужа, то ли от самого Верховного Правителя...

— Ох, ты, ... — не нашёл более оригинального междометия Миллер. Опять чего-нибудь затевается? А для чего *вот эту* прислали? Офицеров не хватает?

— Читай «Три мушкетёра», — назидательно ответил Ляхов. — Миледи, граф Рошфор, кардинал и всё такое... О подробностях мне ничего не сказали. Велели встретить, договориться с Императором о встрече и препроводить...

Миллер снова покрутил головой, поскольку рот был занят разгрызанием перепелиного туловища. Адъютантская служба — она тоже не сладкая. Когда с царём рядышком сидишь и питаешься от пуза, а когда и сухпайком перебиваться приходится.

— Я всё равно не понимаю, — сказал войсковой старшина, прожевав и вытерев губы салфеткой. — Зная нашего Государя (а кто, как не ближний помощник, стремениной и постельничий, может знать его лучше?), посылать для государственных переговоров *такую бабу* — он закатил глаза, — это или глупость, или провокация...

Ляхов был с ним совершенно согласен, не только потому, что уж очень они с Миллером друг друга знали и понимали, а поскольку сам интригу заставлял. Ему было интересно, как опытные, неглупые люди, свободные от комплексов (а Павел был именно таким), отнесутся к разыгрываемой им комбинации. Вспомнился советский фильм-мюзикл по мотивам «Двенадцати стульев», ария Миронова-Бендера: «Вы оцените красоту игры!».

— Ты, что ли, подозреваешь генерала Берестина — а ты его помнишь в самый трагический момент нашей обороны, и здесь, и в Москве — в том, что он мог собственную жену Олегу *подсунуть*? — Голос Вадима прозвучал настолько естественно, как только возможно.

— Не заводись, Вадик, — положил ему руку на погон с вензелем Миллер. — Пей, пока позволено, и не осложняй себе жизнь. Я тебя на десять лет старше, всякого насмотрелся. Прежде всего — с чего ты вообразил, что он её *подсунул*? Есть масса других объяснений происходящему, и если бы не лень — каждое тебе изобразил. Второе — откуда ты знаешь, что это именно *его жена*? Не слабый вопрос, правда? Ты ведь до белого Севастополя и Харькова так и не добрался? А нас ведь звали...

Ляхову пришлось кивнуть, соглашаясь, что в тех местах и временах он так и не был и нотариально факт супружества этой дамы и генерала Берестина заверить, само собой, не готов.

— Поэтому, друг ты мой — забей на всё, — доверительно, почти на ухо сообщил ему Миллер. — Знать нам лишнего не позволят, кому следует, а главное — стремиться к этому не нужно. Сказал Олег — отдыхайте, так и будем отдыхать, чтобы он

потом в изумление пришёл... Сказали тебе — жена генерала. Значит — жена. И не придерёшься. Велено. Главное — на второй этаж не лезь, и всем будет хорошо... А вообще очень ты вовремя приехал — словно специально подгадал. Телепатией, случаем, не занимаешься?

У Отца нашего почему настроение плохое — облом у него по женской части получился. Чекменёв ему обещал несколько ве-есьма, по его словам, соблазнительных девчонок показать, новых офицерш из женского отряда «печенегов», да ты наверняка в курсе. Они там в Одессе весьма ярко себя проявили и к орденам представлены. Государь и соизволил повелеть, чтобы их для награждения сегодня сюда представили. А они — надо ж такому случиться, все скопом отпуск на несколько дней испросили, с выездом за пределы Москвы. В неизвестном, можно сказать, направлении...

«Очень интересно, — подумал Ляхов. Как же это такая информация мимо меня проскочила? Специально, что ли, Игорь Викторович решил меня «за кадром» оставить, как бы чего не вышло? И Тарханов не сказал... Хотя он, может, и собирался, так меня в зоне телефонной доступности не было... Вовремя, получается, я девушек из-под уда-ра вывел, а то и не знаю, что бы здесь сейчас случиться могло...»

— Так слушай дальше, — продолжал Миллер, — решил он другую даму из фавориток пригласить: не пропадать же куражу. Так и она, представь, в отъезде... В общем, настроение у Государя упало ниже уровня моря — и вдруг ты, как с неба свалился.

— А если и с ней не выйдет? — спросил Ляхов.

— Не наша забота, — отмахнулся Миллер. — Не догонит, так согреется... Давай-ка я гитару велю принести, и споём мы с тобой что-нибудь этакое, фронтовое. Из репертуара офицеров Добровольческой армии.

— Это — хоть сейчас, — согласился Вадим. Слух у него был великолепный, с раннего детства родители на рояле заставляли упражняться. Не дожидаясь гитары, запел «а капелла»:

Десятые сутки пылают станицы,
Горит под ногами родная земля...

Император провёл Сильвию в очень удобную и приятную светёлку. Комната в мансарде, обставленная скупой, но красивой ручной работы, причём — выдающегося резчика по дереву — два кресла, стол, скамьи по обе стороны окна, шкаф книжный и шкаф для напитков. Всё — из карельской берёзы или причудливых корневищ. Едва ли не стеклом выскобленный пол, ковры и паласы, привезённые из дальних среднеазиатских походов. Такое интересное сочетание стилей.

— Так что же просил передать мне ваш супруг, в котором, снова повторяюсь, я вижу идеал настоящего русского офицера? — спросил Олег, вначале устроив гостью, потом выставив на стол два обливных глиняных кувшина с напитками, крепким и не очень, глиняные же чарки и кружки. Ваза со свежайшими фруктами уже присутствовала, неизвестно когда успевшая появиться.

— Ужинать мы будем позже и в другом месте, — счёл необходимым предупредить Императора, — а это просто так, с дороги освежиться...

Сильвия устроилась в кресле поудобнее.

На Столешниковом она выбрала себе наряд, для здешней светской дамы странный, но, с учётом совета Ляхова, подходящий. Если она явилась на аудиенцию прямо из двадцать пятого (тысяча девятьсот) года неизвестной Императору реальности, как раз то, что нужно. По любым вкусам, хоть аристократическим, хоть военным — не придерёшься.

Платье стиля «сафари», модного в конце семидесятых годов двадцатого века в ГИП. Травянисто-зелёного, ближе к хаки цвета. Длиной на ладонь ниже колен, но с разрезами по бёдрам почти до пояса. Много больших накладных карманов, пряжки, хлястики, подобие газырей (или гнёзд для боевых патронов) на груди. Кто-то помнит Джейн из фильма тридцатых годов про Тарзана, там она бегала по джунглям в таком же платье, но в моду фасон тогда не вошёл. Вторая мировая война помешала. Зато в семидесятые в СССР — две инженерские зарплаты за такое отдать нужно было, и то на «толкучке» не всегда найдёшь.

Вот на разрезе Император и зафиксировал свой намётанный глаз. Роскошную дамскую ножку приличия позволяли (в обычной обстановке) видеть едва до колена, ну, если повезёт — чуть выше: ветерок внезапный юбку девушке на улице приподнимет, ещё что-нибудь в этом же роде.

Зато генеральша Берестина совсем не собиралась скрывать длинного разреза, который позволял видеть тонкие голубые резинки от пояса до широкой кружевной окантовки бледно-зелёных шёлковых чулок. И мраморно-белую, совсем не загорелую кожу выше.

Она охотно выпила с Олегом Константиновичем не вина, а куда более крепкого напитка, из личных погребов. Тут же и закурила — с конца девятнадцатого века светские дамы ввели в стиль курение. Причём табаком развлекались самые скромницы, прочие предпочитали гашиш, опиум, кокаин.

Помните, у Северянина?

Ты, набив папиросу гашишем,
Предложила попробовать мне...

В двадцать первом веке подобный жест никого не мог удивить или шокировать.

При этом, почти не затягиваясь и картинно пуская дым, Сильвия сосредоточила на Императоре все свои чары. Да их особенно много и не требовалось. Олег Константинович был сам по себе как следует эмоционально разогрет. Единственное, что его сдерживало, — не фрейлина своего Двора всё-таки перед ним, а генеральша, чей муж состоит начальником штаба Верховного Правителя дружественной и вполне Великой Державы.

Но исходящие от неё флюиды (как и феромоны) были так сильны, что Император, понимая, что теряет голову и совершает недопустимое, протянул руку и положил ладонь именно в этот манящий разрез платья, коснувшись пальцами внутренней, особо гладкой и нежной поверхности бедра. Сильвия подняла на него удивлённые глаза.

— Не лишнее ли вы себе позволяете, Ваше Величество? Мы ведь едва знакомы...

И тут же легко встала с кресла.

— Впрочем, Ваше Императорское Величество,

если у вас здесь *такой этикет*, смею ли я... В чужом монастыре... — Сильвия одним щелчком расстегнула замок широкого пояса платья, чуть подавшись вперёд, как бы давая понять Олегу, что большие бронзовые пуговицы, от воротника до подола, ему придётся расстёгивать самому.

Она стряхнула с плеч своё «сафари», повела плечами и грудью.

— Налейте мне того же, что раньше, — капризно сказала Сильвия, приглашающе взмахнув ресницами.

Надето на ней и помимо платья было слишком много, причём большинство предметов туалета — незнакомых Императору фасонов и конструкций. В его достаточно непритязательном мире женщины до сих пор обходились крючками и пуговичками.

Она села в кресло, сделала маленький глоток и начала пространно объяснять стоящему перед нею на коленях Олегу назначение и принцип действия наличествующих застёжек и пряжек.

— Вы, при вашей силе и нетерпении, наверняка что-нибудь сломаете, а починить даже ваши адъютанты не сумеют...

Доведённый теорией и практикой до крайней степени возбуждения, Олег Константинович наконец подхватил собственноручно им обнажённую Сильвию на руки и понёс в соседнюю комнату, где имелась подходящих размеров кровать.

Император оказался мужчиной того очень редкого в бесчисленной череде поклонников леди Спенсер типа, которого настроения, желания,

вкусы женщины совершенно не интересовали. Обычно она достаточно ясно давала понять партнёрам, чего именно ей хочется в данный момент, а достаточно часто вообще ничего не позволяла, действуя сама в соответствии с настроением. Какие-либо попытки инициативы пресекала решительно, не всегда в тактичной форме.

Но сейчас, пожалуй, впервые в жизни, Сильвия встретилась с совершенно другим случаем. Император повёл себя так, будто она была существом, вообще лишённым права на какую-нибудь самостоятельность, вроде рабыни из гарема или приглянувшейся барину крепостной девки.

Возмущённая таким отношением леди попыталась сопротивляться, но при всей её силе и гибкости смысла в этом было столько же, сколько в намерении рукой остановить паровой молот. Телодвижения Сильвии и малоприличные слова протеста Олега скорее возбуждали, если он вообще обращал на них внимание.

Но очень скоро она почувствовала совсем незнакомое возбуждение, начавшее разливаться по всему телу. Происходящее вдруг стало невыносимо прелестным. Более того — ничего подобного прославленной своими похождениями *светской львице* раньше просто не случалось испытывать. Партнёры, допущенные к *телу*, чаще всего обычным образом эту *тигрицу* (как писал поэт Отто Бамбус в своём бессмертном цикле) боялись.

Алексей — не боялся, но и вёл себя в постели весьма банально. А сейчас вместо возмущения грубым насилием в её голосе вдруг зазвучало сначала удивление, а потом откровенная, неподвласт-

ная разуму страсть. Только что она колотила кулаками по широкой, с сильными мышцами спине и пыталась оттолкнуть Императора, сбросить его с себя, и вот уже стискивает его в объятиях, бормочет какие-то бессвязные слова, то низко стонет, то пронзительно вскрикивает.

Потом её сознание вообще накрыла странная багрово-чёрная волна, и Сильвия пришла в себя, только когда Олег отпустил её и отодвинулся на край постели.

Она несколько минут лежала на спине, приводя мысли в порядок. В какой-то книжке она читала или слышала от специалистов, что настоящий, редко кем достигаемый в полной мере экстаз у женщин ничем не отличается от эпилептического припадка со всеми клиническими признаками. Вот его она сейчас наверняка и пережила... Слабость в теле, и одновременно — переполняющее всё её естество, медленно перетекающее во что-то другое ощущение мучительного сладострастия.

Прямо как в «Фаусте» — «Остановись, мгновение, ты прекрасно!».

Император встал, обернул вокруг бёдер полотенце, сел к столу. Налил себе большую чарку, залпом выпил, закурил толстую папиросу. Посмотрел на Сильвию с улыбкой.

Она села, сжав колени, по-прежнему несколько не в себе.

— Понравилось? — спросил Олег.

Леди Спенсер кивнула. Язык ей ещё не совсем повиновался.

— Иди ко мне. — Он указал на соседнее крес-

ло. — Глоток доброй «Зубровки» сейчас не помешает...

Они выпили по одной и по второй, восстанавливая душевное равновесие, перебрасываясь малозначительными словами, потом Император взял Сильвию за руку и снова повлёк к постели.

— Давно мне такие способные любовницы не попадались, — сообщил он, касаясь губами её груди. — Задержишься у меня денька на три? Переговоры обещают быть трудными... Он провёл большой и тяжёлой ладонью с мозолями от сабельной рукояти и лопаты, которой окапывал деревья в саду, по самому нежному и восхитительному месту женского тела. — А всё же скажи, дорогая, зачем муж *тебя* ко мне прислал? Сам не мог, подходящего *порученца* не нашёл? Или что?

Царь и в постели с самой прелестной женщиной — царь. Непонятностей не любит. Другие, бывает, боятся, а он чего бы то ни было бояться в пятнадцать лет навсегда отвык. Так что просто не любил.

— Всё очень просто, Ваше Величество. — Сильвия перенесла руку Олега с *того места* на грудь. Ей так больше нравилось. — Алексей, прежде всего, сейчас очень занят. Кроме того, я дипломат на несколько порядков лучше его, если тебе интересно. Когда-нибудь расскажу подробности, если сохраним дружеские отношения. Ну а, last but not least, я на самом деле захотела лично познакомиться с человеком, сумевшим совершить невозможное...

— Это ты о возрождении самодержавия? — спросил Олег.

— Сначала я имела в виду *только* это. Сейчас — *не только*...

— Ну, в таком случае, может быть, и ты меня чем-нибудь удивишь?

— Постараюсь. — Сильвия встала на колени, оперлась рукой о его плечо. Внимательно посмотрела на Олега прищуренными кошачьими глазами. Наваждение кончилось. Она снова старший координатор, а не горничная юного графа Толстого, Льва Николаевича. — Вы меня удивили, Ваше Величество, теперь я вас удивлю.

Ляхова вызвали в кабинет к Императору часа через три. На такое время он примерно и рассчитывал, поэтому успел почти полностью протрезветь. Совсем — не следовало: Олег Константинович не любил «умников, до вина не охочих», резонно полагая, что адъютант, получивший приказ отдыхать и веселиться, этим и должен заниматься. А то мало ли что ему в голову придёт? Но точно так же он не терпел и пьяниц, не способных после гвардейской пирушки до рассвета явиться на утренний развод в полном порядке.

Они с Сильвией тоже были слегка навеселе, но по виду его самого и госпожи Берестиной невозможно было представить, что они занимались чем-то ещё, помимо дипломатии.

На большом столе лежала карта фёстовской России, точнее нынешней Империи, где Сильвия толстым красным карандашом обозначила существующие в том мире границы. Их вид вызывал у Олега Константиновича почти физическое отвращение.

— Это же надо, как всё просрать умудрились господа большевички, — сказал он Ляхову, не стесняясь присутствия дамы. — Стоило русскую кровь триста лет проливать ради вот этого... — Он раздражённо бросил поверх карты карандаш.

— Сильвия Артуровна мне в общих чертах доложила, что у них там творится. Помочь землякам надо, никаких сомнений. Она берётся устроить мне встречу с их президентом. Однако предупредила, что сама очень сомневается в успехе. Я с ней во многом согласен. Не любят «демократические правители» с нами, тиранами, дела иметь, властью, *суверенитетом* поступаться. По нашему Каверзневу знаю, сколько его уламывать пришлось, едва ли не угрозой военного переворота припугнуть, хотя на моей стороне и народ был, и Конституция. Давай теперь ты — выкладывай свои соображения, «пересвет-генштабист»... — прозвучало это наименование вроде и уважительно, но с долей иронии.

— Слушаюсь, Ваше Императорское Величество. Разрешите шашку снять?

— И шашку снимай, и мундир. Если рубашка чистая, — пошутил Их Величество. — Садись, говори, что думаешь, и без этих... титулов. Пить будешь?

— Как прикажете, Олег Константинович.

— Тогда так прикажу. По одной все вместе — за благополучное начало переговоров между тремя великими Россиями...

По искоркам в глазах Сильвии Вадим понял, что термин «переговоры» Государь толкует весьма расширительно.

— Дальше — каждый употребляет по настроению, памятуя слова из Указа Государыни Императрицы Екатерины Великой: «Гостям есть вкусно и сладко, пить обильно, но дабы каждый мог найти свои ноги, выходя из дверей...» Нам сегодня ещё парадный ужин в честь дорогой гостьи предстоит...

«Дорогая гостья, — подумал Ляхов, — уж такая дорогая! Вот что бы было, если их взять и поженить? Если она с Берестиным официально нигде не зарегистрирована и не венчана — никаких ведь династических препятствий. Герцогиня английская почти что повыше, небось, захудалой принцессы Фике¹ будет... Лихо выйти может, если, конечно, всех знавших её раньше не пересажает и не перестреляет. Бывали прецеденты».

— Я тебя, Вадим, сейчас спрашивать буду по всем вопросам, на какие мне Сильвия Артуровна ответы дать не смогла, не успела или не захотела. В её присутствии. Только потом все вместе думать станем, — сказал Император, причём — на полном серьёзе, сейчас шуточками в его голосе и не пахло.

— Так точно, Олег Константинович. Для того вы нас и держите, — снова малиново² призывкнул шпорами полковник.

— Ну и хватит болтать. Я тебя слушаю.

Для начала Ляхов доложил Императору, что их с Чекменёвым проект о снабжении боевых

¹ В девичестве — домашнее имя Екатерины Второй, Софии Августы Фредерики, принцессы Ангальт-Цербстской.

² Выражение «малиновый звон» никакого отношения к ягоде не имеет. Происходит от названия бельгийского города Малин, где в Средневековье разработали удачный сплав для литья колоколов.

формирований Катранджи оружием из двадцать пятого года не встретил никаких возражений у Верховного Правителя Петра Николаевича Врангеля. Девать это добро всё равно некуда, воевать Югороссия в ближайшие десять лет ни с кем не собирается, а помочь внукам — святое дело.

Сильвия при этих словах утвердительно кивнула.

— Причём, Олег Николаевич, денег они с вас не возьмут. Что сдерёте с Ибрагима — всё наше.

— Благородно, чрезвычайно благородно, — сказать-то Император сказал, но задумался. Потом посмотрел на открытые коленки Сильвии и посветлел лицом.

«Чёрт знает что, — удивился Ляхов. — Или я чего-то не понял? Эта женщина ещё утром тащила меня на себя, а я гордо отбрыкивался. Царь, в полтора раза меня старше, переимев дам столько, что и в телефонном справочнике не поместишь, впал едва ли не в сексуальную прострацию... Он с ней забавлялся минимум два часа. Остальное на переодевание и умывание с бритьём. И опять потянуло? Или я чего-то не понимаю, или где?»

— Далее, Олег Константинович, — отбросив ненужные мысли и возвращаясь к академическому тону, продолжил Ляхов, взяв, для полной убедительности, в руки указку, — мы имеем перед собой братское российское государство, в отличие от Югороссии, где всё прекрасно, пребывающее в весьма печальном положении...

— Я и сам понял, — ответил Олег. — Половину территории оторвали, население — сто сорок мил-

лионов, живут не знаю как, да эта западная сволочь только и думает, как бы чего ещё откусить...

Император налил «Зубровки» себе и Сильвии (всё же он мечтал увидеть её пьяной «в стельку», «в доску», «вдребезги», «в лоскуты», «до положения риз», «не вяжущей лыка» и так далее, как определяли подобное состояние представители самых разных на Руси профессий). Ну хотелось, и всё! В подобном состоянии женщины иногда бывают очень забавны.

— У нас созрел план, — сказал Ляхов, упорно преодолевая внутреннее сопротивление сюзерена, — вместе с людьми, которые успешно руководят Югороссией — оказать своим братьям, да не только братьям — просто русским людям, попавшим в трудное положение, — помощь.

— Помощь — непременно окажем. А как ты это видишь? — спросил у флигель-адъютанта царь. — Если правильно ответишь — прямо сейчас в генерал-адъютанты произведу, особенно — в благодарность, как ты удачно мне интересную собеседницу привёз. Никогда с такими умными женщинами не разговаривал. — И прозвучало это абсолютно искренне.

А что, на самом деле, Государю стоит в обмен на такую *подружку* полковнику двухпросветные погоны на гладкие поменять? Мановение пальца, не больше. Лишние триста рублей оклада жалования для государственной казны сумма совершенно нечувствительная. Меньше статистической погрешности при подведении годового баланса.

— Вот так и вижу, Олег Константинович. — Ляхов встал, расправил плечи. Не мог он с Импе-

ратором на подобные темы сидя да развалиясь в кресле разговаривать.

— Я тут и с подполковником Бубновым недавно на эти темы говорил, с профессором Маштаковым тоже. С другими людьми из трёх соседних параллельных реальностей. Имеются, да вы ведь в курсе, переходы от нас и в боковое время, где некромбионты живут, и в другие прочие тоже. А совсем недавно мы нашли совершенно удивительное природное образование...

— Излагай, излагай, чего мнёшься? — Олег Константинович налил всем. Вадим заметил, что Сильвии — больше всех. Ох и интересная ночь ждёт Их Величество, если леди Си не вздумает вдруг слинять мгновенно. Но это — едва ли. Судя по глазкам — ей в Берендеевке очень понравилось.

— Да мне мяться нечего, — твёрдо ответил Ляхов. — Вам решать. Непосредственно рядом с трассой Транссиба некроманты профессора Удолина обнаружили под Уральскими горами невероятной мощности межпространственный тоннель из нашего времени — в то...

— Стой, стой, поясни...

— Поясняю. Тоннель шириной более сорока метров ведёт сквозь Уральские горы из нашего времени — в то. Необходимых работ, чтобы всё в нужный порядок привести, — инженерному батальону на неделю. Ещё конкретнее — если мы построим железнодорожные, или какие угодно вам будет станции, по обе стороны прохода — открывается постоянная, стационарная, ни от каких природных катаклизмов не зависящая дорога из одной реальности в другую.

Император, много чего в своей жизни слышавший и видевший, натуральным образом обалдел.

— Не понял, — сказал он. — Ещё раз — и медленнее...

— Ваше Величество, — как первокласснику во вспомогательной школе, начал объяснять Ляхов. — Если вы сядете в специальный поезд возле Екатеринбурга, то, проехав тоннель, через десять минут окажетесь на этой же дороге, но ведущей в Москву другой реальности. И наоборот, естественно.

Сильвия сделала ладонью останавливающий жест. Мол, пора бы Вадиму и замолчать — хватит перегружать непривычного человека. В конце концов, это на неё возложена миссия убедить Императора в нужности и взаимной полезности этой идеи. И она его непременно убедит.

— Вы понимаете, Олег Константинович, — не мог остановиться Ляхов. — Наша четырёхсотмиллионная Россия со всеми её политическими и культурными достижениями получит связь с другой. Где миллионы десятин неосвоенных территорий, где плотность населения в Сибири не намного больше, чем в Антарктиде. Где казачьи станицы от Кавказа до Урала и Уссури в полном запустении. Где люди нас ждут, в конце-то концов!

— А как к этому отнесётся *их власть*? — здраво спросил Император. — Не будет ли это воспринято как агрессия?

— Уж это я беру на себя, — ответил Ляхов. — Мы завтра же можем устроить по всероссийскому дальновиденью подобие плебисцита. Вопрос — всего лишь открытие несуществующей границы внутри *той же самой* страны. Сама постановка

звучит бессмысленно, поэтому противникам возразить будет просто нечего. Имею ли я право посетить деревню или станицу, где родились, жили и умерли мои предки? Не нарушая никаких законов. Из Екатеринбурга в Екатеринбург и дальше ездить кому-то запрещается? Хоть здесь, хоть там...

— Всё верно, Вадим, всё верно, — сказал Император. — Только понять все политические тонкости тебе ума пока не хватает. Зато я уже вижу массу проблем, больших и маленьких. Этим лично сам и займись. А тебя...

Он сделал паузу.

— Эй, Миллер, ты где там?

Войсковой старшина появился на пороге мгновенно.

— Ужин готов?

— Так точно, Ваше Величество.

— Сейчас подойдём, распорядись... А тебя, Ляхов, я назначаю главным исполнителем операции «Мальтийский крест». Акт второй.

Олег Константинович посмотрел на своего полковника очень, даже — слишком внимательно. Вадиму показалось, что не только согласия — понимания смысла кодировки царь от него ждёт. Зато Сильвия из-за спины Его Величества взглянула одобряюще.

Историю в Академии изучали очень хорошо. И общую, и военную, и альтернативную. Вадиму не составило никакого труда понять, о чём говорит Император. Он с ходу успел оценить изящество придуманного Олегом названия операции. Очень, очень к месту. Если не Сильвия, конечно, эту

мысль ему подкинула. Да нет, вряд ли. Она всё же англичанка по основной профессии.

— Слушаюсь, Ваше Величество. Ошибки Павла Первого, принявшего под своё покровительство Мальту, но не сумевшего её удержать, постараюсь не допустить. В пределах своей компетенции. Лишь бы у вас очередной Растопчин¹ не нашёлся...

Это прозвучало явной дерзостью, но Император был сегодня благодушен, тем более — Сильвия его незаметно для всех (кроме Ляхова) пальчиком за руку придержала.

— Этого не бойся. Я не Павел. Исполнишь — не обижу...

— Служу России, Ваше Величество!

¹ Советник императора Павла, вынудивший его к сближению с наполеоновской Францией и отказу от самостоятельной политики в Средиземноморье, в т.ч. и от прав на владение Мальтой.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 16.....	5
Глава 17.....	45
Глава 18.....	86
Глава 19	123
Глава 20	156
Глава 21	211
Глава 22	248
Глава 23	284
Глава 24	311
Глава 25	343

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

Звягинцев Василий Дмитриевич

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ

Том 2

Черная метка

Ответственный редактор *В. Мельник*

Редактор *Е. Самойлова*

Художественный редактор *Е. Савченко*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Е. Мельникова*

Корректор *Л. Субботина*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 15.10.2010.

Формат 84х108^{1/32}. Гарнитура «Балтика».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.

Тираж 22 000 экз. Заказ 8351

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-46134-9

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное, Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»

E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.

International@eksmo-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении,

обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. (343) 378-49-45.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78. Тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

МАЛЬТИЙСКИЙ КРЕСТ

Судьбы двух реальностей, нашей, со всеми выкрутасами российской демократии, и альтернативной, где Россия — могущественная Империя, способная адекватно ответить на вызовы азиатско-африканского «Черного интернационала», неожиданно оказываются переплетены гораздо теснее, чем предполагали Шульгин, Новиков, Левашов и их соратники по «Андреевскому братству». Акции антикоррупционной «Черной метки» в первой, заставившие президента страны со всем вниманием отнестись к предложениям этой загадочной организации, и разборки в Одессе — в другой, обратившие на себя внимание Императора, походят друг на друга не только по конечным целям, но и... по составу участников, появления которых на «театре возможных действий» и представить было нельзя. Однако иногда невозможное становится возможным, неся с собой грядущие перемены...

